

**Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности
и социальной адаптации в истории
и современности:
методология, методика
и практики исследования**

14–15 октября 2014 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СИБИРИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

*Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории
и современности:
методология, методика и практики исследования
14–15 октября 2014 г.*

Издательство Томского университета
2014

УДК 94+316+572
Ч12

*Конференция проводится при поддержке
гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной
адаптации в истории и современности»,
№ 14.В25.31.0009*

Редакционная коллегия:

*д-р ист. наук Д.А. Функ, д-р ист. наук В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук Л.В. Дериглазова, д-р ист. наук И.В. Нам,
д-р ист. наук О.А. Харусь, д-р ист. наук Л.И. Шерстова*

Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной
Ч12 адаптации в истории и современности: методология, методика и
практики исследования: Программа и тезисы. – Томск: Изд-во Том.
ун-та. 2014. – 328 с.

ISBN 978-5-7511-2294-2

Конференция проводится с целью обсуждения проблем формирования и трансформации идентичностей и социальной адаптации человека в России и в мире в условиях модернизации и глобальных социальных потрясений.

Организаторы конференции заинтересованы в широком междисциплинарном подходе к анализу предлагаемой проблематики.

УДК 94+316+572

ISBN 978-5-7511-2294-2

© Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет», 2014

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Функ Дмитрий	д-р ист. наук, проф., зав. каф. этнологии ИФ МГУ (Москва, Россия)
Бутовская Марина	д-р ист. наук, проф., г.н.с. ИЭА РАН, проф. Центра социальной антропологии РГГУ (Москва, Россия)
Соколовский Сергей	д-р ист. наук, г.н.с. ИЭА РАН (Москва, Россия)
Шнирельман Виктор	д-р ист. наук, г.н.с. ИЭА РАН (Москва, Россия)
Филиппова Елена	д-р ист. наук, в.н.с. ИЭА РАН (Москва, Россия)
Вахтин Николай	д-р филол. наук, проф., ЕУСПб (Санкт-Петербург, Россия)
Васильев Евгений	канд. ист. наук, зав. каф. археологии и краеведения ИФ НИ ТГУ (Томск, Россия)
Дериглазова Лариса	д-р ист. наук, проф., ИФ НИ ТГУ (Томск, Россия)
Дятлов Виктор	д-р ист. наук, проф., ИГУ (Иркутск, Россия)
Нам Ираида	д-р ист. наук, проф., зав. ЛСАИ ИФ НИ ТГУ (Томск, Россия)
Трубина Елена	д-р филос. наук, проф., УрФУ (Екатеринбург, Россия)
Харусь Ольга	д-р ист. наук, проф., ИФ НИ ТГУ (Томск, Россия)
Шерстова Людмила	д-р ист. наук, проф., зав. каф. востоковедения ИФ НИ ТГУ (Томск, Россия)
Джозефсон Пол	д-р философии, проф., Колби Колледж (Вотервилл, США)
Саква Ричард	д-р философии, проф., Кентский ун-т (Кентербери, Великобритания)
Коккель Ульрих	д-р философии, почетный проф., Ун-т Ольстера (Великобритания)
Корнеев Олег	канд. ист. наук, с.н.с., Ун-т Шеффилда (Великобритания)
Финке Питер	д-р философии, проф., руководитель Департамента социальной антропологии Ун-та Цюриха (Швейцария)
Мерлен Од	д-р философии, проф., Свободный ун-т Брюсселя (Бельгия)
Форе Франсуа	д-р философии, проф., Свободный ун-т Брюсселя (Бельгия)
Ссорин-Чайков Николай	д-р философии, преп., науч. сотр., Ун-т Кембриджа (Великобритания)
Хабек Отто	д-р философии, проф., Ун-т Гамбурга (Германия)
Швайцер Петер	д-р философии, проф., Венский ун-т (Австрия)
Шлее Гюнтер	д-р философии, проф., директор Ин-та социальной антропологии Общества Макса Планка (Галле, Германия)
Бич Хьюберт	д-р философии, проф., директор Департамента культурной антропологии и этнологии Ун-та Уппсала (Швеция)
Степанов Шарль	д-р философии, проф., Практическая школа высших исследований (Париж, Франция)
Ушакин Сергей	д-р философии, проф., Принстонский ун-т (США)
Суляк Сергей	канд. ист. наук, главный редактор международного исторического журнала «Русин» (Молдова)

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Галажинский Э.В. – д-р психол. наук, проф., ректор НИ ТГУ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ:

Зиновьев В.П. – д-р ист. наук, проф., декан ИФ НИ ТГУ

ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА:

Нам И.В. – д-р ист. наук, проф., зав. ЛСАИ ИФ НИ ТГУ
Функ Д.А. – д-р ист. наук, проф., г.н.с. ЛСАИ ИФ НИ ТГУ

ОТВЕТСТВЕННЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ:

Годенов И.С. – канд. ист. наук, менеджер ЛСАИ ИФ НИ ТГУ
Поправко И.Г. – канд. ист. наук, в.н.с. ЛСАИ ИФ НИ ТГУ
Рассказчикова А.А. – лаборант ЛСАИ ИФ НИ ТГУ

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Лаборатория социально-антропологических исследований (ЛСАИ)
Ауд. 30, пр. Ленина, 36, Томск
634050 Россия
E-mail: lsar@mail.tsu.ru

Нам Ираида Владимировна – д-р ист. наук, проф., зав. ЛСАИ
(namirina@bk.ru)
Поправко Ирина Геннадьевна – канд. ист. наук, в.н.с. ЛСАИ
(popravkoirina@yandex.ru)
Карагеоргий Елена Михайловна – м.н.с. ЛСАИ (karageorgiy-elena@yandex.ru)
Рассказчикова Альбина – лаборант ЛСАИ (dream91.07@gmail.com)

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

14 ОКТЯБРЯ 2014 г.

Время / место	Конференц-зал Научной библиотеки ТГУ, пр. Ленина, 34 а
9:00 – 9:30	Регистрация
9:30 – 10:30	Открытие конференции. Приветственные выступления: Галажинский Эдуард Владимирович , профессор, ректор ТГУ Рыкун Артем Юрьевич , профессор, проректор по международному сотрудничеству ТГУ Пленарный доклад « От войны до войны »: нарративы распада как ритуалы солидарности», профессор Сергей Ушакин (Принстонский университет, США)

Время / место	Конференц-зал Научной библиотеки ТГУ	Главный корпус ТГУ, пр. Ленина, 36	Конференц-зал (229)	Зал заседаний (209)
10:30-18:00				
10:30 – 12:00	Работа секций 1, 2, 3, 4, 13	Работа секций 5, 6, 7, 8		Работа секций 9, 10, 11, 12
12:00 – 13:00	Обед			
13:00 – 15:30	Работа секций 1,2,3,4,13	Работа секций 5, 6, 7, 8		Работа секций 9, 10, 11, 12
15:30 – 16:00	Кофе-брейк			
16:00 – 18:00	Работа секций 1, 2, 3, 4, 13	Работа секций 5, 6, 7, 8		Работа секций 9, 10, 11, 12
18:00-20:00	Культурная программа.			

15 ОКТЯБРЯ 2014 г.

Время / место	Конференц-зал Научной библиотеки ТГУ	Главный корпус ТГУ, пр. Ленина, 36	Конференц-зал (229)	Зал заседаний (209)
9:00- 18:00				
9:00 – 12:00	Работа секций 1, 2, 3, 4, 13	Работа секций 5, 6, 7, 8		Работа секций 9, 10, 11, 12
12:00 – 13:00	Обед			
13:00 – 15:30	Работа секций 1, 2, 3, 4, 13	Работа секций 5, 6, 7, 8		Работа секций 9, 10, 11, 12
				Малый конференц-зал НБ
15:30 – 16:00	Кофе-брейк – холл старого здания Научной библиотеки ТГУ, Ленина, 34а			
16:00 – 18:00	Круглый стол, закрытие конференции (конференц-зал Научной библиотеки ТГУ, Ленина, 34а)			
18:30	Фуршет (Дом ученых, Советская, 45)			

Регламент выступления: 10 минут – доклад, 5 минут – ответы на вопросы.

Языки конференции: русский, английский.

СЕКЦИИ

1. Современные идентичности и образ жизни населения северных широт

Модераторы: *Дмитрий Анатольевич Функ (Москва, Россия), Николай Борисович Вахтин (С.-Петербург, Россия)*

Дискутант: *Хьюберт Бич (Упсала, Швеция)*

1. Dominique Samson Normand de Chambourg (Париж, Франция). Реабилитация Бога, распятые души. Вера и идентичность в Арктической Сибири.

2. Hugh S. Beach (Упсала, Швеция). Ancestry.com and the Ever-expanding Tree of Ethnic Choice.

3. Vladislava Vladimirova (Упсала, Швеция). Transnational Indigenous Formations, Liberal Multiculturalism and Narratives about Indigenous Separatism.

4. Васильева Валерия Владиславовна (С.-Петербург, Россия). «У нас тут свой мир»: пространство Таймырского полуострова в ментальных картах его жителей.

5. Верещака Елена Андреевна (С.-Петербург, Россия). Изобретение Тыневиля: история возникновения и функционирования письменности у чукчей в первой половине XX в.

6. Гаврилова Ксения Андреевна (С.-Петербург, Россия). Рыба, краб и ягода в неформальной экономике жителей северного посёлка: способ заработка или источник опасности?

7. Давыдов Владимир Николаевич (С.-Петербург, Россия). Архитектура доместикации: отношения человека, животных и ландшафта в Забайкалье.

8. Лярская Елена Владимировна (С.-Петербург, Россия). «Надо, надо умываться по утрам и вечерам!» Гигиенические нормы и практики коренных жителей Ямала и европейские представления о чистоте.

9. Нам Елена Вадимовна (Томск, Россия). Традиционный шаманизм народов Сибири: от первых опытов культурной идентификации к сложной системе адаптационных механизмов культуры.

10. Опарин Дмитрий Анатольевич (Москва, Россия). Вариативность современного ритуального пространства Нового Чаплино и Сиреников, Чукотка.

11. Пивнева Елена Анатольевна (Москва, Россия). «Статусная» идентичность как форма социальной адаптации коренных малочисленных народов Севера.

12. Функ Дмитрий Анатольевич (Москва, Россия). «Кэ-мэ-нэ-эски и метисы». Новые идентичности аборигенов Севера.

2. Мультикультурализм: право на отличие или абсолютизация культуры?

Модератор: *Ирина Владимировна Нам (Томск, Россия)*

Дискутант: *Елена Ивановна Филиппова (Москва, Россия)*

1. Aleksandra Wiercinska (Ставангер, Норвегия). Russian minority in Norway as an example of complex situation of building own identity in the multicultural society.

2. Izabela Jamrozik (Лондон, Великобритания). Formation and shades of Sikh identities in modern England.

3. Малиновский Лев Викторович (Барнаул, Россия). Понятия диаспоры и меньшинств в теории и на практике.

4. Нам Ирина Владимировна (Томск, Россия). НКА как институт интеграции мигрантов в принимающее общество (на примере Томска).

5. Солодова Галина Сергеевна (Новосибирск, Россия). Национально-государственная идентичность в условиях глобализации.

6. Сулима Игорь Иванович (Нижний Новгород, Россия). Проблема идентичности как проблема границы.

7. Филиппова Елена Ивановна (Москва, Россия). Мультикультурализм мертв? Дискурс и практики мультикультурализма в России и за рубежом.

3. Мигранты в переселенческом обществе: стратегии и практики интеграции

Модератор: *Татьяна Борисовна Смирнова (Омск, Россия)*

Дискутант: *Виктор Иннокентьевич Дятлов (Иркутск, Россия)*

1. Saban Wiesław (Кельце, Польша). Влияние военной службы в царской армии в XIX веке на национальное сознание новобранцев из польских земель.

2. Алишина Галина Николаевна (Томск, Россия). Дискуссия об идентичности меннонитов России в годы Первой мировой войны.

3. Крих Анна Алексеевна (Омск, Россия). Социальные репрезентации сибирских переселенцев в позднеимперский период.

4. Кутилова Лариса Александровна (Красноярск, Россия). Проблема разрушения/сохранения этнической границы в переселенческой среде в Сибири в конце XIX – начале XX вв. (на примере украинского сообщества): теоретические конструкты, историографическая традиция и опыт исследования.

5. Люля Наталья Викторовна (Барнаул, Россия). Традиционные элементы в свадебной обрядности украинских переселенцев Алтая 1910–1960-х гг. как этнический маркер.

6. Мулина Светлана Анатольевна (Омск, Россия). Чужой среди своих: польские колонии в Сибири в конце XIX – начале XX в.

7. Недзелюк Татьяна Геннадьевна (Новосибирск, Россия). Эволюция религиозности: бытование католических общин в Сибирском регионе (XIX – начало XXI в.).

8. Сорокина Татьяна Николаевна (Омск, Россия). Российские чиновники о китайской и корейской идентичности в Приамурском крае в начале XX в.: к постановке проблемы.

9. Суворова Наталья Геннадьевна (Омск, Россия). Общественная помощь переселенцам в позднеимперской России: институты, механизмы и мотивация.

10. Черказьянова Ирина Васильевна (С.-Петербург, Россия). Формирование общероссийской идентичности петербургских колонистов в XIX – начале XX в.

4. Принимающее общество и мигранты

Модератор: *Виктор Иннокентьевич Дятлов (Иркутск, Россия)*

Дискутант: *Фадеичева Марианна Альфредовна (Екатеринбург, Россия)*

1. Dobrochna Olszewska (Торунь, Польша). The Meaning of Local Deities and Traditions in Development of the Regional Identity of Chinese Community in Bali. Introduction to the Problem.

2. Алексеенко Александр Николаевич (Усть-Каменогорск, Казахстан). Казахстан в поисках суверенной идентичности.

3. Дятлов Виктор Иннокентьевич (Иркутск, Россия). Мигранты: проблемы безопасности и развития для России (многообразие и конфликт групп интересов в принимающем обществе).

4. Кашпур Виталий Викторович, Нам Ирина Владимировна, Поправко Ирина Геннадьевна (Томск, Россия). Структура и содержание отношения населения г. Томска к трудовым мигрантам.

5. Кириллова Антонина Игоревна (Новосибирск, Россия). Согласие на межэтнический брак как фактор интеграции мигрантов

6. Омельченко Елена Александровна (Москва, Россия). Социально-культурная адаптация детей из семей международных мигрантов в школе: методика исследования и пути решения проблемы.

7. Поправко Ирина Геннадьевна (Томск, Россия). Истинная «казахскость» как ресурс нациестроительства в современном Казахстане в контексте политики репатриации.

8. Хахалкина Елена Владимировна (Томск, Россия). Реакция общественных и политических кругов на фильм «Улица, живущая на пособия» 2014 г. в контексте миграционных проблем Британии.

5. Город: практики, связи, эмоции

Модератор: *Елена Германовна Трубина (Екатеринбург, Россия)*

Дискутант: *Илья Владимирович Утехин (С.-Петербург, Россия)*

Часть 1. Городская локальность в текстах и дискурсах

1. Агеев Илья Александрович (Томск, Россия). Локальный и национальный брендинг территории как средство укрепления региональной идентичности: исторический опыт сибирских городов.

2. Бочаров Алексей Владимирович (Томск, Россия). Дискурсивный анализ тематики переноса столицы России в Сибирь в интернет-СМИ.

3. Гонина Наталья Владимировна (Красноярск, Россия). «Плана-та Норильск» и «материк»: особенности городской идентичности (на материалах интервью и опубликованных воспоминаний).

4. Ковальская Светлана Ивановна (Астана, Казахстан). Визуальное пространство Астаны и формирование новой идентичности.

5. Колодиев Николай Николаевич (С.-Петербург, Россия). Границы среднего класса в представлении российских СМИ.

6. Лурье Михаил Лазаревич (С.-Петербург, Россия). Игра масштабами: к вопросу о моделях конструирования локальной специфичности в городских текстах.

7. Скалабан Ирина Анатольевна (Новосибирск, Россия). «Чувство места» как фактор участия.

8. Трубина Елена Германовна (Екатеринбург, Россия). Город между географией и антропологией: масштабы, места и практики.

Часть 2. Разнообразие городского опыта

1. Sarah Busse Spencer (Москва, Россия). From Social Control to Social Stability: The Persistence of the Kollektiv in Russia.

2. Богомаз Сергей Александрович (Томск, Россия). Личностно-обусловленная оценка городской среды вузовской молодежью Сибири.

3. Григоричев Константин Вадимович (Иркутск, Россия). Между городом и селом: пригород как исследовательское поле.

4. Кириллов Виктор Михайлович, Олохова Ольга Павловна (Нижний Тагил, Россия). Социальная идентичность жителя социалистического города на Урале в 1930-х гг.

5. Кирсанова Екатерина Анатольевна (Томск, Россия). «Прирученный стрит-арт»: проблемы легитимизации уличного искусства.

6. Пироговская Мария Михайловна (С.-Петербург, Россия). Публичное пространство и ольфакторный нейтралитет: воспитание чувств в русской городской культуре второй половины XIX в.

6. Прикладные антропологические исследования

Модератор: *Елена Вячеславовна Миськова (Москва, Россия)*

Дискутант: *Наталья Ивановна Новикова (Москва, Россия)*

1. Wojciech Olszewski (Торунь, Польша). Формы и динамика культурной идентичности в польской антропологической мысли до 1939 г.

2. John Kennedy (Бирмингем, Великобритания) Actually Existing Fieldwork: A Normative Imperative in the Ethnography of Contemporary Russia.

3. Ерохина Елена Анатольевна (Новосибирск, Россия). Общество, знание, власть: кому нужна этнологическая и этносоциологическая экспертиза?

4. Миськова Елена Вячеславовна (Москва, Россия). Антропологическая практика в России. Опыт путешествия из академии «туда и обратно».

5. Неваева Динара Алиевна (Барнаул, Россия). Социальная адаптация пожилых людей в современном мире (по результатам социологического исследования и международной стажировки).

6. Новикова Наталья Ивановна (Москва, Россия). Как язык этнографического поля перевести в юридическую норму?

7. Од Мерлен (Брюссель, Бельгия). Rethinking the role and place of war veterans in Caucasus.

8. Осипов Константин Иванович (Кемерово, Россия). Территориальные конфликты в местах традиционного проживания коренных малочисленных этносов Республики Алтай: причины, факторы модели урегулирования.

9. Поддубиков Владимир Валерьевич (Кемерово, Россия). Шорцы: поземельные и этносоциальные конфликты на территориях традиционного природопользования (по данным прикладных этнологических исследований 2011–2013 гг.).

10. Смирнов Сергей Алевтинович (Новосибирск, Россия). Новые идентичности человека и антропологические тренды. Форсайт проект.

11. Смирнова Татьяна Борисовна (Омск, Россия). Этническая идентичность в контексте проблемы реабилитации репрессированных народов.

12. Стракевич Анастасия Алексеевна (Томск, Россия). К вопросу о положении турецкой общины в Германии.

7. Русский, советский, россиянин: исторические трансформации российской идентичности

Модератор: Вячеслав Николаевич Кудряшев (Томск, Россия)

Дискутант: Ольга Юрьевна Малинова (Москва, Россия)

1. Агеева Вера Валентиновна (Томск, Россия). Исследование российской национальной идентичности в американском российеведении 1990–2000-х гг.

2. Дериглазова Лариса Валериевна (Томск, Россия). «Что значит быть русским» в ответах студентов, изучающих международные отношения в ТГУ, 2004 и 2014 гг.

3. Жарчинская Ксения Александровна (Томск, Россия). Конструирование идентичности в социальных сетях на примере сообществ славянских традиционалистов.

4. Жигунова Марина Александровна (Омск, Россия). Русский: советский, российский: современное соотношение идентичностей.

5. Зиновьев Василий Павлович (Томск, Россия). Советская составляющая российской идентичности.

6. Кудряшев Вячеслав Николаевич (Томск, Россия). Русская общественная мысль в поисках национальной идентичности: зарождение русского национализма (вторая половина XIX в.).

7. Малинова Ольга Юрьевна (Москва, Россия). Политическое использование символа Великой Отечественной войны и конструирование российской идентичности.

8. Панов Петр Вячеславович (Пермь, Россия). Этничность и распределение властных позиций в российских национальных республиках.

9. Подвинцев Олег Борисович (Пермь, Россия). Представления о макрорегиональной структуре современной России как элемент и характеристика идентификационных схем.

10. Семенов Андрей Владимирович (Тюмень, Россия). В поисках европейской части России: массовые ценности россиян и европейский выбор.

11. Суляк Сергей Георгиевич (Кишинев, Молдова). Национальные и родные языки Молдавии: официальная и декларируемая информация.

12. Федосов Егор Андреевич (Томск, Россия). Советский человек: пропаганда или реальность?

13. Харитоновна Вероника Дмитриевна (Томск, Россия). Опыт формирования религиозной идентичности в современной России (на примере зороастризма).

14. Ярков Александр Павлович (Тюмень, Россия). Об идентичности «мусульманин» в Западной Сибири в последние десятилетия советской власти.

8. Европейская идентичность в условиях трансформации политического европейского пространства: институты, группы, люди

Модератор: *Лариса Валериевна Дериглазова (Томск, Россия)*

Дискутанты: *Ричард Саква (Кантербери, Великобритания), Од Мерлен (Брюссель, Бельгия)*

1. Ричард Саква (Кантербери, Великобритания). Eurasian integration: a question of identity?

2. Алтухова Светлана Алексеевна (Томск, Россия). Проблема британской идентичности в российской историографии.

3. Грошева Галина Васильевна (Томск, Россия). Иммиграционный фактор и проблема формирования немецкой нации и национальной идентичности немцев (конец XX – начало XXI в.).

4. Дериглазова Лариса Валериевна (Томск, Россия). Формирование гражданской идентичности в Европейском союзе.

5. Климова Галина Сергеевна (Москва, Россия). Европейский Союз и проблема формирования наднациональной идентичности.

6. Коньков Дмитрий Сергеевич (Томск, Россия). Идентичность Сидония Аполлинария: человек в условиях кризиса романского мира.

7. Матвеева Елизавета Аркадьевна (Иркутск, Россия). «Игры с идентичностями»: кто и какую европейскую идентичность конструирует в публичном пространстве современной Италии?

9. Сибирская региональная идентичность: история и современность

Модераторы: *Марина Александровна Жигунова (Омск, Россия), Ольга Анатольевна Харусь (Россия, Томск)*

Дискутанты: *Элеонора Львовна Львова (Томск, Россия), Доминик Самсон Норман де Шамбур (Париж, Франция)*

1. Анисимова Алла Александровна, Ечевская Ольга Геннадьевна (Новосибирск, Россия) Методологические основания исследования сибирской идентичности как нарративной.

2. Жигунова Марина Александровна (Омск, Россия). Региональная сибирская идентичность в конце XX – начале XXI в.

3. Корандей Федор Сергеевич (Тюмень, Россия). Карта Тюменской области как символ: автопрезентация региона и топосы популярного географического воображения.

4. Луков Евгений Викторович (Томск, Россия). Идентификация сибирской политической элиты: на примере деятельности Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение».

5. Наумова Наталья Ивановна (Томск, Россия). Проблемы идентификации сибирских народов (бурят, хакасов, якутов, алтайцев) в годы Гражданской войны.

6. Родигина Наталия Николаевна (Новосибирск, Россия). Кто и как конструировал образ сибиряка в журнальной прессе второй половины XIX – начале XX в.

7. Суворова Наталья Геннадьевна (Омск, Россия). Сибирская нация в исторических конструкциях XIX в. или как из крестьян делали сибиряков (по итогам совместного исследования с А.В. Ремневым).

8. Федоров Роман Юрьевич (Тюмень, Россия) Современные региональные особенности этнокультурной самоидентификации населения Сибири и Дальнего Востока.

9. Харусь Ольга Анатольевна (Томск, Россия). Социальные практики конструирования сибирской идентичности в условиях Первой мировой войны (1914-1916 гг.).

10. Шевелев Дмитрий Николаевич (Томск, Россия). Структурирование политического пространства и формирование национальной идентичности в официальной и проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.).

11. Шевцов Вячеслав Вениаминович (Томск, Россия). Сибирь и сибиряки на страницах губернских ведомостей.

10. Идентичности России и Восточной Азии: евразийское наследие?

Модератор: Людмила Ивановна Шерстова (Томск, Россия)

Дискутант: Максим Николаевич Шведов (Томск, Россия)

1. Андропова Лариса Александровна (Томск, Россия). Формирование и эволюция региональной идентичности в Республике Корея.

2. Анохина Елена Сергеевна (Томск, Россия). Иммигранты, ре-эмигранты и «астронавты»: идентичность и гражданство «новых» китайских мигрантов.

3. Ворожищева Ольга Михайловна (Томск, Россия). Трансформация социокультурной идентичности корейской диаспоры в странах Дальнего Востока XIX–XXI вв.

4. Лойко Наталья Александровна (Томск, Россия). Конструирование идентичностей в современном монгольском обществе.

5. Мажинский Станислав Витальевич (Томск, Россия). Влияние ханьской миграции на национальную идентичность монголов Автономного района Внутренняя Монголия в середине XX в.

6. Носкова Наталья Геннадьевна (Томск, Россия). Миф о Тангуне как фактор формирования корейской идентичности.

7. Ооржак Наталья Олзей-ооловна (Томск, Россия). Возможность формирования региональной идентичности в Восточной Азии.

8. Рябова Маргарита Сергеевна (Томск, Россия). Проблема сохранения идентичности русского национального меньшинства в Китае.

9. Турушева Наталья Владимировна (Томск, Россия). Проблема сохранения национальной идентичности в условиях модернизации в КНР.

10. Чигрина Елена Владимировна (Томск, Россия). Отражение религиозной идентичности в семейной обрядности томских татар.

11. Шведов Максим Николаевич (Томск, Россия). Дулуны: некоторые сведения о состоянии общества в меняющихся условиях.

12. Шерстова Людмила Ивановна (Томск, Россия). Эсхатологический аспект религиозных идентичностей тюркоязычных народов Саяно-Алтайского нагорья.

11. Идентификационные практики в науке и образовании

Модератор: *Ирина Васильевна Черказьянова (С.-Петербург, Россия)*

Дискутант: *Пол Джозефсон (Уотервилл, США)*

1. Ссорин-Чайков Николай Владимирович (Кембридж, Великобритания). Анархизм и идентичность антропологии после кризиса 2008 г.

2. Грибовский Михаил Викторович (Томск, Россия). Университетское преподавательское сообщество России конца XIX – начала XX вв.: формы проявления корпоративной идентичности.

3. Гулиус Наталья Сергеевна, Трубникова Татьяна Владимировна (Томск, Россия). Этический кодекс университета как инструмент самоидентификации.

4. Зиновьева Валентина Ивановна (Томск, Россия). Центр сопровождения студентов с инвалидностью (ЦеССИ ТУСУР) как фактор формирования идентичности студентов с ограниченными возможностями в вузовской среде.

5. Ким Елена Алексеевна (Томск, Россия). Д.Г. Мессершмидт. Ученый и власть в России в XVIII в.

6. Оберемко Олег Алексеевич (Москва, Россия). Противоречивость самоописания как индикатор проблем с идентичностью.

7. Погодаев Николай Петрович (Томск, Россия). Стратегия «Кейс-стади» при изучении проблем социальной адаптации студентов из Республики Таджикистан в университетской среде Томска.

8. Соколов Виктор Юрьевич (Томск, Россия). Проблемы формирования российской идентичности в отечественном школьном историческом образовании.

9. Сорокин Александр Николаевич (Томск, Россия). Формы проявления корпоративной идентичности научного сообщества физиков Сибири в конце XIX – первой половине XX в.

10. Хаминов Дмитрий Викторович (Томск, Россия). Формирование региональной корпорации советских историков в 1930-х гг. (на материалах Сибири).

11. Щеклачева Татьяна Владимировна (Новосибирск, Россия). Роль школы в повышении эффективности адаптации детей иноэтнических мигрантов.

12. Археологическое наследие в контексте региональной и этнической идентичности

Модератор: *Андрей Павлович Бородовский (Новосибирск, Россия)*

Дискутант: *Виктор Александрович Шницерльман (Москва, Россия)*

1. Бородовский Андрей Павлович (Новосибирск, Россия). Археологическое наследие и национализм в современных условиях.

2. Васильев Евгений Алексеевич (Томск, Россия). Археологическое наследие в контексте региональной и этнической идентичности.

3. Васильев Евгений Алексеевич, Глызин Иван Павлович (Томск, Россия). Археологическое наследие в структуре культурных ценностей населения Северо-Западной Сибири.

4. Водясов Евгений Вячеславович (Томск, Россия). Археологическое наследие в современном общественном сознании жителей Томска.

5. Данченко Евгений Михайлович, Грачев Максим Александрович (Омск, Россия). Прошлое в преломлении идентичности.

6. Зайцева Ольга Викторовна (Томск, Россия). Региональная идентичность и актуализация археологического наследия в современной России.

7. Селезнев Александр Геннадьевич (Омск, Россия). Антропология археологии: мифологический мотив «древних цивилизаций» и его роль в формировании новых российских сакральных пространств.

8. Селезнева Ирина Александровна (Омск, Россия). Новые сакральные пространства и СМИ: современные технологии формирования идентичностей.

9. Шнирельман Виктор Александрович (Москва, Россия). «Страна моя арийская...» Идентичность и национализация религии (на примере русской эзотерики).

13. Поведение человека: эволюционные и кросс-культурные аспекты

Модератор: *Марина Львовна Бутовская (Москва, Россия)*

Дискутанты: *Юлия Николаевна Феденок (Москва, Россия),
Петр Сороковский (Вроцлав, Польша)*

1. Piotr Sorokowski (Вроцлав, Польша). Physical attractiveness preferences in traditional populations - biological and cultural determinants.

2. Бутовская Марина Львовна (Москва, Россия). Эволюционные основы агрессии человека.

3. Донских Олег Альбертович (Новосибирск, Россия). Происхождение языка как системы в ключе этологии.

4. Нам Елена Владимовна (Томск, Россия) Особенности культурной идентификации через противопоставление «организм – среда» и их воплощение в традиции сибирского шаманизма.

5. Феденок Юлия Николаевна, Буркова Валентина Николаевна, Бутовская Марина Львовна (Москва, Россия). Пространственное поведение и его связь с особенностями черт личности у российских детей и подростков.

Круглый стол «Концепт идентичности в антропологических и социально-политических исследованиях: общие и специфические подходы»

Ведущие: Хью Бич, Елена Германовна Трубина, Дмитрий Анатольевич Функ

Круглый стол посвящен центральной категории данной конференции – категории идентичности. Конференция в целом и ее секции посвящены различным типам идентичности (городской, региональной, этнической, классовой, гендерной и т. д.), различным способам ее формирования и выражения. На заключительном круглом столе

нашей целью станет критическое рассмотрение того нового, что внес данный форум в понимание идентичности.

Мы рассчитываем более четко представить себе тот вклад, который вносит проект «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» и события научной жизни, организованные Лабораторией социально-антропологических исследований ТГУ, в понятие идентичности. Что нового мы узнаем о ее структуре и функционировании по отношению к уже существующим подходам и уже существующей литературе? Каковы новые теоретические вопросы, поставленные настоящей конференцией в этой области? Каким образом мы можем отреагировать, к примеру, на критику этого понятия, уже подвергшегося значительной смысловой инфляции? Каковы иные категории, в которых можно описать процессы, ставшие предметом анализа на данной конференции?

Мы рассчитываем также – в попытке оценить преимущества дисциплинарного (в данном случае антропологического) подхода к этому понятию – затронуть такие важные для антропологов проблемы, как специфика антропологического подхода к идентичности и отличие его от того, как идентичность понимается в других социальных и гуманитарных науках.

ТЕЗИСЫ

Секция 1. **СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ОБРАЗ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ШИРОТ**

S.V. Hugh (Упсала, Швеция)

ANCESTRY.COM AND THE EVER-EXPANDING TREE OF ETHNIC CHOICE

While on the one hand Fennoscandian States which host indigenous Saami populations increasingly formulate Saami ethnic criteria on constructivist grounds (such as voluntary feelings of identity and Saami language use), on the other hand, rapid advances in genetic testing have opened the door to essentialist markers stretching back over many centuries. Online internet services such as ancestry.com promote DNA sampling with results linking individuals often to a wide array of ethnicities, many of them well beyond any known ancestral connections and a surprise to the one tested. This paper considers the case of Saami ethnic revitalization in North America with focus upon such newly discovered genetically test-revealed Saami. The argument is made that this phenomenon is so vastly more prevalent in North America than in Fennoscandia in part at least, because in the latter any “new Saami” confront a well-established group of “old Saami” with special rights and guarded traditions in current practice. In North America, however, the Saami possess no such rights or claims. The new Saami confront no core of ethnic “gatekeepers” who can pride themselves on the practice of traditional capital. A large number of them are bonded solely by the newly discovered results from ancestry.com. There is intense and growing communication between the North American Saami and the Old World Saami. Interestingly, newly self-proclaimed Saami from NA (who might have chosen to adhere to quite a choice of ethnicities offered them by ancestry.com) are commonly welcomed as long-lost brethren by Old World Saami, while those of similar new-born Saami ethnic persuasion from within the Fennoscandian countries can face a steep up-hill struggle for acceptance into the Saami ethnic community.

V. Vladimirova (Упсала, Швеция)

**TRANSNATIONAL INDIGENOUS FORMATIONS, LIBERAL
MULTICULTURALISM AND NARRATIVES ABOUT
INDIGENOUS SEPARATISM**

This paper analyses narratives about nationalist sentiments and separatist intentions of the Sami in the Kola Peninsula. Discussions about Sami separatism and will to have their own state together with the Sami from Fennoscandia circulate certain, predominantly urban, social circles. Sami people are eager to distance themselves from such discussions and to reject any accusations on nationalist ground. My analysis reveals that the real fear that separatist talk is indicative of comes not from any real possibility for independent Sami state or even Sami separatists intentions, but from possible spread of ideals inspired from (neo)liberal multicultural ideas, penetrating from abroad. This paper discusses what such narratives tell us about the changing identity of the Russian North.

В.В. Васильева (С.-Петербург, Россия)

**«У НАС ТУТ СВОЙ МИР»: ПРОСТРАНСТВО
ТАЙМЫРСКОГО ПОЛУОСТРОВА В МЕНТАЛЬНЫХ
КАРТАХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ**

В докладе рассмотрены современные представления жителей Таймыра о пространстве полуострова, то, что Анри Леувефр [1] называет пространствами репрезентаций. Согласно его теории, пространство динамично и продуцируется обществом в процессе своего экономического и культурного функционирования.

На Таймырском Севере вследствие массового перевода на оседлость, а позднее, в перестроечное время, развала колхозов, стала преобладать система перемещений, сформированная при помощи рейсового транспорта и представляющая собой совокупность точек – поселков – и различных видов транспорта (например, вертолет, теплоход или перемещение по зимнику), при помощи которых они связаны.

Для исследования пространственных представлений жителей Таймыра была использована методика ментальных карт. Методика была создана американским социологом Кевином Линчем, применившим ее в своей работе «Образ города» (1960). Он исследовал

восприятие городской среды жителями на примере трех городов, создав обобщенные карты городов, выявляющие наиболее значимые для жителей объекты [2]. Идея К. Линча впоследствии приобрела большую популярность [3].

В рамках данного изучения ментальные карты были применены не для исследования города, что является наиболее типичной сферой приложения этой методики, а для целого региона. Подход заключался в том, чтобы во время интервью предложить информанту изобразить Таймыр, значимые и знакомые для него точки или объекты. Помимо самого изображения, была значима и постфактум фиксировалась последовательность нанесения информантом на лист объектов, а также биографические данные: возраст, этничность, место происхождения, место жительства, количество лет, прожитых на Таймыре, профессия.

Было собрано 66 ментальных карт: 21 карта в Норильске и Талнахе, 3 карты в Дудинке, 24 карты в Хатанге (включая людей, из региона уехавших), 15 карт в Волочанке, 2 карты по Усть-Енисейскому району, 1 карта в п. Потапово. Нужно заметить, что имеет место количественный перевес по трем зонам, по другим же трем данные немногочисленны, однако частично этот недостаток восполняется при помощи материалов интервью.

Полученные изображения у людей с одинаковым происхождением оказались очень схожими. Типичная ментальная карта выглядела как схематичная карта одного из районов полуострова, с которым у информанта был связан жизненный опыт, и нескольких объектов вне его, зачастую расположенных ошибочно.

Кроме того, существовали нетипичные карты, характеризующихся более целостным восприятием Таймыра, нежели в ментальной карте жителя того или иного района. Все из них в гораздо большей степени напоминали географическую карту по своей точности и стилю изображения, на них практически отсутствовали «белые пятна», очень подробно были прорисованы реки. Это были ментальные карты людей, профессионально связанных с поселками различных районов. Именно они и оказывались людьми, связывающими воедино столь гетерогенное пространство полуострова.

Было выделено шесть относительно автономных районов. Важно отметить, что эти районы не совпадают с существующим административным делением. Выделенные зоны – сформировавшиеся пространства репрезентаций, влияющие на пространственные практики

жителей. Границы, по которым пролегает это разделение, предопределяют современную транспортную систему.

Библиография

1. *Lefebvre H.* The production of space. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p.
2. *Линч К.* Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
3. *Tuan Y.F.* Images and Mental Maps // *Annals of the Association of American Geographers.* 1975. P. 205–213.

Е.А. Верещака (С.-Петербург, Россия)

ИЗОБРЕТЕНИЕ ТЫНЕВИЛЯ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ У ЧУКЧЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В докладе будет рассмотрен случай возникновения логографической письменности среди группы чукчей среднего течения р. Анадырь в 1920–30-е гг. Автор, используя архивные [1. Л.81; 2] и опубликованные материалы [3. С. 15; 4. С. 26–28; 5. С. 192–207; 6. С. 191–197; 7. С. 22–40; 8. С. 141–149; 9], поставит вопрос о значении этого письма для самого изобретателя – Тыневия – и его социального окружения (родственников, друзей, соседей), а также откроет дискуссию о возможных исторических и культурных предпосылках его создания.

В этой связи тщательного рассмотрения заслуживают, во-первых, реальные практики использования данной знаковой системы. Тыневиль находил ей весьма широкое применение: он переписывался с родственниками и знакомыми, вел дневниковые записи, осуществлял учет оленей. Во-вторых, необходимо проанализировать «словарь» Тыневия, который, будучи достаточно ограниченной системой в количественном отношении, не только может «подсказать», как письмо использовалось, но и указать на наиболее важные изменения социальной жизни его создателя. Наконец, необходимо сопоставить тыневиевские письма с другими известными случаями создания письменности у чукчей и шире – у народов Северо-Восточной Сибири. Таких примеров не так много, если исключить пиктографию, передающую общий смысл сказанного, и рассматривать только логографию, фиксирующую речь пословно [10. С. 36–

43]. С уверенностью можно говорить о том, что в конце XIX – первой половине XX в. в разных регионах Чукотки существовали знаковые системы для обозначения отдельных предметов. Создавались и использовались они торговцами и людьми, участвовавшими в обменных операциях, т.е. теми, у кого существовала практическая необходимость в письменной фиксации движения товаров. Однако письменный язык Тыневила – это больше, чем язык торговца, о чем свидетельствует как лексика, включавшая графемы для существительных, глаголов, прилагательных, наречий, предлогов, союзов, так и вариативность ситуаций использования письма.

Таким образом, анализируемая письменность была полифункциональна: можно выделить ее экономическое, коммуникативное, эмоциональное, престижное значения, но ни один из названных аспектов не мог стать достаточным условием ее создания. Появление такого феномена стало возможным благодаря специфическим историческим условиям, сложившимся на Чукотке во второй четверти XX в., когда происходила экспансия русской/советской культуры в рамках политики советизации коренного населения. В этой связи письмо Тыневила можно осмыслять одновременно и как подражание европейской культуре, и как противостояние ей.

Библиография

1. *Архив* Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук (Архив МАЭ РАН). Ф.К-1. Оп.2. Д.344.
2. *Санкт-Петербургский филиал* Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН). Ф.250. Оп.1. Ед.хр.79.
3. *Богораз В.Г.* Чукотские рисунки: с 24 таблицами рисунков в тексте. М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1913. 24 с.
4. *Лавров И.П.* Чукотский феномен: творческий подвиг Теневила // *Техника молодежи: ежемесячный общественно-политический, научно-художественный и производственный журнал ЦК ВЛКСМ.* 1969. № 3. С. 26–28.
5. *Леонтьев В.В.* Письменность и пути повышения грамотности чукчей // *История и культура народов севера дальнего востока.* М.: Наука, 1967. С. 192–207.
6. *Миндалевич А.М.* Иероглифическая письменность чукчей // *Arctica.* Кн. 2. Л.: Издание Всесоюзного арктического ин-та, 1934. С. 191–197.
7. *Миндалевич А.М.* Чукотские иероглифы // *Чукотская литература: Материалы и исследования.* М.: Литературная Россия, 2007. С. 22–40.
8. *Сергеев М.А.* Изобретатели письменности // *На Севере дальнем.* 1956. №4. С. 141–149.

9. *Языки и письменность народов Севера*. Т. 3. М.; Л.: Гос. уч. пед. изд-во, 1934. 244 с.

10. *Фридрих И.* История письма. М.: Главная редакция восточной литературы, Наука, 1979. 463 с.

К.А. Гаврилова (С.-Петербург, Россия)

РЫБА, КРАБ И ЯГОДА В НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО ПОСЁЛКА: СПОСОБ ЗАРАБОТКА ИЛИ ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ?

Для территориально удаленного небольшого поселка, расположенного на морском побережье в окружении рек и тундры, зависимость от натуральных ресурсов воспринимается как неизбежность и исторический факт: многие современные приморские поселки происходят от рыбацких становищ, существовавших в течение веков. Поселку на побережье Баренцева моря, о котором пойдет речь в моем докладе, XX в. предложил новые модели разработки основного ресурса – рыбы: *централизованную*, если говорить о деятельности рыболовецких колхозов и рыбоперерабатывающих предприятий, и жестко *регламентированную*, если рассматривать частный рыбный промысел, усвоивший за советскую эпоху категории «браконьерство» и «рыбнадзор». В условиях стремительных экономических и политических трансформаций, случившихся после распада СССР, обращение к ресурсам «дикой природы» (отлову рыбы и краба, сбору ягод) приобрело новые формы, интенсифицировалось и стало важной статьей неформального заработка жителей поселка.

Отношение к этим источникам неформального заработка у местного населения сильно различается. Отлов рыбы и сбор ягод известны испокон века, но в постсоветский период их масштабы увеличились в связи с закрытием градообразующего предприятия в поселке, расформированием местного колхоза, а также ввиду появления в поселках новой возможности реализации продукции – через частных закупщиков. Важно то, что ягоды и рыба воспринимаются сообществом как *свои* ресурсы, использовать которые поселок может по праву проживания, «соседства» (эта логика особенно очевидна при попытках проблематизировать навязанное государством определение частной рыбной ловли семги как «браконьерства»). С этими ресурсами у местного населения соотносится устоявшийся репертуар

знаний (о технике отлова и обработки рыбы, о деятельности конкурентов – других ягодников или рыболовов и, главным образом, умения оценить местность как пригодную или неудачную для промысла), они включены в локальные обменные системы (как плата за ущерб или услуги, единица натурального обмена или «угощение») и являются частью гастрономической культуры (семьи рыболовов со стажем в равной степени продают рыбу и употребляют в пищу). Ежегодная возможность заработка в поселке в «сезоны ягод» сформировала новую модель мобильности местных жителей: доход от сбора морошки оценивается как действительно стоящий того, чтобы держать в поселке квартиру и на один из летних месяцев приезжать всей семьей. Впрочем, ресурсы могут восприниматься и как источник опасности или опасений. Так, вылов рыбы – запрещенных видов, вроде семги – в условиях негласного, но непрекращающегося конфликта с рыбнадзором может стать источником серьезных неприятностей для всего сообщества рыболовов. Существует также набор представлений об экологических рисках (опасностях), способных пагубно повлиять на состояние рыбного и ягодного ресурсов. Одним из источников риска считается популяция камчатского краба, появившегося у Баренцева побережья в последней трети XX в. и ставшего объектом интенсивной нелегальной добычи в 1990-е гг. Краб воспринимается как «чужой» ресурс, который добывают почти исключительно «на экспорт» (для продажи) и который до сих пор практически исключен из рациона местных жителей. Но главное, в дискурсе сообщества краб последовательно репрезентируется как источник опасности: экологических страхов (популярно мнение о том, что увеличение численности крабов пагубно влияет на морской планктон и популяции рыбы), проблем с законом и нелегальными закупщиками крабового мяса (рассказы о штрафах за отлов краба, равно как и криминальные истории о продаже краба «на сторону» в 1990-ые гг., составляют важную часть информационного поля поселка) и как источник грязи (одной из ярких характеристик эпохи 1990-х оказывается запах испортившегося крабового мяса, пропитывающий поселок, в котором большая часть населения занималась разделкой крабов).

В.Н. Давыдов (С.-Петербург, Россия)

АРХИТЕКТУРА ДОМЕСТИКАЦИИ: ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, ЖИВОТНЫХ И ЛАНДШАФТА В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Полевые исследования проводились среди эвенков-оленоводов в Каларского района Забайкальского края в 2013–2014 гг. при поддержке проекта Arctic Domus (грант Европейского научного совета ADG 295458). В рамках исследования большое внимание уделялось рассмотрению отношений человека и животных в контексте определенных ландшафтов и постоянных перемещений по ним. Важную роль в процессе доместикации играют постройки, которые, в свою очередь, не следует рассматривать как нечто «замороженное» и существующее отдельно от ландшафта, а сама граница между постройками и ландшафтом не является четкой. Например, эвенки-оленоводы Забайкалья часто используют природные объекты вместо стационарных конструкций: горные хребты, обрывы, наледи, деревья могут использоваться вместо изгородей или как их части. Одомашнивание животных (олень, собака) не является свершившимся фактом и результатом, который приурочен к определенному месту, скорее оно является процессом, происходящим в настоящий момент, и связано с множеством мест, таких как сезонные стоянки, места отела и гона оленей, места охоты. Во всех этих местах люди используют определенные постройки для ночлега, хранения вещей, привязывания животных и ограничения их движений. Люди и животные периодически возвращаются в одни и те же места, но чтобы это происходило со стадом постоянно, оленеводы используют дымокуры, подкармливают оленей солью, попеременно привязывают важенок и телят к изгородям или деревьям, приводят стадо и его части к месту стоянки. Доместикацию необходимо рассматривать в контексте постоянных совместных перемещений человека и животных между этими интенсивно используемыми местами, т.е. как «одомашнивание-на-практике».

Использование архитектуры доместикации оленеводами следует рассматривать в широком социо-политическом контексте. Современные эвенки адаптировали конструкции и способы их конструирования, которые распространились в советский период и стали воспринимать их как традиционные. Тем не менее, несмотря на то, что многие постройки, как, например, круговая городьба, являлись со-

ветскими нововведениями и их внедрение создавало возможность новых способов контроля за движениями животных и базировалось на идее доминирования. Полевые материалы демонстрируют, что данные строения служат не только границей между «диким» и «одомашненным», но и то, что местные жители прагматически инкорпировали их в свои «проекты жизни» [1], причем эти конструкции помогают людям выстроить с животными отношения, базирующиеся на идеях «доверия» и «товарищеских отношений». Таким образом, неверным будет суждение о том, что постройки в тайге обозначают символическую границу между животным миром и человеком. Скорее наоборот, они помогают поддерживать близкие и доверительные отношения между человеком, «личностями нечеловеческой природы» (other than human persons) [2] и ландшафтом. Таким образом, архитектура-в-ландшафте становится частью взаимоотношений между людьми, дикими и домашними оленями, хищниками, где каждый из субъектов взаимодействия влияет друг на друга и где «приближенность» и «отдаленность» животного от человека постоянно изменяется.

Библиография

1. *Blaser M., Feit H.A., McRae G.* (Eds.) *In the Way of Development: Indigenous Peoples, Life Projects and Globalization*. Vol. 4. London: Zed Books, 2004.

2. *Hallowell A.I.* *Ojibwa Ontology, Behavior and World View* / Ed. by S. Diamond // *Culture in History: Essays in Honor of Paul Radin*. N.Y.: Columbia University Press, 1960. P. 17–49.

Е.В. Лярская (С.-Петербург, Россия)

«НАДО, НАДО УМЫВАТЬСЯ ПО УТРАМ И ВЕЧЕРАМ!» ГИГИЕНИЧЕСКИЕ НОРМЫ И ПРАКТИКИ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЯМАЛА И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧИСТОТЕ

Мы знаем, что до начала постоянных контактов с приезжими у коренного населения существовали свои представления и практики, связанные с чистотой. В 1930-е гг. началось регулярное и довольно интенсивное взаимодействие местного населения с теми людьми, которые приезжали на полуостров и действовали от имени советской

власти. С самого начала приезжие рассматривали местное население как людей, живущих в вековой грязи, нуждающихся в привитии им элементарных культурных и гигиенических навыков. Использование мыла, стирка и посещение бани с самого начала были маркерами, позволяющими отделить «культурных людей» от «немытых дикарей», и использовались для конструирования внутренних иерархий среди населения региона. Именно в этот период строятся культбазы, вводится школьное образование, появляются красные чумы, медицинская помощь. Все советские работники, наряду с другими задачами, призваны были систематически распространять европейские представления о чистоте.

С тех пор прошло более полувека, быт коренного населения изменился, на Севере появлялись новые волны мигрантов разной этнической принадлежности не только из европейской части России, но и из Средней Азии, структура населения все время усложнялась.

В докладе я предлагаю рассмотреть круг вопросов, связанный с «новыми» представлениями о чистоте, с тем, насколько они вошли в быт современных коренных жителей Ямала, как они взаимодействуют с существовавшими ранее, какие проблемы порождает распространение новых гигиенических средств; в каких случаях и для кого в современных ямальских поселках следование европейским гигиеническим нормам и практикам продолжает играть роль маркера, отмечающего принадлежность к определенным группам в местной социальной иерархии.

Н.А. Мамонтова (Хельсинки, Финляндия)

**«НИЧЕГО НОВОГО, ТОЛЬКО ТРАДИЦИИ».
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭВЕНКИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ
АУТЕНТИЧНОСТИ В КОНТАКТЕ***

Интернет все больше становится неотъемлемой частью социальной жизни людей, живущих не только в городах, но и в сельской местности. Пожалуй, в Сибири не осталось ни одного поселка и даже стойбища, в котором жители не пользовались бы им время от

---

* Подготовлен в рамках проекта «Влияние модернизационных процессов на традиции коренных малочисленных народов Севера и Сибири РФ (XX – нач. XXI вв.)» программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (рук. – Д.А. Функ).

времени. Согласно моим полевым наблюдениям, интернет стал источником и для постановки выступлений фольклорных коллективов, и для написания школьных сочинений по краеведению, и даже для реконструкции местных «традиционных» праздников. Помимо этого, интернет можно рассматривать в качестве еще одного механизма социального обмена знаниями, традициями и технологиями, в который нередко вовлечены представители этнической группы, живущие на расстоянии сотен километров друг от друга. Подобное взаимодействие формирует между людьми особые социальные связи, основанные на чувстве этнической сопричастности. Этот феномен Б. Андерсон называл «воображаемым сообществом». В настоящее время коренные народы Севера все больше используют виртуальное пространство для репрезентации своей культурной аутентичности, опирающейся на «традиции». При этом, как справедливо отмечает Р. Бендикс, в поисках этой аутентичности люди стремятся восстановить те элементы культуры, которые существовали до эпохи модерна, но делают они это нередко с помощью технологий и методов «современного» общества [1], что также ставит под сомнение любые попытки описать «традиционное» общество, живущее вне технического прогресса. В этом отношении этнически ориентированные интернет-сообщества, на мой взгляд, позволяют эффективнее конструировать формы аутентичности и, соответственно, быстрее распространять их на максимально широкую аудиторию. Мой доклад посвящен одному из таких примеров взаимодействия – группе «Эвенки» на сайте ВКонтакте – в одной из самых популярных социальных сетей в России, являющейся аналогом американского Facebook. Целью моего доклада является показать, каким образом участники группы представляют себе эвенкийскую культурную аутентичность сегодня и как они ее транслируют онлайн. Для сравнения «виртуального» и «реального» пространств социального взаимодействия я буду также использовать собственные полевые материалы, собранные в Эвенкийском районе в 2007–2012 гг.

Библиография

1. *Bendix R. In Search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies.* Madison: University of Wisconsin Press, 1997.

Е.В. Нам (Томск, Россия)

**ТРАДИЦИОННЫЙ ШАМАНИЗМ НАРОДОВ СИБИРИ:
ОТ ПЕРВЫХ ОПЫТОВ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
К СЛОЖНОЙ СИСТЕМЕ АДАПТАЦИОННЫХ
МЕХАНИЗМОВ КУЛЬТУРЫ***

На сегодняшний день имеется солидное количество этнографических описаний и аналитических трудов по традиционному шаманизму народов Сибири. Эта тема востребована, популярна, выработаны различные подходы к изучению шаманизма на сибирском материале. И в то же время присутствует ситуация неисчерпанности, и возможно, неисчерпаемости данной проблематики. В частности, до сих пор в достаточной степени не разработана высказанная еще С.М. Широкогоровым идея рассмотрения шаманизма как психоментального комплекса и способа адаптации к окружающей среде [1. С. 26].

В рамках сибирского шаманизма можно выделить архетипическую (базовую) систему представлений, а также своеобразные черты, присущие традициям отдельных народов, что в совокупности и составляет сложную систему адапционных механизмов культуры. Архетипические (базовые) представления образуют сакральное ядро традиции и имеют характер универсальности. Они в наименьшей мере подвержены изменениям (или неизменны) и могут рассматриваться как первые (и в то же время парадигматичные) опыты культурной идентификации.

Данные опыты связаны с необходимостью поиска внеприродных, знаковых (ментальных) механизмов взаимодействия с реальностью и сопровождаются созданием системы символов или универсальных культурных кодов, которые Ю.М. Лотман назвал «стержневой группой» символов, имеющих глубоко архаическую природу [2. С. 192]. Это элементарные по своему выражению культурные коды, которые обладают наибольшей культурно-смысловой емкостью. Именно они составляют символическое ядро культуры [2. С. 193]. Их главное предназначение в адапционном механизме культуры – снятие противоречия и налаживание коммуникации между миром

---

* Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

природным и миром социальным. Наличие таких «простых» символов и их «стержневое» значение в шаманизме сибирских народов позволяют рассматривать данный культурный феномен как сакрально значимый, смыслообразующий и уходящий корнями в глубокую архаику компонент традиционного мировоззрения.

«Стержневая группа» символов составляет сердцевину той паутины смыслов, которую сплетает человек и которая по мысли К. Гирца, является культурой [3. С. 11]. Периферийные слои данной паутины имеют двойную функцию: с одной стороны, они призваны скрывать сакральный смысл ядра, препятствовать его размыванию, сохранять его неизменность, с другой – они репрезентируют этот смысл вовне, раскрывают в более сложных символах [4. С. 86]. Кроме того, у этой функции есть адаптивный аспект: репрезентируя вовне сакральные смыслы, периферийные слои приспособливают постоянно усложняющуюся структуру этих смыслов к изменчивым требованиям внешней среды. По мере удаления от центра нарастает изменчивость элементов культуры, их практическая (утилитарная) значимость, но одновременно падает «градус» их сакральности. Именно периферийные слои этой паутины составляют многообразие культурных черт, которое позволяет говорить о неповторимости той или иной традиции. Традиция продолжает жить до тех пор, пока сохраняется смысловая связь периферии с центром и осуществляется символическое воспроизведение первичных смыслов.

Выделение базовых (универсальных) представлений и периферийных смысловых слоев в традиционных мировоззренческих системах может послужить методологической основой для анализа общего и особенного в традиции сибирского шаманизма, а также поможет проследить динамику разворачивания адаптационных механизмов культуры от центра к периферии и от простого к сложному. Данный подход позволит также осуществить новое прочтение многочисленных этнографических описаний как в синхронном, так и в диахронном аспектах.

Библиография

1. Ревуненкова Е.В., Решетов А.М. Сергей Михайлович Широкогоров, как исследователь шаманизма // Шаманизм и иные традиционные верования и практики. Материалы международного конгресса. М., 1999. Ч. 1. С. 23–30.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992, 479 с.

3. *Гири К.* Интерпретация культур. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.

4. *Рокитянский В.Р.* Мир традиции // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Сборник статей. М.: ГУП Облиздат, 1998. Вып. 5. С. 85–126.

Д.А. Опарин (Москва, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РИТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НОВОГО ЧАПЛИНО И СИРЕНИКОВ, ЧУКОТКА

Доклад посвящен современным ритуальным практикам и анимистическим представлениям коренного населения прибрежной Чукотки. В фокусе доклада находится корреляция между ритуальным пространством и социальным контекстом, рассмотрение ритуального пространства в поле повседневной жизни и в системе само-репрезентации и самоидентификации акторов этого ритуального пространства.

Ключевым понятием доклада является *ритуальное пространство*, многосложность которого требует подробного пояснения. Ритуальное пространство имеет несколько измерений – географическое, социальное, историческое и личностное. Географическое измерение ритуального пространства соответствует понятию сакрального ландшафта. Обширная территория вокруг сел, в которых я вел полевую работу, осваивается местным населением через различные ритуальные практики и имеет свою сакральную топонимику. Географическое измерение выражается в памяти о месте, особенном отношении к заброшенным поселениям, противопоставлении моря и тундры поселению. Социальное измерение охватывает такие проявления современной интеллектуальной жизни, как, например, родство по имени, причастность к клану или поселковой группе, а следовательно, и ритуальной традиции, приписываемой той или иной общности, систему ритуального обмена береговых жителей с тундровыми чукчами. Историческое измерение связано, в первую очередь с семейной мифологией и частной микротрадицией, а также с рефлексией о «старом», «традиционном», или «эскимосском», образе жизни. Личностное измерение диктуется частным опытом каждого человека, его личными представлениями о ритуале и о взаимоотношениях с умершими близкими. Все эти измерения оказывают влияние на ту

или иную конкретную ритуальную практику, определяют позицию индивида в современном ритуальном пространстве.

Вариативность ритуального пространства проявляется, во-первых, в неподдающемся классификации комплексе наблюдаемых и ненаблюдаемых элементов духовной культуры - церемониях, микроритуалах, сакральных представлениях и воспоминаниях. Вариативность представлений о взаимоотношениях с умершими близкими и вариативность подходов к ритуальному обрамлению таких жизненных моментов, как, например, имянаречение или выражение заботы о конкретном почившем родственнике, свидетельствует о вариативности самого ритуального пространства в целом, которое не едино, а состоит из семейных и индивидуальных микротрадиций. Такой ракурс, продиктованный онтологическим поворотом в современной культурной антропологии, позволяет исследовать не столько разнообразие представлений о мире – разные репрезентации одного и того же мира – сколько разнообразие миров. Можно говорить не о вариативности единой эскимосской, или чукотской, или эскимосско-чукотской ритуальной традиции, а о множестве традиций, каждую из которых следует воспринимать как легитимное проявление духовной жизни в рамках современного ритуального пространства. Объектом антропологического исследования становятся незнание ритуала, неопределенность и намек в рамках ритуального пространства, рефлексия по поводу забытых и более не справляемых праздников. Подход к неуверенности в ритуальном пространстве, как к легитимному этнологическому объекту исследования позволяет перейти от этнографического сбора фактов к более глубокому пониманию сложной картины современного ритуального пространства, в данном случае на примере жителей прибрежной Чукотки.

Е.А. Пивнева (Москва, Россия)

**«СТАТУСНАЯ» ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФОРМА
СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА**

Коренные малочисленные народы Севера (далее – КМНС) наделены в России особым правовым статусом с целью поддержания их этнической культуры, образа жизни и необходимых для этого при-

родных условий. Основанием для выделения их в 1925–1926 гг. в особую группу наряду с малой численностью послужили особенности их традиционных занятий (оленоводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел), быта (кочевание или полуоседлый образ жизни), а также низкий уровень социально-экономического развития. Сегодня многие из перечисленных критериев утратили свою значимость. Этническая идентификация представителей КМНС затруднена ввиду большого количества смешанных браков, размытых ареалов расселения и других причин.

Определенные права и льготы, предоставляемые в настоящее время КМНС, являются важным фактором социальной адаптации этих народов к новым для них условиям рыночной экономики. Вместе с тем дополнительные государственные гарантии зачастую становятся основным фактором выбора этнической принадлежности в пользу «статусной» выходцами из смешанных семей, при этом выявляется «разрыв» между формальным выражением этнической идентичности и ее содержательным аспектом (представлениями о том, что должно быть в идеале, и собственным поведением). Социальные преференции делают экономически привлекательным отношение себя к числу коренных народов и со стороны лиц, имеющих к этим народам весьма далекое отношение.

Существующая практика оказания социальной поддержки (так называемые льготы) для КМНС в последние годы вызывает множество неоднозначных оценок, в том числе в среде самих коренных народов. Такая ситуация задает и новые исследовательские задачи, в числе которых – содержание и факторы этничности КМНС, проблемы категоризации и этнических границ и т.д. При этом если обычно этнологи стремились изучать этнокультурные процессы на групповом уровне, рассматривая *этносы* в качестве неких целостностей, то сегодня на первый план все больше выходит проблема взаимоотношений индивида и традиционной этнокультурной среды, выбора индивидом такой среды и референтной этнокультурной группы, которые соответствуют его персональным установкам. Особую значимость эти вопросы приобретают в среде современной молодежи – в основном выходцев из смешанных семей, которые, соприкасаясь в лице отца и матери с разными культурными нормами и ценностями, оказываются зачастую в трудной ситуации при выборе этнических предпочтений.

Результаты проведенных автором в 2006–2013 гг. в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах исследований (главным образом среди студенческой молодежи) показывают, что решающую роль в процессе выбора этнической принадлежности могут играть самые разные факторы, среди которых выделяются: знание родного языка, ближайшее этническое окружение и этнокультурная среда. Этническая граница в представлениях молодежи проходит главным образом по линии культуры и языка. Среди других маркеров (в различных сочетаниях) – традиции, обычаи, образ жизни, одежда, внешность, характер, мировосприятие, менталитет, воспитание, мировоззрение, мироощущение, религия, верования, территория расселения, «родовая» принадлежность.

Наряду с чисто утилитарными выгодами стремление к идентификации себя с представителями коренных народов можно объяснить переоценкой отношения аборигенов к своей этничности, избавлением от стереотипов стигматизированного сознания. В то же время полученные данные позволяют предположить, что связь с этнической культурой не входит в основополагающую систему ценностей нового поколения. Сегодняшняя молодежь определяет свои жизненные стратегии, соотносясь с изменениями социальной и экономической реальности.

Д. Самсон Норман де Шамбур (Париж, Франция)

РЕАБИЛИТАЦИЯ БОГА, РАСПЯТЫЕ ДУШИ. ВЕРА И ИДЕНТИЧНОСТЬ В АРКТИЧЕСКОЙ СИБИРИ

С того момента, как Сибирь была покорена в XVI в., постоянным вызовом для зауральских народов: как интегрировать себя в русское пространство? На протяжении колонизации «просветительская миссия» была часто противоречивой: миссионерские кампании и атеистическая пропаганда, русификация и советизация, коренизация и фольклоризация.

Сегодня на фоне развития евангелических церквей и культя русского патриотизма в Российской Федерации (суб)арктические общества восстановили свою идентичность, не признаваемую догматическим строительством социализма и индустриальной культурой на протяжении XX в.

С этой точки зрения три (суб)арктических народа, с которыми сотрудничаю, особенно показательны, ведь они творят с целью поиска новых путей к себе, создают условия для «воспитания» молодёжи, которая часто чужда своей культуре.

Эти общества, упоминаемые в русских летописях с конца XI в., были первыми на дороге русских к Тихому океану: тундровые ненцы (44 640) – оленеводы-кочевники, а таёжные ханты (30 943) и манси (12 269) – полукочевые охотники-рыбаки, населяют традиционно берега Оби, своей священной реки, и её притоков. Их образ жизни не различен, но эти три народа принадлежат к одной и той же языковой семье.

Данная работа основана на сложной истории взаимодействий русских и коренных жителей, на моих полевых работах и собранных мною рассказах о себе у северных хантов (ХМАО и ЯНАО) и ненцев Полярного Урала (ЯНАО) с 2004 по 2013 г.; её целью является исследование разных культурных и духовных путей, которые характеризуют поиски самоутверждения тундровых ненцев, северных хантов и манси в начале XXI в.

Д.А. Функ (Москва, Россия)

**«КЭ-МЭ-НЭ-ЭСНИКИ, ОЙРАТЫ, МЕТИСЫ».
НОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ АБОРИГЕНОВ СЕВЕРА ***

Ускорение темпов глобализации вызывает соответствующую по скорости утрату или трансформацию многих черт культуры коренных малочисленных народов Севера (КМНС), до недавнего времени казавшихся многим из них неотъемлемой ее частью и даже основой этнической идентичности. Что-то замещается другими элементами, а что-то возникает впервые, часто по уже известным моделям, в соответствии с привычной логикой. Одним из основных элементов в этом процессе утрат, замещений и изобретения нового можно считать собственно этническую идентичность. Постсоветская Сибирь полна примеров как возрождения забытых этнических имен (ойраты, айны), так и изобретения новых, среди которых есть и такие, как

---

* Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

«кэ-мэ-нэ-эсники» – термин, во многом сходный по смыслу с еще недавно фиксировавшейся в официальных документах «национальностью» «ясашный».

На основе собственных полевых материалов 2009–2014 гг., собиравшихся на Сахалине, в Эвенкии и на юге Западной Сибири, в докладе представлены результаты анализа основных условий появления и проявления тех или иных вариантов этнических идентичностей в повседневной жизни КМНС.

Секция 2. МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ПРАВО НА ОТЛИЧИЕ ИЛИ АБСОЛЮТИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ?

S. Barbieri (Болонья, Италия)

NATIONAL-CULTURAL AUTONOMY IN THE RUSSIAN FEDERATION: INSIGHTS FROM THE TOMSK OBLAST

The notion of national-cultural autonomy was protagonist in the European debate over the management of national minorities since the beginning of 1990s. This notion has been discussed with the aim to assess the capacity of NCA to answer to the needs of minority groups in multi-ethnic environments. Besides, NCA has been debated within the broader debate over non-territoriality.

The Russian case is particularly interesting when dealing (national-) cultural autonomy for two main reasons. From the one side, Russia is one of the few European countries in which national-cultural autonomies were formed at the beginning of the XX century. In this sense NCA is at the same time an old and new institute for Russia. From the other, since mid-1990s, national-cultural autonomies found legal recognition in a plurality of acts of laws. Besides, the number of NCAs in the Federation grew steadily since the Law on national-cultural autonomy was firstly adopted by Presidential Decree on 17 June 1996.

Aim of my work is to frame the discussion on national-cultural autonomy from both a legal and political point of view and to assess the functioning of this institute referring to a specific case study, the Tomsk Oblast. This case is relevant for two main reasons: from the one side, forms of non-territorial cultural autonomy were functioning in the Oblast already at the beginning of the XX century. From the other, the Tomsk Oblast is one of the few cases in the Russian Federation in which the local authorities adopted a specific legislation on national-cultural autonomy, following the adoption of the recalled 1996 federal Law.

The study focuses on the role and capacity of NCAs vis-à-vis other forms of public associations and questions the reasons behind the decision to form NCAs instead of 'ordinary' NGOs. What is the lesson that we can learn from this experience? Is this a model that can be 'exported' to other countries with complex multicultural and multiethnic societies?

I. Jamrozik (Лондон, Великобритания)

FORMATION AND SHADES OF SIKH IDENTITIES IN MODERN ENGLAND

In England, Sikhs are one of the most recognisable ethnic groups which have managed to embrace and explore the potential of the western world whilst maintaining their beliefs and practices within the multicultural and globalised society. This presentation will analyse the ideas and formations of identities of the first and second generation of Sikhs living in England since 1950s and 60s. Historical background will be set by referring to the relationship between the United Kingdom and the Indian state of Punjab at the end of the 19th and beginning of the 20th century. Subsequently, I will touch upon the waves of immigration to England which followed the end of British colonial rule. I will then explore the social, cultural and political issues of transition and adaptation which Sikh communities in England faced. Using ethnographic and theoretical literature on identity and Sikhism as well as referring to first-hand materials gathered within the community and through on-line portals I will explore the construction of various models of lifestyle and identities found amongst Sikhs living across England in modern days. Drawing on examples of activities and events, such as traditional weddings and festivals, as well as social groups I will elaborate on how Sikh practices have been preserved while also influenced by the environment of a western state. A focus will be given to the contrasts between the Punjab-born and UK-born Sikhs' ideas of belonging and identity as well as their relationships with India and England. The presentation will be enriched by photographs of special occasions as well as everyday situations of Sikhs from different backgrounds.

Bibliography

1. *Agnihotri Rama Kant*. Crisis of identity: the Sikhs in England. New Delhi: Bahri Publications, 1987.
2. *Cohen Anthony P*. Signifying identities: Anthropological perspectives on boundaries and contested values. London: Routledge, 2000.
3. *Gupta Dipankar*. Context of Ethnicity: Sikh Identity in a comparative perspective. Delhi: Oxford University Press, 1996.
4. *Hall Stuart, Paul du Gay*. Questions of cultural identity. London: Sage Publications, 1996.

5. *Hawley Michael*. Sikh diaspora: theory, agency, and experience // Studies in the history of religions. Vol.144. Leiden: Brill, 2013.
6. *Pashaura Singh N.* Gerald Barrier. Sikh identity: continuity and change // Sikhs Ethnic Identity Congress. University of Michigan, 1996.
7. *Shani Giorgio*. Globalisation and Identity: Sikh nationalism, diaspora and international relations. London, 2004.
8. *Takhar Opinderjit Kaur*. Sikh Identity: an exploration of groups among Sikhs. Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2005.
9. *Tatla Darshan Singh*. The Sikh diaspora: the search for statehood. London: UCL Press, 1999.
10. *Vermeulen H., Gowers C.* (Eds.) The Anthropology of Ethnicity: Beyond Ethnic Groups and Boundaries. Amsterdam: Het Spinhuis, 1994.

A. Wiercinska (Ставангер, Норвегия)

THE AMBIVALENCE OF „THE STRANGER”. RUSSIAN MINORITY IN NORWAY AS AN EXAMPLE OF COMPLEX SITUATION OF BUILDING OWN IDENTITY IN THE MULTICULTURAL SOCIETY

According to Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway), in the first part of 2014 number of immigrants has achieved almost 15% of population in Norway, including almost 16,5 thousands of immigrants with Russian background.

The division based on the territory where people were born or where their ancestors came from, tells not much about their own identity and perception of the world. However undoubtedly it is the first, significant aspect that is taken into consideration when immigrants come to the Norwegian country. Norway's border is partially opened for foreigners, but applying for long-term or permanent stay permission or citizenship is far more complex process and the regulations vary considerably depending on the origin of the individuals. The aspect of valuing the origin may result in envy between minorities, strengthening of complexes and mutual disinclination based on stereotypes that could be the reason of serious problems in the future.

Norway seems to notice the problem of uncertainty associated with multicultural society that could endanger the national cohesion as well as the problem of tensions between minorities. Norwegian immigration procedures create common goal pursued by all minorities. In many cases it is required to take part in courses that include not only teaching of

Norwegian language but also knowledge about Scandinavian culture and history. It is a long way before immigrants are treated as a part of Norwegian society and can enjoy the benefits of the country. The exception are people working in the oil sector that seem to become a specific minority due to the professions that arouses more and more controversy both among the indigenous population and another foreigners.

In the presented paper the attention is paid to the occurred changes of self-perception among Russians who have settled down in Norway during the last two decades. For the purpose of the research it is necessary to recognize Russian minority as an entity although they come from many different administrative districts (raions) from Russia. It is worth to mention that Norway, that was inhabited by numerous separated small societies during centuries, differs in terms of culture and varieties of Norwegian language until today.

The paper based on field-research conducted by the author and literature referring to problems associated with identities, minorities, perception of a stranger on the example of relations between Russian and indigenous inhabitants in Norway.

Bibliography

1. *Appadurai A.* Strach przed mniejszosciami. Esej o geografii gniewu (Fear of Small Numbers: An Essay on the Geography of Anger). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009.

2. *Billig M.* Banalny nacjonalizm (Banal Nationalism). Krakow: Wydawnictwo Znak, 2008.

3. *Geertz C.* *Fakcie Po.* Dwa kraje, cztery dekady, jeden antropolog (After the Fact: Two Countries, Four Decades, One Anthropologist). Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2010.

Д.А. Аманжолова (Москва, Россия)

ЭТНИЧНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Большевики взяли за основу принципы подчинения национального вопроса классовому, интернациональной солидарности рабочих и крестьян, самоопределения и равенства народов, дабы обеспечить укрепление власти на местах и содействовать реализации социалистического проекта. Национальная политика проводилась по

4 направлениям: политизация этничности и этническое картографирование; социально-экономическое развитие и спонсирование национальностей для их всесторонней модернизации; большевизация и «коренизация» бюрократии; идеология, пропаганда, образование и культурное просветительство как инструменты прогресса и межкультурной интеграции.

1. Этнополитические границы были условием институционализации и советизации национальных элит, проведения мероприятий по достижению фактического равенства народов. Но оказалось затруднительно выделить моноэтничные территории и региональные «федералистские» объединения, обеспечить управление подготовленными представителями титульных этносов и пр. Сама категоризация и дифференциация этносообществ вызывала затруднения, что сказывалось на качестве управления и решении конкретных социальных задач.

2. Объективная потребность понуждала укреплять сложившиеся и развивать новые хозяйственные связи, транспортные коммуникации. Техническая взаимопомощь и сотрудничество усиливали межкультурную интеграцию. Одновременно происходил рост мультикультурности регионов, числа смешанных браков, углублялось межэтническое взаимодействие [1. С.158–181, 206; 2. С. 249; 3. С. 291]. Социально-экономическая модернизация обусловила изменение внутриэтнической социальной структуры. Именно многолетние вложения государства в развитие экономики и культуры всех народов привели к формированию нового качества национальной интеллигенции.

3. В 1920-е гг. партруководство стремилось учитывать внутриэтническую специфику. Рост удельного веса «националов»-выдвиженцев, репрессии и вытеснение дореволюционной интеллигенции создавали новое качество этнобюрократии. В 1960–1980-е гг. осуществлялся контроль этнического баланса в руководстве национальных регионов, включение в центральные органы власти представителей республик обеспечивало «институциональный плюрализм». Принципиальным был рост доли занятых умственным трудом [4. С. 346–352], интеллигенция формировала умонастроения народа. Парторганы республик, набирая большее ощущение самостоятельности, не приобрели необходимую ответственность за сохранение межэтнического согласия, недооценили скопившийся к середине 1980-х гг. на местах конфликтный потенциал.

4. В целом все народы обрели новое качество социально-культурного развития. Укрепление роли русского языка было объективно востребовано, что не означало возвышения русскости. Формирование негомогенного целого через относительно гомогенное образовательное, культурное, информационно-коммуникативное пространство, общие параметры социальной стратификации вне зависимости от национальности, миграции населения укрепляли полиэтничное единство. Важную роль играла система массовых организаций. Сохранялась многослойность идентичности, постепенно формировалась новая система ценностей, трудовой мотивации, социальных установок.

Поликультурное наполнение советского гражданства как реальность постепенно прочно утверждалось в массовом сознании с помощью концепции «советского народа». Великая Отечественная война продемонстрировала новое качество гражданской консолидации. На XXI съезде КПСС СССР определялся как многонациональное государство трудящихся, добровольный союз социалистических наций. Но при обсуждении проекта Программы КПСС в Президиуме ЦК КПСС обнаружился методологический тупик. Реальные процессы интеграции требовали нового дискурса. Конституция СССР 1977 г. зафиксировала складывание «новой исторической общности», соединив социально-политическое единство с межэтнической интеграцией [5; 6; 7. С. 206–207; 8; 9. С. 116]. Советский народ рассматривался как результат и социальных трансформаций, и достижения юридического и фактического равенства, а также братского сотрудничества всех наций и народностей.

Система общих социально-политических, культурных институтов и коммуникаций, единая идейно-политическая интерпретация и мифология, общегосударственные символы и ритуалы, сблизившиеся параметры политико-правовой культуры при полиэтничном составе населения многих регионов обеспечивали единство советского народа как политической нации. Это не исключало поощрения этнокультурного разнообразия, этническое и гражданское развивались в динамичном единстве. Однако устаревшая интеллектуальная культура руководства страны, неготовность учиться и учитывать качественные изменения, обусловленные проводимой им самим политикой привели к кризису идеологии, политики и самих институтов власти.

Библиография

1. *Российская* многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003.
2. *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. М., 2004.
3. *Уманский Л.А., Шаболдин С.С.* Годы труда и побед, 1917–1987. М., 1987.
4. *Этнический* и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М., 2012.
5. *Комсомольская правда.* 1959. 28 янв.
6. *Программа КПСС.* Принята XXII съездом КПСС. М., 1965.
7. *Коммунистическая* партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1972. Т. 8.
8. *Продолжение* доклада товарища Н.С. Хрущева // Правда. 1961. 19 окт.
9. *Константинов Н.Н.* Советский Союз 1944–1991 годов в историографии. Ре-презентация полиэтнического политического сообщества. Екатеринбург, 2012.

В.С. Малахов (Москва, Россия)

СЛОВА И ВЕЩИ: СИМВОЛИЧЕСКАЯ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РЕГУЛЯЦИИ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В СТРАНАХ УСЛОВНОГО СЕВЕРА

1. Для исследователей «мультикультурализма» весьма характерна следующая методологическая ошибка. Она заключается в неразличении символической и инструментальной политики – уровня риторики и уровнем принятия решений. Между тем риторика бюрократического класса зачастую не только не соответствует реальным действиям властей – то, что происходит на уровне принятия решений, может прямо противоречить тому, что циркулирует в публичном поле в качестве «официальной позиции».

2. На протяжении десятилетий в целом ряде западноевропейских стран на фоне жесткой антииммиграционной риторики проводилась достаточно либеральная иммиграционная политика. Последняя распространялась не только на вопросы въезда и трудоустройства мигрантов, но и на такую сферу, как законодательство о гражданстве. Правила натурализации в большинстве стран Европы были в течение 1980–1990-х гг. смягчены, а не ужесточены. (Это касалось и *ius soli* для детей мигрантов, и минимального срока пребывания в стране, и возможности двойного гражданства.)

3. Вместе с тем имеют место случаи, когда риторика в отношении иммиграции и иммигрантов является более либеральной, чем реальные действия властей. Иллюстрацией могут служить Нидерланды. Эта страна снискала себе славу «мультикультурного рая», которая держалась вплоть до известных событий 2002 и 2004 гг. (убийство ультраправого политика Пима Фортейна и режиссера Тео Ван Гога соответственно). Однако рестриктивные тенденции в иммиграционной и интеграционной политике Нидерландов наметились уже во второй половине 1990-х, а в начале 2000-х лишь нарастали (отмена института двойного гражданства, сворачивание программы поддержки этнических меньшинств, обязательные тесты на интеграцию и т.д.).

4. Запутанность ситуации в данной сфере усугубляется тем обстоятельством, что многие решения принимаются *ad hoc*, будучи подчинены скорее прагматическим соображениям, чем идеологическим установкам. По этой причине власти, например во Франции, проводят меры, не соответствующие модели ассимиляции, традиционно приписываемой этому государству.

5. Пропасть между символической и инструментальной политикой стала особенно заметной после 2010 г., когда лидеры ведущих западноевропейских стран заявили об отказе от «политики мультикультурализма». Несмотря на данную декларацию, действительного сворачивания мероприятий, нацеленных на политическую аккомодацию культурных различий, не произошло. Существование этого противоречия и занимает автора предлагаемого доклада.

Л.В. Малиновский (Барнаул, Россия)

ПОНЯТИЯ ДИАСПОРЫ И МЕНЬШИНСТВ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

В последнее время в общей и научной литературе стало широко использоваться понятие «диаспора», которое ранее применялось только в отношении вполне определенных общин, в частности, еврейской диаспоры в странах Европы и в США. Особенностью этой диаспоры было городское расселение в виде небольших групп. Теперь это понятие распространяется на все национальные группы, невзирая на характер расселения.

Однако расселение играет большую роль, особенно в первое время образования национальных групп. Они сначала скапливаются в так называемых «декомпрессионных камерах», а затем расселяются по стране в виде компактных или рассеянных меньшинств. Скорость их интеграции в массу населения при этом различна. Они отличаются по времени пребывания в новой стране, по социальному составу и путям интеграции. Национальная и религиозная политика правительств также влияет на скорость интеграции и на судьбу меньшинств, сегрегация или самоизоляция способствует консервации самосознания и местного патриотизма. Закон о меньшинствах или политика мультикультурализма также является характеристикой демократического строя данного государства.

Прагматические соображения и система образования ведут к постепенному размыванию диаспорных групп, к консолидации меньшинств, а затем и к их интеграции в принимающее общество. Поэтому национальные меньшинства как историческое явление суть категории преходящие, но они оставляют свой след в истории народа и государства. Их внутреннее развитие неоднородно, но самостоятельно и составляет неотъемлемую часть государственной и национальной истории страны. Попытки ускорить или изменить эти процессы вызывают сопротивление или обходные маневры для сохранения своей национальной самостоятельности или для менее болезненной интеграции в принимающее общество.

И.В. Нам (Томск, Россия)

НКА КАК ИНСТИТУТ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКА) *

Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., принятая в декабре 2012 г., акцентировала внимание на проблемах адаптации мигрантов, обучения их детей в школах, предупреждении создания этнических анклавов, борьбе с нелегальной миграцией, религиозным фундаментализмом и наркотрафиком. Планом мероприятий по реализации Стратегии предусматривается ока-

---

* Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

зание финансовой поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям (включая национально-культурные автономии, далее – НКА), деятельность которых направлена на интеграцию и адаптацию мигрантов. Тем самым признается роль НКА как института интеграции мигрантов в принимающее общество.

Всего в Томской области к началу 2014 г. зарегистрировано 27 НКА. Как и в других регионах России, они разделяются на две основные группы: созданные потомками «старых» мигрантов и представляющие «новые» этнические группы мигрантов, появление которых вызвано распадом СССР, социальными катаклизмами и межэтническими конфликтами в постсоветских государствах. Эта типология отражает не только специфику процесса их формирования, но и различия в стратегии и практиках их деятельности. Если для первой группы приоритетны задачи этнокультурные (как это фиксируется и в их уставах), то для второй особенно важны задачи адаптации и интеграции мигрантов в принимающем обществе.

В докладе будут представлены результаты исследований, проведенных в 2011–2014 гг. в Томске с целью изучения практик и механизмов адаптации трудовых мигрантов к местному социуму и роли национально-культурных организаций в этих процессах. Исследования проводились как количественными, так и качественными методами (фокус-группы, экспертные и биографические интервью с представителями национально-культурных автономий и объединений, консолидирующих мигрантские общины на территории области, – азербайджанцев, армян, киргизов, таджиков, узбеков, чеченцев и ингушей).

Региональная власть позиционирует Томскую область как «территорию согласия», а Томск – как мультикультурный город. Но проводимые в городе исследования фиксируют достаточно тревожные тенденции в межэтнических отношениях, вызванные ростом трудовой миграции: половина населения высказывается за ограничения для приезда граждан иностранных государств, более трети считают, что приезжие отнимают рабочие места у местного населения.

Опросы показывают также понимание руководителями НКА важности роли этнически ориентированных общественных организаций в регулировании межнациональных отношений в городе и их готовность к взаимодействию с властью в деле предупреждения и регулирования межэтнических конфликтов. Однако законодательством РФ (Закон РФ «О национально-культурной автономии» и др.) заложена возможность

осуществления национально-культурными автономиями только этнокультурной деятельности, которая сводится преимущественно к празднично-обрядовой сфере. Между тем на практике мигрантским НКА приходится решать множество других задач, не прописанных в законе об НКА, связанных с оказанием мигрантам правовой и материальной поддержки, с необходимостью взаимодействия с органами власти, с зарубежными представительствами.

Выполняя посреднические и представительские функции, НКА как общественный институт все больше становится необходимым инструментом интеграции «новых» мигрантов в местный социум, имеющей, как можно предположить, долгосрочную перспективу.

В.Ю. Рабинович (Иркутск, Россия)

«КОНТАКТНОЕ ПОЛЕ» КАК ПЛОЩАДКА МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Одним из самых интересных и перспективных направлений современных исследований диаспоральной и миграционной проблематики является анализ процессов, происходящих на границах этнических сообществ. Именно здесь, на границе диаспоры, образуется так называемая «зона контакта», где устанавливается взаимодействие различных этноконфессиональных групп. Здесь происходит презентация и сравнение представителями различных групп образов «моей родины» и «моего народа», что по большому счету и является проявлением этничности.

Очевидно, что подобное взаимодействие может происходить по-разному (от сотрудничества до открытой вражды и острого этнического конфликта) и во многом формирует этнокультурную реальность (инкелис). По меньшей мере, мы можем выделить:

– конкурирующее взаимодействие. На одном поле разные этнические группы занимаются примерно одним видом деятельности, создавая конкурирующие структуры;

– сегрегационное взаимодействие. Оно определяется занятостью разных этнических групп в разных сферах. Наиболее очевидный пример: соседи, принадлежащие к разным этническим группам, живут в одной микросреде, находятся в одинаковых объективных условиях, но могут существовать в разных, не пересекающихся культур-

ных мирах. В этом случае отсутствие трений определяется тем, что эти сферы не соприкасаются и не порождают ситуацию конкурентного соперничества.

Межэтнические взаимоотношения в обоих случаях могут быть и конфликтными, и кризисными, и компромиссными. Более того, взаимодействие может осуществляться посредством дискриминации.

Устойчивость взаимодействия диаспоры с принимающим обществом зависит от ряда факторов, среди которых выделим несколько групп:

1. Исторические факторы. Например, история и опыт взаимодействия народов; историческая память. Особо следует выделить наличие у этнических элит опыта межэтнического общения.

2. Политические факторы: государственность, история политических структур; наличие устойчивых властных структур как внутри диаспоры, так и в принимающем обществе.

3. Социально-структурные факторы. Этнический состав населения в регионе должен быть более или менее сбалансирован как демографически, так и социально. Очевидно, что отношения между этническими группами будут более благоприятными, если они объединены общими интересами и имеют исторически устоявшиеся сбалансированные структуры. Такое равновесие является защитой от возникновения крайне опасного догоняющего национализма.

4. Культурные факторы: культурное соответствие; уровень грамотности и образованности, в частности элит.

5. Психологические факторы. В регионе у контактирующих этнических групп должна быть более или менее сбалансированная, но сбалансированная структура. В противном случае вероятность конфликтного взаимодействия будет достаточно высокой, так как при этом возникают психологические феномены, которые нельзя не учитывать. Например, усиливается фиксация на межэтнических различиях; усиливается внутригрупповая идентичность, а межгрупповая стремится к минимизации. В такой ситуации фиксируется акцент на позитивном восприятии «своего» и, как неотъемлемое следствие, активизируется поиск врага.

Важно, что именно на границах диаспор многие процессы протекают наиболее ярко, что позволяет исследовать и выявлять самые значимые факторы, влияющие на процесс диаспорообразования, этнической адаптации, ассимиляции и аккультурации, процессы социальной трансформации. Через границу диаспоры в обе стороны идут

информационные и бизнес-потоки, во многом формирующие реальность межэтнического взаимодействия.

В зоне межэтнического контакта происходит выбор между возможными путями взаимодействия меньшинства с окружающим социумом. Выбор, по сути, ограничен тремя опциями: ассимиляцией; изоляцией и вытекающим отсюда сепаратизмом; формированием диаспоры. Последняя представляется наиболее равновесной формой сохранения этнической самобытности при достаточно интенсивном взаимодействии с окружающей средой.

Для всех этих феноменальных явлений обязательным условием является существование устойчивой оппозиции «свой» – «чужой». Отсюда становится понятным интерес к фигурам контактеров, принадлежащих к разным этническим группам. Следует учитывать, что межэтническое взаимодействие может осуществляться на различных уровнях. Мы можем выделить трудовое взаимодействие, где значимой становится избранная сфера деятельности, бытовое общение; дружеское, политическое, административное, идеологическое взаимодействие и др.

Таким образом, во взаимодействие с принимающим обществом вовлечены практически все слои диаспоры. Однако характер взаимодействия и его интенсивность у различных диаспоральных групп носит довольно разные.

Солодова Галина Сергеевна (Новосибирск, Россия)

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Россия – большой культурный проект, страна, определяющая себя через общую культуру. Российской культурой накоплен продуктивный исторический опыт имперского сохранения, с одной стороны, целостности общегражданского сознания, с другой – развития и поддержки этнокультурной идентичности многочисленных народов, как живших в царское и советское время, так и живущих сегодня в нашей общей стране.

---

* Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 13-03-00351 «Принимающее общество и иноэтничные мигранты – стратегии и практики взаимодействия» и №14-03-18035 «Принимающее общество – отношение к иноэтничным мигрантам».

Характер межнациональных отношений – добрососедство и сотрудничество или, напротив, напряженность и конфликтность – это результат государственно-политических усилий, а также – совместной или соседской жизни многих поколений. Преду-преждевание межнационального разобщения, переходящего в противостояние и ведущего к дестабилизации и разрушению, – задача любого полиэтничного государства.

Как и некоторые другие, российское государство выросло, включая в себя разные народы, этнические группы со своими более или менее длительными и богатыми историей, традициями, языками, культурой в целом. Вхождение в состав уже существующего единого государства, не важно, на условиях части губернии, автономии, штата, земли или федерации, предполагает, что люди признают себя гражданами новой страны. Одновременно они обретают новых сограждан и соотечественников. Национальное самосознание дополняется новой, более крупной, вмещающей общей национально-государственной идентичностью.

Одним из условий и основ данного процесса является сохранение баланса, отсутствие конфликта между этнокультурной и общегражданской идентичностью. Срабатывает принцип матрешки – доминирующие в данном случае российская культура и российская идентичность, не ведя к унификации, включают целый набор других культур и идентичностей. Связующая нить русской культуры открывает новые и расширяет существующие возможности для всех причастных к ней народов. Будучи единой, российская культура при этом не является однородной и единообразной.

Культура играет роль базиса, несущей опоры и связующего элемента в формировании общей идентичности, способствует социальной сплоченности и солидарности общества. В этом смысле значимость русской культуры как соединяющей разные культуры и народы является бесспорной. Это особенно важно с учетом того, что отдельные внутрироссийские народы могут находиться между собой в исторически сложившихся непростых отношениях.

Особенностью сегодняшнего глобализованного мира является то, что наполнение национально-государственной гражданской идентичности подвергается постоянным внешним воздействиям. Современные возможности территориальных перемещений и развитие средств массовой коммуникации обусловили высокий уровень межкультурного взаимодействия и влияния. Второй аспект: индуст-

риализация процессов распространения американской культуры, делая ее доминирующей, приводит к снижению роли государственно-национальных культур. Наблюдается тенденция нивелирования локальных, этнических идентичностей и выработки общей универсальной кросскультурной идентичности, принимаемой и понятной в разных странах.

Третий фактор, связанный с глобализацией, – ослабление самостоятельности отдельных национальных государств. Традиционно государственные властные полномочия принятия политических, экономических и социальных решений переходят к международным организациям. Это ведет к глубоким социальным изменениям, расширению культурной и размыванию национально-государственной идентичности. Нельзя сказать, что в разных странах и этнических группах этот процесс не встречает противодействия и происходит одинаково успешно. Одним из проявлений подобного сопротивления является актуализация религиозной, национальной самоидентификации, иногда приводящая даже к самоизоляции.

Как следствие, значимость и содержание идентичности постоянно меняется, корректируется, выстраивается в диалоге или просто под интенсивным воздействием других культур. Происходит культурная рефлексия с разным, иногда с разнополюсным результатом – от полного отторжения до полного погружения и слияния, принятия новой идентичности.

Сохранение содержательного ядра культуры и культурной идентичности становится сложнее. Задача выстраивания и укрепления общегражданской, национально-государственной идентичности как фактора, консолидирующего общество и государство, приобретает новую значимость

И.И. Сулима (Нижний Новгород, Россия)

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА ГРАНИЦЫ

Современность характеризуется противоречивым отношением к границе в принципе и определением идентичности в частности. Эпоха информационно-коммуникационного бума стирает границы, определявшиеся ранее существенно ограниченными возможностями передачи информации.

Эпоха постмодерна разрушает границы, относится к ним небрежно, неуважительно, невнимательно, агрессивно; рушит границы между сложившимися системами ценностей, мировоззренческими системами. Возникает совершенно невообразимый ранее «микст культур». Философ, деятель искусств – постмодернист нередко выступает в качестве креативного и даже дурачащегося бармена, приготавливающего самые разнообразные коктейли. Легкость бытия, преодоления границ, смешения несмешиваемого затрудняет потребителям понимание того, на каком они празднике, что потребляют. Потребление массовой «миксовой культуры» приводит к тому, что люди осознают себя просто Потребителями и не более того, а потом и вовсе перестают понимать, кто они. Проблема кристаллизуется в форме трудности самоидентификации и в форме неотграниченности (неясной отграниченности) от Другого.

Эпоха массового производства, потребления, глобальной экономики и, как следствие, глобальной социальной волатильности приводит к тому, что рушатся границы между сложившимися группами производства, потребления. Идентичность, связанная с экономическим положением человека и, как следствие, с его статусом как потребителя, стремительно разрушается. Нет устойчивой почвы для установления новой определенности.

Миграция, многочисленность межнациональных, межконфессиональных браков в совокупности с политикой мультикультурализма, безоглядной толерантности помноженной на политическую нестабильность, разрушают границы между нациями, конфессиями, системами государственно-гражданских отношений. Людям все труднее определить, какой они национальности, веры, гражданства-подданства, где живут, а порой – какого они пола.

Современная индустрия медицины породила массовое стремление к омоложению и достигла в этом некоторого прогресса, по крайней мере по части внешнего вида людей. Начали рушиться возрастные границы. Границы между поколениями стали стираться еще и потому, что среднее, старшее поколения некоторое заметное время уже прожили в эпоху разрушения границ, всеобщей волатильности и готовы приспособиться, осовремениться, получить новый социокультурный «тюнинг». Возникла индустрия адаптации среднего и старшего поколений к современной виртуализации и соответствующей информационно-коммуникационной технике. В виртуальном пространстве исчезает граница между возрастными участниками обще-

ния. Интернет бестелесен. В итоге ясное разделение людей по возрастам, императивное для всего живого, в идентификационных процессах становится не столь однозначным.

Современное образование дезориентировано. Во-первых, оно в кризисе, вызванном рядом причин, в том числе и теми, что приводят к потере границ и последующим сложностям в идентификации. Во-вторых, оно утрачивает интерес к воспитанию, утилитарно становится индустрией подготовки трудовых кадров, сферой оказания информационных услуг, сферой социального регулирования. В образовании уделяют все меньше внимания границе между добром и злом, красивым и безобразным, взамен формируют толерантность, учат равно относиться к мальчикам и девочкам, учащимся разных национальностей, вероисповеданий... А если не обеспечивается эта усредненность, то педагогов могут привлечь к ответственности. Задания зачастую переводятся в тестовую форму, исключаящую индивидуализацию ответа. Сведение практик проявления себя в ходе той ли иной индивидуализации на нет минимизирует возможности и стремление человека к самоидентификации. Образование дает все меньше поводов для проведения существенных (нравственных, эстетических, этнокультурных и т.д.) границ. Все меньше границ. А значит, все труднее по совокупности границ, очерчивающих личность, группу, быть Личностью и входить в свою группу, т.е. самоидентифицироваться, видеть Другого, его границы и на этой основе определять идентичность Другого.

Одним из направлений деятельности по облегчению идентификации личности могла бы быть работа системы образования по обращению учащегося к его истокам, его основам – к Традиции. Традиции его нации, страны, местности, семьи.

И.Ю. Суровцева, О.С. Туренко (Донецк, Украина)

УСТОЙЧИВОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ

Современная цивилизационная динамика интеграционных процессов от культурно-информационной экспансии упрощенных западноевропейских (прежде всего американских) ценностей (вестернизации) до политико-идеологических (господство западноевропейских неолиберальных и неоконсервативных принципов), технологических, финансовых или стратификационных определяется социаль-

ными науками термином «глобализация». Уплотнение сети всемирных связей, имеющих последствием взаимовлияния местных и отдаленных событий (Э. Гидденс), приводит к амбивалентной гомогенизации и фрагментации мира, «размыванию» национальных культур, суверенизации государств и разделению наций/народов на лидирующих и на аутсайдеров, «отсталых». Такое идеологическое разделение наций (в гегелевском понимании исторических и неисторических народов) мотивирует их к принятию постиндустриальных принципов конкуренции – заставляет ускоренно адаптировать ценности глобализации к своим национальным культурам. Но таким образом маргинализируются и разрушаются веками утвержденные социокультурные коммуникации и традиции. Это создает, по выражению З. Баумана, «ситуацию, где никто не контролирует ситуацию» [1. С. 49], ситуацию, не имеющую взвешенного управленческого решения. По-видимому, глобализация демонизируется, осознается как катастрофическая угроза существующему укладу жизни, традиционным ценностям и национальным культурам, которые должны быть нерушимыми, так как они исторически доказали свою дееспособную функцию – оберегать человечество от «пограничных» опасностей. У. Бек в данном контексте отмечает, что для подавляющего большинства людей опыт «глобального сообщества товарищей по несчастью» начинается на первых порах как опыт ощущения угрозы – в дебатах о «мобильной бедности», о «демографическом взрыве» [2], о таких событиях, как катастрофа на реакторе в Фукусиме, попадание ядовитых веществ в продукты питания и т.д.

Но эти вызовы и риски, к сожалению, не ставят человечество перед необходимостью укрепления единства человеческой цивилизации [3]. По-прежнему каждая цивилизационная идентичность воспринимает других представителей межцивилизационных процессов в рамках категорий «свой», «иной», «другой», «чужой», которые можно условно объединить общей категорией «Другой», понимаемой как «не я» с различными смысловыми оттенками. Е. Зарова предлагает такой социолингвистический ряд: «свой» предельно близок «Я»; «иной» понимается как отличный от «Я», с которым возможно диалектическое взаимодействие; «другой» есть совершенно иной по отношению к «Я», с которым возможно диалогическое взаимодействие без ассимиляции одного другим; «чужой» является чуждым по отношению к «Я», с которым, скорее всего, возможны только конфронтация и поглощение. Восприятие цивилизаций друг

другом в рамках данных категорий объясняет различные процессы ассимиляции, глобализации, унификации, спецификации, конфронтации, характерные для современного общества [4. С. 8].

Таким образом, современный информационно-технологизированный мир «вычерпывает Другого» (Ж. Бодрийяр), наподобие исчерпания сырьевых ресурсов. Вследствие этого возникает «инакодефицит». Именно в одном из многих аспектов взаимоотношений глобальных процессов современности и национальных культур вычленяются лейтмотив противоречия и перспективы устойчивости национальных пространств в пределах концепции маргинального Другого.

Библиография

1. *Бауман З.* Глобалізація. Наслідки для людини і суспільства. Киев: Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2008. 109 с.
2. *Бек У.* Что такое глобализация? [Электронный ресурс]. URL: <http://ishulenina.ru/Global/Bek/globalizaziya/06.html>.
3. *Хачатурян В.М.* Человек в пространстве цивилизаций: проблема цивилизационной идентичности [Электронный ресурс] URL: <http://iph.gas.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/11.pdf>.
4. *Зарова Е.Д.* Образ «Другого» в становлении цивилизационной идентичности: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Саратов, 2009. 21 с.

Е.И. Филиппова (Москва, Россия)

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ МЕРТВ? ДИСКУРС И ПРАКТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ*

Мультикультурализм – один из терминов-эвфемизмов, порожденных эпохой постмодерна. В зависимости от интенций говорящего или пишущего, он может означать что угодно, иметь положительную или отрицательную коннотацию, относиться к разным социальным контекстам и к разным дискурсивным полям. Подобно «глобализации» или «идентичности» (своим неразрывным спутникам), этот новый для массового сознания термин призван не столько отразить

---

* Выполнено при поддержке гранта РНФ 14-18-03090 «Измерение рисков межэтнических отношений в регионах Российской Федерации. Разработка теории и междисциплинарного подхода».

новую, доселе неведомую реальность, сколько создать видимость новизны давно существующих феноменов и сформировать новую политику управления культурным многообразием.

Перформативная роль присуща не только мультикультурализму, институционализированному в политических практиках (в его локальных вариантах – канадском, австралийском, североамериканском или малайском, например), но и мультикультуралистской идеологии, провозглашающей терпимость к культурным различиям, но предполагающей их врожденный и групповой характер.

Расцвет идеологии и политики мультикультурализма связан с ослаблением роли национальных государств, интернационализацией экономики и потребностями бизнеса в расширении круга потребителей и массовых перемещениях рабочей силы. «Мультикультурное» потребление и мода на так называемый «этнический» стиль, минимизация затрат на интеграцию мигрантов, бесполезную с точки зрения тактических задач крупного капитала, подмена политического и социального участия «меньшинств» в жизни общества их культурным представительством имеют в качестве обратной стороны фольклоризацию и экзотизацию культуры, постоянное воспроизводство и исключение «другого» внутри национального государства, создание внутренних границ в форме этнических гетто и замкнутых общин, отказ от общих ценностей в пользу лицемерной «толерантности». В конечном итоге идеология мультикультурализма, предполагающая примат культурного над социальным, и тем более политика мультикультурализма, ставящая групповые права выше индивидуального выбора, противоречат принципам демократии и угрожают существованию построенных на этих принципах национальных государств.

Секция 3. МИГРАНТЫ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ ИНТЕГРАЦИИ

Г.Н. Алишина (Томск, Россия)

ДИСКУССИЯ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕННОНИТОВ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Нередко обстоятельства политического толка (война, спор о территориях, неравенство в положении регионов и проч.) актуализуют проблему само- и взаимоопределения участников событий. Когда же вопрос об идентичности выходит за рамки некой внутренней потребности индивида или сообщества и приобретает политический характер, накал страстей вокруг его решения кратно возрастает. Именно в таких условиях наиболее выпукло проявляются механизмы конструирования идентичности как самими ее носителями, так и неравнодушным окружением.

В качестве конкретного исторического примера можно привести дискуссию, развернувшуюся в годы Первой мировой войны, об идентичности меннонитов, проживавших на территории России. Участие страны в войне против Германии и кампания по «борьбе с немецким засильем» перевели вопрос об этнической принадлежности этого конфессионального сообщества в плоскость вопроса о его лояльности. В глазах местного населения меннониты являлись одной из групп немецких колонистов, проживавших тогда в России, и на них автоматически распространялись возникшие в тот период антинемецкие настроения и правительственные меры, нацеленные на борьбу с немецким влиянием, в том числе ликвидацию немецкого землевладения.

В условиях, когда быть «немцем» означало быть «врагом», меннониты стали настаивать на своем голландском, а вовсе не немецком

---

* Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

происхождении, используя для этого апелляцию к истории, а также демонстрацию лояльности и преданности.

Среди общественности и в правительственных кругах имелись как сторонники меннонитов, поддерживавшие их версию и подчеркивавшие их полезность для государства, так и противники, настаивавшие на том, что меннониты являются немцами и преданы интересам Германии. Основными сферами, в которых развернулась дискуссия об идентичности (лояльности) меннонитов, стали общественное мнение и пространство власти. Первое нашло свое отражение в публицистике (периодические издания, брошюры и даже полноценные монографии), второе – в официальных документах (прошения, справки, отчеты, официальная переписка и проч.).

Понимая уязвимость своего положения, с самого начала войны меннониты стремились продемонстрировать свою лояльность Российскому государству: устраивались молебны о победе русского оружия [1], делались пожертвования в пользу армии [2. Л. 25], организовывались лазареты для раненых воинов [3] и проч. Камнем преткновения являлся вопрос о службе меннонитов в армии. В силу своих религиозных убеждений они не могли взять в руки оружие, однако сами предложили правительству, чтобы меннониты-ратники служили в действующей армии, но в качестве санитаров [1]. Все эти усилия не уберегли меннонитов от опалы. Напротив, именно их стали определять как самых опасных из всех немецких колонистов [4].

Издание ликвидационных законов, под действие которых подпадали и весьма обширные землевладения меннонитов, вывело дискуссию об их идентичности на новый уровень. В ход пошла историческая реконструкция. Меннониты с завидным упорством писали прошения во властные структуры вплоть до Сената, настаивая на своем голландском происхождении и приводя в качестве доказательства историю своего вероучения и своих миграций [5. Л.8]. Их оппоненты уверяли, что хотя секта меннонитов была образована в Голландии, ее последователями впоследствии были выходцы из различных европейских государств, в том числе немецких и т.д. [5. Л. 70–72 об.]

За годы войны полемика вокруг вопроса об идентичности меннонитов обострялась дважды: в 1915 г., когда только были изданы первые ликвидационные законы, и в конце 1916 – начале 1917 г., когда принятые узаконения начали претворяться в жизнь. Оба раза попытки меннонитов апеллировать к истории оказались безуспешными, и им так и не

удалось убедить власть и общественность в своей ненемецкой идентичности. В итоге ликвидационное законодательство было отменено только после победы Февральской революции.

Отслеживание хода дискуссии об идентичности меннонитов позволяет судить о механизмах ее конструирования «изнутри» и «извне». Ситуация войны послужила обстоятельством, придавшим полемике особую остроту и сделавшим ее яркой и выпуклой. Аргументация сторон является довольно типичным примером обоснования заявляемой или приписываемой идентичности и позволяет делать общие наблюдения и выводы.

Библиография

1. *Русские ведомости*. М., 1914. 6 нояб.
2. *Российский государственный исторический архив* (РГИА). Ф.821. Оп. 133. Д. 319.
3. *Новое время*. СПб., 1914. 13 авг.
4. *Новое время*. СПб., 1916. 6 сент.
5. *РГИА*. Ф.1483. Оп. 1. Д. 20.

А.А. Крих (Омск, Россия)

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИБИРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Начало XX в. для российского общества было связано с уско-
рившейся трансформацией социальной структуры. Это изменение
болезненно воспринималось представителями тех сословных групп,
которые не вписывались в государственные проекты помощи насе-
лению, в частности те, что касались колонизации окраин Российской
империи. Представления о социальной структуре позднеимперской
России и социальные репрезентации населения наиболее ярко прояв-
ляются в источниках, принадлежащих к жанру прошений, которые пи-
сались на адреса Переселенческого управления МВД, Комитета Сибир-
ской железной дороги (КСЖД), Министерства государственных иму-
ществ (с 1905 по 1915 г. – Главное управление землеустройства и зем-
леделия). Поскольку политика колонизации Сибири носила сословный
характер, то желающим переселиться на восточные окраины приходи-
лось обосновывать свои притязания на государственную помощь при
переселении и обустройстве на новом месте. Несмотря на историче-
60

скую значимость данного вида источника, сам жанр прошения программировал на использование самоуничижительного тона при описании просителем своего социального положения и обличительной патетики в адрес виновников своих несчастий.

Сословный характер переселенческой политики не просто осознавался в обществе, но и практически вызывал чувство ревности у представителей некрестьянских социальных групп. «Все внимание Правительства, все денежные средства, ассигнуемые на устройство переселенцев, исключительно направлены на пользу крестьянского сословия и отчасти, с большими ограничениями, на пользу мещан; другие же сословия ... совершенно забыты», – писал в 1908 г. личный почетный гражданин Острогжского уезда Волынской губернии Ф.И. Сачковский [1. Л. 253].

Со стороны так называемых привилегированных сословий, к которым причислялись безземельные дворяне, однодворцы, разночинцы, мелкие чиновники, на крестьян сыпались обвинения в жадности и бескультурье. Как писал один из сибиряков-разночинцев, чей отец, став государственным служащим, вышел из крестьянского состояния: «Было время, земля зачислялась за разночинцами, крестьяне ставились к нам в зависимость! Теперь обратная несправедливость: земля зачисляется за крестьянами, и разночинцы попадают к ним в зависимость: крестьяне мечтают уже брать по рублю в год за сажень! Масса разночинцев уже бежала из Боготола – вследствие чрезмерных требований крестьян» [2. Л. 74].

В результате проводимой переселенческой политики крестьянство перестало восприниматься в качестве нижней ступени сословной иерархии и «привилегированные» сословные группы на основании государственных законов делали вывод о приоритетном положении крестьянства. Самарский безземельный дворянин Н.И. Дробышев писал в 1915 г.: «Крестьяне свободно, где можно, имеют полную возможность переселяться, получать земли и пособия от казны на обузаведения, тогда как бедному дворянину-землепашцу, занимающемуся тем же трудом, как и крестьянин, почти невозможно добиться того, что полагается законом. Чем же мы виноваты, что родились в дворянском звании?» [3. Л. 117-об.].

Таким образом, колонизация имперских окраин и, в частности Сибири, вскрыла проблему перерастания сословной структуры российского общества в классовую. Сословной политикой переселения оказались недовольны многие межсословные группы, которые неиз-

бежно возникали в сословном обществе, но на которые не ориентировались законодатели при выработке основных положений, регламентирующих грандиозный процесс колонизации. В результате этого просители, обладающие определенным уровнем образования, указывали чиновникам на необходимость «всесословного» подхода к практике переселения, аргументируя свои высказывания личными примерами социальной мобильности, намекая на тонкость сословных перегородок.

Библиография

1. *Российский* государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 3. Д. 183.
2. *РГИА*. Ф. 391. Оп. 5. Д. 826.
3. *РГИА*. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1978.

Л.А. Кутилова (Красноярск, Россия)

ПРОБЛЕМА РАЗРУШЕНИЯ / СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКОГО СООБЩЕСТВА): ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ, ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Концептуальным выводом современных исследований по истории Сибири и ее колонизации в XIX–XX вв., который касается украинцев в первую очередь, стал тезис о том, что в стратегической перспективе политика российской власти ориентировалась на постепенную хозяйственно-культурную ассимиляцию разных этносов в Сибири, восприятие русской культуры и языка выступало в качестве императива российской государственности. М. Шиловский подтверждает, что «одним из последствий колонизации стала русификация самих переселенцев (украинцев, немцев, чувашей, белорусов, мордвы и др.) с утверждением общерусской идентичности» [1. С. 36]. Исследователь из Омска А. Ремнев, анализируя имперскую политику в Сибири, не только соглашается с тем, что она имела целью «географии придать русскую физиономию» (Н.И. Надеждин), но продвижение за Урал рассматривает как целенаправленный процесс «конструирования империи» «однородным единовѣрным населением» [2. С. 8]. Описывая славянский мир Сибири, он отмечает,

что «украинцы и белорусы, хотя и сохраняли довольно долго свой язык, черты бытовой культуры в условиях Сибири», будучи расселены среди по большей части русских, оказались «...восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, демонстрировали большую, чем на исторической родине приверженность идее общерусской идентичности» [2. С. 8]. Документы подтверждают тенденцию, согласно которой население украинских анклавов в Сибири переходило на русский язык, а к 1930-м гг. в большинстве случаев утратило этническое самосознание [См., напр.: 3. С. 125, 161]. Однако всестороннего исследования этого процесса на украинском материале нет. Огромный массив документов, например, архивов Красноярского края, хранит достаточно информации по разным аспектам украинской тематики, но эти документы редко привлекают исследователей. Между тем, внимательное изучение массива документальных источников позволит создать комплексное исследование украинского переселенческого сообщества в Сибири, масштабную картину именно украинских переселений в Сибирь, проанализировать степень адаптационных возможностей переселенческого украинского сообщества, процессы адаптации к новым условиям в украинской среде через характеристику этапов, форм адаптации и факторов, повлиявших на развитие процесса, особенно в сопоставлении с другими переселенческими группами; позволит выяснить особенности процесса, имеющего следствием утверждение общерусской идентичности; подтвердить в целом (опровергнуть или конкретизировать) эту тенденцию. Важнейшая задача при этом проанализировать, насколько прямолинейным был процесс русификации украинцев в Сибири, выявить роль различных факторов в нивелировании этнокультурных различий и стабилизации этнической ситуации в Сибири, например, определить, в какой мере в украинской среде этничность конкурировала с конфессиональностью, определить их иерархию. Важно при этом проанализировать не только устремления власти, но и реальную политику, поскольку активных попыток насильственно ускорить этот процесс власть не предпринимала.

Библиография

1. *Шиловский М.В.* Этносоциальные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX в. в современной историографии (1991–2004 гг.) // Традиции экономических,

культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): сб. науч. трудов. Вып. 3. Омск: Омский ун-т, 2005.

2. *Ремнев А.В.* Славянские народы как колонизационный ресурс имперской политики в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность): сб. науч. трудов. Омск: Омский ун-т, 2005. Вып. 3.

3. *Межэтнические* связи Приенисейского региона: в 2-х ч. / под ред. Р.Г. Рафикова. Ч. 2. Красноярск, 2007.

Н.В. Люля (Барнаул, Россия)

ТРАДИЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ АЛТАЯ 1910–1960-Х ГГ. КАК ЭТНИЧЕСКИЙ МАРКЕР*

Вопрос этнической идентичности переселенцев на вторичных территориях освоения является в последнее время одним из актуальных для этнографической науки. Изучение этнической идентичности потомков украинских переселенцев конца XIX – начала XX в. в селах Алтайского края дает исследователям основания считать язык (знание языка) важнейшим признаком этнической идентичности, а традиции материальной и духовной культуры относить к второстепенным [1. С. 55–59] в силу утраты ими этнических свойств в новых условиях [2. С. 153–156].

Свадебная обрядность является одним из ярких проявлений этнической специфики любого народа, представляет собой комплекс ритуальных действий и включает множество материальных компонентов. В рассматриваемый период в селах Алтая со смешанным, преимущественно русско-украинским населением украинская свадьба неизбежно изменялась в результате межэтнического взаимодействия и в связи с изменениями в жизни общества. Однако полевые исследования автора и участников историко-этнографических экспедиций АлтГПА (2008–2013 гг.) показали, что целый ряд элементов украинской переселенческой свадебной обрядности имели в 1910–1960-е гг. устойчивый характер. При этом их принадлежность к украинским традициям осознается не только потомками украин-

---

* Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.». Проект № 13-31-01008 а1.

ских переселенцев, но и окружающим русским населением. Основываясь на данных интервьюирования, к числу этномаркирующих элементов можно отнести: приглашение гостей на свадьбу невестой и дружкой со специальной выпечкой в форме «шишек», празднование свадьбы в «разных дворах», традицию кормления молодой завтраком утром второго дня – «снестать», «сор» – в хату вносили солому и разбрасывали на пол, перемешивая с монетами, невеста должна была собрать деньги и вымести сор из дома, «ряжение», «катания» – ряженым родителям устраивали катания на санях или корыте, пытались их перевернуть, а молодые должны были выкупить родителей, «курятина» [3; 4. С. 65–67; 5. С. 49–50; 6].

Библиография

1. Демина О.С. Этническое самосознание украинского населения Кулундинского района: современное состояние // Кулундинский район: страницы истории и современность. Барнаул: ООО «Азбука», 2007. Т. 1.
2. Орешикова Ю.А. Феномен традиционного мифа в контексте самоидентификации этноса // Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5.
3. Архив лаборатории исторического краеведения Алтайской государственной педагогической академии (Архив ЛИК АлтГПА). Ф.1. (ИЭЭ 2008 – 2013 г.).
4. Демина О.С. Свадебный обряд украинских переселенцев как признак национальной идентичности // Сборник конференций НИЦ. Социосфера, 2013.
5. Люля Н.В. Особенности свадебной обрядности украинских переселенцев Алтая в первой половине XX века // Материалы 50-й МНСК: Этнография. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2012.
6. Люля Н.В. «Шишки» как традиционный элемент свадебной обрядности украинских переселенцев Алтая в первой половине XX в. // Молодежь – Барнаул: материалы XIV ГНПК (20–26 ноября 2012 года). Барнаул, 2013.

С.А. Мулина (Омск, Россия)

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ: ПОЛЬСКИЕ КОЛОНИИ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.*

Польские колонии в Сибири неоднократно становились объектом исследования российских и польских ученых. Историки обра-

---

* Выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Память о русско-польских отношениях в Российской империи в мемуаристике межвоенного периода». Проект №13-01-00070.

щали внимание на количественный, социальный, образовательный и профессиональный состав польских скоплений, их хозяйственную и культурную деятельность. Подчеркивалось, что в крупных сибирских городах польские колонии смогли сохранить национальный язык и культуру, однако использование концепта диаспорной общины в описании польских колоний неизменно фиксировало слабость диаспорных институтов.

Социальные контакты, выстраиваемые внутри отдельных колоний, определялись принадлежностью мигранта к той или иной социальной и этнической группе, политическими предпочтениями и практической необходимостью выживания в незнакомом обществе. В итоге каждая колония представляла собой сложную систему взаимоотношений с многочисленными группами влияния и частыми конфликтными ситуациями. Даже отношения в колониях политических преступников нельзя было свести только к наличию товарищества или его отсутствию. В Среднеколымске можно насчитывать целую гамму отношений, подчеркивал ссыльный Ян Стружецкий, революционные, партийные, товарищеские, обывательские. «И, черт знает, еще какие». Явно прослеживается и конфликт носителей различных адаптационных стратегий. В данном случае на первый план выходят практические интересы отдельных социально-профессиональных групп мигрантов.

Исследуемый период интересен тем, что польские колонии динамично изменялись. Ссыльные участники январского восстания, составлявшие большинство польского сообщества в Сибири с середины 1860-х гг., начинают постепенно покидать регион, переселяясь в губернии Европейской России или возвращаясь в Царство Польское. Более заметным этот процесс становится в 1880-е гг. Одновременно в Сибирь направляются новые потоки польских мигрантов: ссыльные участники революционного движения и крестьяне-переселенцы. Таким образом, изменяется персональный, социальный, профессиональный состав польских колоний, их социокультурный и психоэмоциональный облик.

Наша задача – проанализировать взаимоотношения между прибывающими в Сибирь польскими политическими преступниками с ранее сосланными соотечественниками. Рассматривался ли ранее прибывший политический преступник как «свой» среди чуждого мигранту принимающего общества? И воспринимало ли польское сообщество, в определенной степени уже интегрированное в мест-

ный социум, вновь прибывшего соотечественника «своим»? Можно ли говорить о том, что миграционная идентичность польских мигрантов рубежа XIX–XX вв. была тождественна миграционной идентичности ссыльных участников польского восстания 1863 г.? И в чем заключается специфика адаптационных стратегий польских ссыльных рубежа XIX–XX вв.?

Т.Г. Недзелик (Новосибирск, Россия)

**ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ: БЫТОВАНИЕ
КАТОЛИЧЕСКИХ ОБЩИН В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ
(XIX – НАЧАЛО XXI в.)**

Религиозная активность – характеристика многогранная, сложно поддающаяся измерению и классификации. Выделим *экстремальную, мобилизирующую, формально-обрядовую* активности в зависимости от их эмоционально-психической напряженности, социальной консолидированности и степени влияния на социокультурный облик региона. Изменяющиеся условия внешнего мира являются мощной детерминантой в объяснительной модели поведения представителей религиозных сообществ. Сибирский регион, как принимающий социум и место формирования новой идентичности [1. С. 63–75], выполнил функцию «меняющегося мира» применительно к своим новым контингентам населения. В свою очередь, являясь одним из регионов России, Сибирь прошла через все социальные катаклизмы XIX–XX вв., была подвержена колоссальным изменениям, что отразилось в том числе и на религиозной активности различных групп верующих на ее территории. Католические общины представляют, на наш взгляд, удачный пример для анализа эволюции религиозности.

Во-первых, причиной смены места жительства для основателей этих общин, участников восстаний в Польше 1830 и 1863 гг., стала *экстремальная* религиозность. Во-вторых, методом консолидирования усилий по сохранению этнической идентичности в Сибири выступила *мобилизирующая* религиозность: мировоззренческие ценности осознавались как жизненно важные, происходило становление собственного типа региональной конфессиональной идентичности в качестве способа идентификации себя в социуме. В-третьих, этап смены поколений и поддержания обретенного в Сибири социального статуса сопровождал-

ся снижением веса элементов религиозной мотивации в общей системе ценностей, большее значение приобретали обрядово-символические атрибуты (*формально-обрядовая* активность).

Речь томского настоятеля, Валериана Громадского, перед собранием томской общины 10 июня 1890 г. наглядно демонстрирует снижение мотивации прихожан к общению: «Братья! Наши предки, малочисленные в этой стране, но сильные верой, чувствуя потребность в общей молитве, работая в поте лица, воздвигли этот храм! Много времени прошло с тех пор, и многое изменилось. Остыла вера, а с верой и любовь, но цепь, которая соединяла все сердца, хотя и ослабла, но не разорвалась, а общие нужды ее поддержат» [2. С. 2].

Позже, на протяжении XIX–XX столетий, католические общины в Сибири демонстрировали поочередно *мобилизирующую* и *формально-обрядовую* разновидности религиозной активности. Начало двадцатого века оказалось сопряженным со сменой политического строя в стране, что проявилось всплеском конфессионального самосознания. Отличительной чертой религиозности периода строительства социализма стал «катакомбный» характер религиозных практик, скрытых от внешнего взгляда. Постсоветский период снова был отмечен ярким всплеском религиозности: элементы конфессионального менталитета вновь стали играть определяющее значение в самоидентификации католического населения Сибири. Отличительной особенностью постсоветской религиозной мобилизации явилась квазиконфессиональность. Современный этап в эволюции религиозности можно охарактеризовать как ритуально-бытовой с формально-обрядовой активностью (цель – сохранение традиций предков).

Очевидно, что на протяжении практически двух столетий бытования католических общин в Сибирском регионе периоды напряженной эмоциональной и организационной активности сменялись «затишьем».

Священник В. Громадский в обращении 1890 г. очень наглядно определил кризисную ситуацию как побудительный мотив к коммуникациям, заметив: «В несчастьи сердца находят отраду в общении» [2. С. 2].

Библиография

1. *Национальные аспекты колониционной политики Российской империи в Сибири: проект большой русской нации*» и сибирская региональная идентич-

ность // Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое лит. обозрение, 2007.

2. [Громадзкий Валериан, кс.] Слово, сказанное 10 июня при освящении начатой перестройки Томской римско-католической церкви после богослужения и молебствия за здравие государя императора и всего августейшего дома // Сибирский вестник. 1890. № 68.

Т.Н. Сорокина (Омск, Россия)

РОССИЙСКИЕ ЧИНОВНИКИ О КИТАЙСКОЙ И КОРЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРИАМУРСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX в.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Активизация дальневосточной политики после русско-японской войны, проведение мероприятий по укреплению обороноспособности и экономическому развитию далекой окраины способствовали значительному увеличению притока китайских и корейских мигрантов в Приамурье. Проблема «ограничения наплыва желтой расы» обострилась тогда настолько, что ее обсуждение достигло общероссийского звучания.

Одной из насущных забот приамурской администрации во главе с назначенным в 1906 г. генерал-губернатором П.Ф. Унтербергером стала необходимость выработки проекта новых условий допуска и проживания в Приамурском крае выходцев из Китая и Кореи, поскольку действующие правила, по общему признанию, оказались несостоятельными именно в качестве меры по ограничению их «наплыва». Новые правила (назовем их условно «проект П.Ф. Унтербергера») преследовали двоякую цель: с одной стороны, создать некоторые ограничения для перехода китайцев и корейцев через границу, а с другой – подчинить их пребывание в российских пределах большему контролю местной администрации.

«Проект П.Ф. Унтербергера», пройдя несколько стадий рассмотрения в совещаниях на местном уровне, к маю 1908 г. достиг Петербурга, где обсуждался в специальном межведомственном совещании, созданном по распоряжению Совета Министров. Не вызвав серьезных возражений, проект был представлен МВД в октябре 1908 г. в Государственную думу. Финансовая комиссия Думы, одоблив в общих чертах проект правил, признала необходимым издать его в виде закона в отношении всех вообще иностранцев, т.е. как

иммиграционный закон, на доработку которого требовалось достаточно много времени.

Таким образом, рассмотрение законопроекта было отложено, а все последующие дебаты привели к тому, что вместо иммиграционного закона был принят так называемый закон 21 июня 1910 г., запрещающий наем иностранных рабочих на казенные работы и сдачу казенной земли в аренду иностранцам.

В действительности задолго до принятия этого закона генерал-губернатор своей властью весной 1908 г. предписал Управлению государственных имуществ запретить сдачу казенных земель в аренду китайцам и корейцам и прекратил выдачу разрешений на наем корейских рабочих на прииски и другие горные работы. Незамедлительность исполнения этих предписаний он объяснял тем, что «китайцы и корейцы с политической точки зрения являются для русской государственности в Приамурье элементом более чем ненадежным и нежелательным, а потому нельзя откладывать мероприятий против их вселения в край». Основным мотивом для принятия ограничительных мер П.Ф. Унтербергер считал некоторые «характерные особенности «желтой расы», а именно: «...ее неспособность к ассимиляции, ее замкнутость, сплоченность и расовое недружелюбие к белым, благодаря чему корейские села в крае, несмотря на десятки лет существования, сохраняют все свои национальные особенности, совершенно не сливаются с русскими, не владеют языком. Имеется ряд Корей в миниатюре» [1. Л. 158].

Неоднозначные последствия этих распоряжений привели к появлению оппонентов политики высших приамурских властей. Во время доработки «проекта П.Ф. Унтербергера» разразилась острая полемика по так называемому «желтому вопросу», в которую были вовлечены представители местной администрации и чиновники центральных ведомств, в том числе «эксперты» образованного осенью 1909 г. Комитета по заселению Дальнего Востока, в рамках которого и проводилось обсуждение. Этой полемике, вернее той ее части, которая отражает представления региональных и центральных властей о китайской и корейской идентичности на русском Дальнем Востоке, и будет посвящен доклад.

Библиография

1. *Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 394. Оп. 1. Д. 7.*

Н.Г. Суворова (Омск, Россия)

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ
В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: ИНСТИТУТЫ,
МЕХАНИЗМЫ И МОТИВАЦИЯ**

Переселение, водворение и адаптация крестьян к новому обществу и новой территории традиционно предполагали значительные затраты государства на компенсацию низкого социально-экономического уровня наиболее доступного колонизатора. Попечительная политика второй четверти XIX в. нашла яркое отражение и в переселенческой политике. Уже «маршрутный переселенец» киселевской эпохи сформировал устойчивый образ инфантильного «государственного пестуна», полностью полагавшегося на опеку и покровительство государственных учреждений. Эпоха массового переселения потребовала взросления не только колонизатора, но и самого общества, причем на самом разном уровне. Начиная от общины, из которой выселялся крестьянин, уездного и губернского земства, областной земской организации и до общины принимающей – все уровни консолидации общества могли участвовать и участвовали (с разной степенью эффективности и заинтересованности) в поддержке переселенцев. Общественные инициативы могли выступать как дополнение и компенсация к государственным мероприятиям в этой сфере, так и в качестве альтернативы как проявление гражданской солидарности или особого понимания статуса и задач переселенца. Расхождение интересов проявлялось в ходе дискуссий об эффективности и значимости различных групп колонизаторов. Дискуссии попечителей о «хороших и плохих» колонизаторах позволяют выявить дополнительные характеристики колонизационных проектов имперских экспертов.

В исследовании основной акцент делается не на анализе конкретных направлений и видов попечительных практик в отношении переселенцев, а на взаимодействии различных переселенческих институтов и выработке идеологического обоснования (имперских, национальных, региональных, социальных приоритетов) колонизации азиатских окраин Российской империи. Предпринимается попытка охарактеризовать механизмы и мотивацию попечительной деятельности организаций и учреждений, действующих на основании общественной, а не государственной инициативы, в частности

Переселенческой комиссии Государственной думы, областной земской организации и местных благотворительных организаций. Данные структуры при взаимодействии/сотрудничестве в сфере переселенческого дела с государственными учреждениями создавали пространство гражданского общества.

В качестве источниковой базы привлекаются материалы центральной и местной (сибирская, степная) периодической печати, ведомственных журналов, а также, в качестве дополнения, делопроизводственная документация организаций. Сочетание этих групп позволяет выявить взаимные оценки, получить идеологически насыщенные тексты конкурирующих за «близость к народу» инстанций. Периодическая печать в позднеимперской России становится местом совместного (иногда очень острого) обсуждения переселенческого дела. В работе привлекаются материалы Переселенческого управления с обсуждением критических публикаций «конкурирующих» учреждений и организаций.

И.В. Черказьянова (С.-Петербург, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕТЕРБУРГСКИХ КОЛОНИСТОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Формирование общероссийской идентичности немецких колонистов под Петербургом было длительным процессом и проходило под влиянием ряда факторов.

1. Условия расселения колонистов двумя группами: «екатерининские» в середине XVIII в. (Новосаратовка, Средняя Рогатка, Ижорская и Ямбургская колонии) и «приморские» в начале XIX в. (Стрельнинская, Ораниенбаумская, Петергофская, Кронштадтская, Кипень). В каждом случае это были небольшие сообщества, связанные родственными отношениями, сложившимися еще до переселения в Россию.

2. Отдаленность колоний друг от друга, способствовавшая сплочению в рамках церковных организаций. Колонисты были объединены в Новосаратовский (около 20 колоний) и Стрельнинский приходы, участвовали в страховых и благотворительных церковных учреждениях.

3. Расселение части колонистов на дворцовых землях, организация некоторых колоний по желанию императорских особ близ Петергофа и Павловска, прямые контакты с членами императорского дома и государственными деятелями – все это создавало у колонистов ощущение некой своей «исклучительности».

4. Служба некоторых колонистов в элитных армейских частях – автомобильных, музыкальных. Избранные стрельнинские колонисты служили в 4-м лейб-гвардии императорской фамилии батальоне, созданном в 1855 г. из крестьян императорских уделов.

5. Близость столицы, развитие шоссежных и железных дорог, что способствовало раннему включению колоний в рыночные отношения и формированию новых видов занятий, ориентированных на город. Появляются новые формы организации общественной, экономической, финансовой и культурной жизни. Примером служит история ссудо-сберегательного товарищества, созданного в 1876 г. стрельнинскими колонистами по инициативе управляющего Госбанком Е.И. Ламанского. Оно объединяло жителей Стрельны, Стрельнинской и Кипенской колоний, Ораниенбаумской и Новосаратовской волостей, т.е. сфера его деятельности вышла далеко за рамки отдельной колонии или прихода.

6. Высокий уровень развития школ и медицинской помощи, тесные контакты с городской немецкой диаспорой, привлечение специалистов из города – все это повышало степень социальной защиты колонистов.

Отмечается несколько уровней складывания общности колонистов и их российской идентичности.

1. На первом этапе сформировались две независимые группы: в старейших колониях и в колониях на побережье Финского залива. Внутри каждой группы складываются тесные родственные отношения за счет ограниченности выбора брачных партнеров. Определенный набор фамилий позволяет четко идентифицировать петербургских колонистов. Это этап «малой» семьи, скрепленной социальным и религиозным единством ее членов.

2. С 30-х гг. XIX в. идет активный процесс создания дочерних колоний за счет отселения из «екатерининских» колоний. Формируется «большая семья», которая все еще дистанцируется от «приморских» колоний. К середине XIX в. колонисты практически полностью адаптировались к российским условиям и заняли лидирующее положение в основных отраслях сельского хозяйства. В колониях

был достигнут высокий уровень благосостояния. В школах повсеместно изучался русский язык.

100-летний юбилей первых колоний в 1866 г., в котором официально участвовали основатели и выходцы из первых трех колоний (Новосаратовки, Среднерогатской и Ижорской), ярко продемонстрировал имперский патриотизм колонистов при сохраняющейся немецкой национальной идентичности и делении на «большие» семьи.

3. Развитие рыночных отношений, реформа колоний в 1870–1800-е гг. способствовали разрушению социальной и культурной замкнутости колонистов, развитию связей внутри обеих групп колоний и колоний с Петербургом. Формирование общероссийской идентичности проявлялось через службу в армии, более активное внедрение русского языка в жизнь колоний, сближение с русским населением. Колонисты приняли участие в русско-японской и Первой мировой войнах. Антинемецкая кампания военного периода нанесла существенный удар по формированию общероссийской идентичности колонистов. Однако если немецкое население города в этот период значительно сократилось за счет эмиграции, то колонисты оставались в России.

Секция 4. ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО И МИГРАНТЫ

D. Olszewska (Торунь, Польша)

THE MEANING OF LOCAL DEITIES AND TRADITIONS IN DEVELOPMENT OF THE REGIONAL IDENTITY OF CHINESE COMMUNITY IN BALI. INTRODUCTION TO THE PROBLEM

Numerous Chinese immigrants and their descendants scattered around the world have formed communities which are based on solidarity and their shared traditions. However, the nature of Chinese beliefs, syncretism and polytheism, enables diaspora to include in this system some of local beliefs, as long as they are not opposed to the central values of Chinese traditions. Therefore each Chinese community develop unique cultural system.

In Indonesia as well, Chinese communities from culturally different regions undergo different processes of acculturation and of developing the regional identity.

In Bali, where the local beliefs have some features in common with Chinese beliefs, absorbing local elements to the Chinese tradition seems more distinct than in the other Indonesian regions. Believing in various deities and supernatural powers, Chinese accept that also Balinese gods can affect their fate. Hence, the activities of 'immigrants' concern not only Chinese ancestors and gods, but may be also influenced by the messages from Balinese gods, delivered by Balinese or Chinese messengers or directly in the dreams of the minority members. Furthermore, the ceremonies held by small village communities require also the contribution from Chinese villagers as on those rites depends the prosperity of the whole village.

Moreover, during the times of political discrimination towards Chinese ethnicity, the similarities between Balinese and Chinese cultures made easier the absorption of elements of the local tradition, as not being allowed to perform its own rites, Chinese community would replaced some of them with Balinese equivalents.

The paper tries to introduce the question of how requirements of local deities and responses to them became a form of a dialogue between the local culture and the ‘immigrants’, affecting not only the relations of the latest with the supernatural world, but most of all the inter-ethnic relations.

The adaptation of local beliefs and rites – also as a sign of respect towards the Balinese culture – is a mean of building safe relations with the dominant group. On the one hand, the acceptance from Balinese society gained this way allows minority to follow its tradition and cultivate Chinese ethnic identity, on the other, partial acculturation to local beliefs is one of the factors accelerating the development of regional identity of minority members as (non-ethnic) Balinese. The paper is based on literature and author’s field-research.

Bibliography

1. *Dhana I Nyoman, Ardika I Wayan*, Beratha Ni Luh Sutjiati. Hubungan komunitas Cina dan Bali // Perspektif multikulturalisme “Mudra”. 2011. Vol. 26. №1. P. 36–40.

2. *Mudana I Wayan, Suyasa I Wayan*. Modal sosial dalam pengintegrasian etnis Tionghoa pada masyarakat desa pakraman Bali // Jurnal Penelitian dan Pengembangan Sains & Humaniora. 2011. Vol. 5. № 3. P. 236–258.

3. *Tan Chee-Beng*. Chinese Religion in Malaysia: A General View // Asian Folklore Studies. 1983. Vol. 42. №2. P. 217–252.

4. *Tan Chee-Beng*. Reterritorialization of a Balinese Chinese Community in Quanzhou, Fujian // Modern Asian Studies. 2010. Vol. 44. №3. P. 547–566.

Caress Schenk (Астана, Казахстан)

THE POLITICS OF IMMIGRATION CONTROL IN RUSSIA

Despite a visa-free regime among all CIS countries, Russia has become increasingly restrictive in its policies regulating migrants’ access to the labor market. In particular, Russia instituted a quota in 2007 that regulates how many work permits will be issued in each year. This quota has decreased dramatically since its institution and since 2008 has stood well below the actual labor needs of the Russian economy. This paper argues that decreased quotas are politically motivated on the part of government actors who attempt to balance popular calls for limitations on immigration against economic actors that benefit from an ample supply of inex-

pensive labor. Setting quotas in this manner increases the cost of participating in the formal economy and, together with corruption, pushes more and more foreign workers into the informal sector, where they benefit employers who want to cut costs by paying lower wages and evading taxes. Encouraging actors to opt out of the formal sector thus becomes a strategic option for policy makers navigating a complex situation.

This paper focuses on a quantitative analysis that assesses the impact of economic development, labor market factors and societal pressures on quota trends. The analysis indicates a greater need to look at local political contexts to determine political factors driving quota definitions. Because quotas are initially formulated by local committees appointed by governors, regional elites are essential for ensuring a stable balance between society and economy. For this reason regional elites are key players in a patronage network that links top federal officials to political and economic elites in Russia's regions. Regional elites produce loyalty to the regime while maintaining stability and in return benefit from both the popular appeal of strict policies and the informal status of migrants. Examples of these processes will be drawn from several regions of Russia.

А.Н. Алексеев (Усть-Каменогорск, Казахстан)

КАЗАХСТАН В ПОИСКАХ СУВЕРЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Распад СССР и потеря социалистической идентичности привели к активным поискам новой точки опоры. Как и во всех постколониальных вариантах, в Казахстане доминируют две основные идеи, – национально-традиционная и индустриальная, прозападная.

Традиционный вариант идентичности – следствие патриотических настроений, востребованных в постсоветский период. Суть казахстанского патриотизма – в прошлом казахского народа. Поиск «незамутненной» национальной идентичности ведется за пределами не только «тоталитарного», но и «колониального» влияния России. В результате истина оформилась в образе «настоящего казаха», отвечающего нормам традиционной культуры (примат национальных традиций, обычаев, языка, образа мышления и т.п.). На патриотическом фундаменте конструируется и будущее суверенного Казахстана: признание государства мононациональным, функционирование государственной системы на основе казахских народных традиций,

выход из международных экономических, политических союзов (с РФ в первую очередь), способных поколебать суверенитет и т.д. Таким образом, основная суть патриотически-традиционного варианта – сохранение казахской суверенности. Ее приверженцами является значительная часть сельского казахского населения государства, представителей первого поколения горожан.

Нетитульным населением (русскими в первую очередь) данный вариант не воспринимается в силу того, что у каждого этноса имеется свое прошлое, оформленное соответствующими традициями и обычаями. Да и судя по всему, патриотическая идея не предполагает чужеродных этнических вкраплений. Во всяком случае, в значительной степени она возвращена на примерах героической борьбы казахского народа с кровавым колониальным и тоталитарным режимом Российской империи/СССР, другими внешними врагами.

Таким образом, данный вариант идентичности имеет четко выраженные этнические и цивилизационные границы, нарушать которые не предполагает ни одна из сторон.

Однако неоднократно обозначенная властными структурами ставка на ускоренную модернизацию демонстрирует готовность движения в противоположную от традиционных ценностей сторону (ускоренная модернизация, программа форсированного индустриально-инновационного развития, программа развития городов, Таможенный союз, Единое экономическое пространство и т.п.).

Данные варианты сосуществуют более двух десятилетий и все более отдаляются друг друга. Диапазон поиска цивилизационной идентичности постоянно увеличивается. Более возможные варианты обнаружения истины концентрируются в городе, так как выраженные государственные приоритеты городского пространства инициируют массовую урбанизацию традиционно настроенных автохтонов. Именно в казахстанском городском пространстве и происходит становление новой идентичности. Определяющее влияние на колебания (в сторону традиционного или индустриального полюса) этой идентичности имеют эволюции этнического состава населения. Уменьшающаяся городская европейская компонента (эмиграция, депопуляция) компенсируется притоком из села. Немногочисленная городская казахская интеллигенция оказывается под все более мощным прессом национал-патриотов. Таким образом, поиск населением идентичности во все большей степени будет происходить в «национал-патриотическом» направлении. Индустриально-иннова-

ционный вектор развития Казахстана в значительной мере является «революцией сверху» и находит поддержку у гораздо меньшего количества населения.

Е.В. Грунт, Н.В. Киммель (Екатеринбург, Россия)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЭМИГРАНТОВ В ТУРЦИИ

Проблема культурной идентичности личности в последнее десятилетие становится предметом анализа в современной социологии, антропологии, культурологии, этнологии. Особенно актуальна она для современной России. Распад Советского Союза остро поставил вопрос о том, кто мы? К тому же, сегодня, с одной стороны, увеличивается поток мигрантов из России за рубеж. С другой стороны, Российская Федерация в современных условиях стала одной из лидирующих в мире стран, принимающих мигрантов. Все это ставит вопрос об изучении культурной идентичности личности.

В 2011 г. нами проведено социологическое исследование, посвященное анализу культурной идентичности русскоязычных эмигрантов, проживающих в Турции. В ходе исследования были применены методы опроса, глубинного интервью, анализа документов.

Мы полагаем, что важным моментом социологического изучения данной проблемы является типологический анализ. Метод типологического анализа позволяет выявить многообразие проявлений культурной идентичности русскоязычных эмигрантов в современных условиях. В соответствии с этой задачей нами была сконструирована типология, в качестве основания которой было принято суждение: если личность обладает мотивированностью, отражающейся в заинтересованности к приобретению новой либо сохранению старой культурной идентичности, то для нее характерно соответствующее ролевое поведение в новом социокультурном пространстве.

В качестве основания данной типологии выделено сочетание нескольких коррелирующих между собой признаков: 1) причины переезда в другую страну; 2) интериоризация культурных норм и ценностей; 3) участие в культурной жизни общества; 4) наличие интереса к новой культуре; 5) жизненные ценности личности. В результате

выявлено пять типов культурной идентичности русскоязычных эмигрантов, проживающих в Турции: «интегранты», «патриоты», «бикультурный тип», «маргиналы», «космополиты». Каждый из типов обладает своими характерными чертами и разной включенностью в жизнедеятельность принимающего сообщества.

К сожалению, рамки тезисов не позволяют рассмотреть все типы культурной идентичности русскоязычных эмигрантов в этой мусульманской стране. Остановимся на анализе одной из них.

Первый тип – «интегранты», характеризуется наличием мотивированности в обретении новой культурной идентичности. Среди опрошенных русскоязычных эмигрантов в Турции носителей данного типа культурной идентичности – 25%. В ходе нашего исследования выявлено несколько качественных показателей, которые характеризуют данный тип культурной идентичности. Представителей этого типа отличает наличие заинтересованности в обретении новой культурной идентичности. Это выражается в нескольких показателях. Анализ причин, по которым эмигранты покинули родную страну, выявил, что они способствовали осознанному желанию переехать в другую страну и войти в новую культуру, при этом 96% респондентов были рады покинуть родную страну. Кроме того, представители данного типа культурной идентичности включены в культурную жизнь страны пребывания.

Исследование зафиксировало: активное участие русскоязычных эмигрантов в культурной жизни страны пребывания проявляется в следующих показателях:

- посещение культурных мероприятий: кино (14%), театра (3%), других культурных мероприятий - концерты, выставки и т.д. (16%);

- общение на языке носителя культуры страны пребывания (31%) и только с представителями этой культуры (44%);

- почитание традиций и обычаев культуры страны пребывания. Среди эмигрантов, проживающих в Турции, 18% опрошенных отмечают только турецкие праздники;

- наличие приоритетных жизненных ценностей, способствующих приобретению новой культурной идентичности. Как известно, успех формирования культурной идентичности в новой культуре во многом зависит от того, насколько система ценностей личности, сформировавшаяся в родной культуре, близка к той, которая в данном случае является для нее чужой, а также от способности личности принять новую систему ценностей. Факторный анализ указал во

многим на схожесть российской и турецкой систем жизненных ценностей;

– предпочтения в проведении свободного времени в условиях культуры страны пребывания. Так, 83% опрошенных проводят его в кругу турецкой семьи и с родственниками из состава турецкой семьи (17%).

Таким образом, исследование показало, что «интегранты» – это тип культурной идентичности, характеризующийся мотивированностью эмигрантов в обретении новой культурной идентичности, а также установленными адаптационными, языковыми, общественными и культурными связями с культурой страны пребывания. Для этого типа характерны заинтересованность и активное участие в культурной жизни общества и взаимодействие только с представителями новой культуры и общение на языке носителя культуры.

С.В. Дементьева (Томск, Россия)

ПРАВО КАК МЕХАНИЗМ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО

В рамках сравнительно-правового исследования законодательства и концепций в сфере регулирования правового положения иностранных граждан в Российской Федерации будет представлена оценка состояния миграционного права с позиции качества нормативно-правовых актов. Критерии оценки выделены исходя из анализа эффективности правовых норм, способствующих интеграции/деинтеграции мигрантов в принимающее сообщество. Эффективность действия правовых норм – это соотношение между результатом их использования и той целью, с которой они принимались [1. С. 80–81].

В Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г., миграции отведена значимая роль в социально-экономическом и демографическом развитии страны. Однако отмечено, что миграционное законодательство не в полной мере соответствует потребностям российского общества, поскольку ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов [2].

При этом уже произошли серьезные законодательные изменения в отношении учебной миграции. Например, с 01.01.2014 г. иностранные студенты-очники получили право работать на основании разрешения на работу по трудовому или гражданско-правовому договору за пределами вуза, в свободное от учебы время. Для реализации этого права следует обратиться с заявлением в территориальное отделение ФМС России, которое выдает разрешения на работу без учета квот. Разрешение на работу не нужно, если иностранный студент:

- выполняет работы (оказывает услуги) во время каникул;
- работает в свободное от учебы время там, где обучается, или в созданных учебным заведением хозяйственных обществах.

При этом право на труд территориально фиксировано – работать иностранный студент может только в том субъекте РФ, на территории которого он обучается.

Указанные изменения важны для адаптации иностранного студента к отечественной системе высшего образования, поскольку формируют привлекательные правовые условия для выбора России в качестве места получения высшего образования. Тем не менее, законодатель исключил из корпуса нормативных новелл иностранцев – учащихся профессиональных образовательных организаций до 18 лет, оставив их вне поля законодательных изменений. Выдавать разрешения на работу иностранцам до 18 лет запрещено, что приводит к серьезным сложностям при прохождении производственной практики при обучении, которая является необходимой частью учебного процесса в вузах [3]. Таким образом, интеграция иностранных граждан в национальную правовую систему нуждается в дальнейшем развитии.

Библиография

1. *Эффективность* действия правовых норм / под ред. А.С. Пашкова, Л.С. Явича, Э.А. Фомина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.

2. *Концепция* государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. утв. Президентом РФ. Список документов справочной правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru.

3. *О правовом* положении иностранных граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ., п.п.15, п.9, ст.18. Список документов справочной правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru.

В.И. Дятлов (Иркутск, Россия)

**МИГРАНТЫ: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ
ДЛЯ РОССИИ (МНОГООБРАЗИЕ И КОНФЛИКТ ГРУПП
ИНТЕРЕСОВ В ПРИНИМАЮЩЕМ ОБЩЕСТВЕ)**

При изучении взаимоотношений мигрантов и принимающего общества преобладает понимание их как единых нерасчлененных и недифференцированных общностей. Их внутренняя неоднородность признается, но в целях анализа выносится за скобки как второстепенное обстоятельство в этом контексте. Имплицитно предполагается, что при очевидной внутренней неоднородности они все же едины перед лицом контрагента. В этом смысле можно говорить об их общей идентичности. Это вполне корректная исследовательская процедура, которая, однако, значительно ограничивает аналитические возможности.

Оставим для отдельного анализа очевидную неоднородность трансграничных мигрантов в современной России. Это мигранты вынужденные и по преимуществу добровольные трудовые. Это выходцы из разных стран, представители различных этнических и религиозных групп, социальных слоев, уровней образования, городского и сельского происхождения. Люди с различными миграционными мотивациями и стратегиями. Несомненно, огромно воздействие этого фактора на общую миграционную ситуацию.

Несмотря на относительную новизну феномена трансграничных миграций для России, его масштабы и воздействие на ход экономических, социальных и даже политических процессов так велико, что проблема осознается как ключевая, способная определить траекторию будущего развития страны в целом. Бурные общественные дискуссии, перекинувшиеся на политическое поле, пристальное внимание массмедиа, не очень заметная, но интенсивная лоббистская деятельность, интенсивная нормотворческая, институциональная и административная деятельность государственных органов власти всех уровней – все это свидетельства чрезвычайной озабоченности проблемой.

И в области научных исследований, и в сфере массовых настроений, господствующего взгляда и тона в массмедиа, в понимании проблемы чиновниками и политиками сформировалось общее проблемное поле, ключевой составляющей которого является оценка

рисков и выгод от миграции. В самом общем виде оно базируется на конфликтном единстве двух подходов – **безопасности и развития**.

Сторонники идеи **развития** считают, что мигранты абсолютно необходимы с точки зрения демографической и экономической. Они доказывают, что без их растущего притока уже невозможно поддержание экономики в более или менее рабочем состоянии и уж тем более – модернизационный прорыв. Исходя из этого, миграционная политика должна строиться на всемерном привлечении мигрантов, максимальной легализации процесса и на комплексных мерах по социальной, экономической и культурной интеграции мигрантов в принимающее общество.

Приверженцы **безопасности** считают массовый приток и присутствие мигрантов угрозой для сохранения этнокультурной однородности и стабильности принимающего общества. Мигранты оцениваются в категориях чужаков, несущих с собой угрозу базовым ценностям и устоям, причиной неизбежных и разрушительных этнических конфликтов. Естественным следствием такого понимания является политика по максимальному ограничению притока новых мигрантов и по вытеснению уже имеющих.

Место единого принимающего общества, имеющего общий набор интересов, общие представления об угрозах, рисках и выигрывах от новой миграционной ситуации, говорящего одним языком, занимает разнородный конгломерат государственных структур, региональных сообществ и их элит, общественных сил и институций, чьи интересы в этой сфере могут в чем-то совпадать, а в чем-то и радикально расходиться. Механизм согласования этих интересов в лучшем случае только формируется. Принципиально не решен вопрос о типе этого механизма, ибо это упирается в нерешенность вопроса о выборе между либеральной, демократической и авторитарной (бюрократической) моделью общественного устройства. Авторитарный крен в развитии современного политического режима не сопровождается формированием эффективной бюрократической системы власти и управления – и «вертикаль власти» является скорее недостижимой целью, чем функционирующей реальностью. Все это предопределяет отсутствие логичной и осознанной миграционной политики федеральной власти, постоянные качели между запретительными и поощрительными мерами.

Е.П. Зимовина (Калининград, Россия)

РОССИЙСКАЯ ЧАСТЬ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИКИ: МИГРАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЭТНИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Объектом нашего исследования является Калининградская область – один из самых притягательных регионов России как для россиян, так и для мигрантов из постсоветских стран. Область имеет стабильный прирост в миграционном взаимодействии со всеми бывшими союзными республиками. Причем наибольшую миграционную активность демонстрируют жители Центральной Азии (выходцы из Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана). Заметными являются миграционные потоки из Украины и Армении.

Различают два вида миграций: трудовые миграции и миграции на постоянное место жительства. Большой поток трудовых мигрантов идет из Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана. Основная масса трудовых мигрантов являются этническими кыргызами, таджиками и узбеками, которые приезжают на заработки. Первоначально они не имеют намерения переезжать в Россию на постоянное место жительства, менять гражданство. Однако, работая на территории Калининградской области долгое время, многие трудовые мигранты привозят семьи, обосновываются и остаются здесь жить. Это способствует увеличению численности центральноазиатских народов на территории области.

Еще одним важным источником миграционного притока в Калининградскую область является активная миграция русского и так называемого русскоязычного населения из бывших союзных республик. Основными «поставщиками» такой категории мигрантов являются Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Украина. С 2007 г. среди мигрантов выделяется такая группа, как участники Государственной программы добровольного переселения в Российскую Федерацию. Калининградская область на протяжении 2007–2010 гг. занимала лидирующие позиции по количеству переселенцев в рамках Госпрограммы. Подавляющее большинство русских и русскоязычных мигрантов приезжают на постоянное место жительства и нацелены на проживание в Российской Федерации и получение российского гражданства. Следует отметить полиэтничный состав мигрантов (русские, украинцы, армяне, татары и т.д.).

Зачастую у мигрантов формируется двойная идентичность: с одной стороны, житель и в последующем гражданин России; с другой – представитель определенной этнической группы или территории выезда (например, «казахстанец»). Двойственная идентичность мигрантов становится основой образования и функционирования диаспор и землячеств.

Значительный приток мигрантов на территорию Калининградской области способствует не только росту численности населения региона и воздействует на рынок труда, но также оказывает влияние на трансформацию этнической структуры населения и процесс формирования диаспор.

Библиография

1. *Интервью Е.П. Зимовиной с руководителями национально-культурных объединений Калининградской области* (стенограммы).
2. *Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года*. Кн. 1. М., 2004. Т. 4.
3. *Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года*. М., 2012. Т. 4.
4. *Статистический сборник «Демографический ежегодник Калининградской области» за 1998–2012 гг.*
5. *Статистический сборник «Численность и миграция населения Калининградской области» за 2003–2013 гг.*
6. *О реализации в Калининградской области Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: статистический сборник*. Калининград: ТОФС, 2013.

В.В. Кашпур, И.В. Нам, И.Г. Поправко (Томск, Россия)

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ г. ТОМСКА К ТРУДОВЫМ МИГРАНТАМ*

В настоящее время процессы миграции являются важнейшим фактором изменений в экономической, социальной и культурной сферах. По мнению Э. Гидденса, миграция влияет на преобразование

---

* Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

пространственных социальных отношений. Социальные изменения на макро- и микроуровне, происходящие под влиянием миграционных процессов, можно определить как преобразования в социальной структуре принимающего сообщества, социально-демографическую трансформацию этого сообщества, перемены в социально-ролевых и социально-культурных структурах общества иммигрантов. Например, расширение «иммиграционной экспансии» во второй половине XX в. привело к тому, что появились сообщества с большим культурным и этническим разнообразием. Каждой из принимающих мигрантов стран пришлось выбирать свой собственный путь регулирования этого процесса. Россия, как и многие страны в мире, столкнулась в конце XX – начале XXI вв. с мощным миграционным потоком, обусловленным новой политической и социокультурной обстановкой – распад СССР, усиление процессов глобализации. Сибирь как один из «принимающих» мигрантов регионов, может выступать вполне репрезентативной исследовательской площадкой для рассмотрения проблемы взаимодействия сообществ мигрантов и местного населения. Томск, как и многие сибирские города, принимает ежегодно большое количество мигрантов – как трудовых, так и приезжающих для получения высшего образования (студенты). В Томской области 41 671 человек был поставлен на миграционный учет в 2010 г., что превышает на 19,4% прошлогодний показатель (по данным регионального УФМС).

Одним из важных аспектов данной проблемы выступает отношение местного населения к мигрантам. С целью изучения отношения населения г. Томска к трудовым мигрантам в мае 2014 г. авторами доклада было проведено социологическое исследование. Исследование проводилось методом формализованного интервью, выборкой случайной стратифицированной размером 900 респондентов ($p \leq 0,05$). В настоящее время можно сформулировать следующие выводы относительно характера отношения томичей к трудовым мигрантам:

1. Наблюдается преобладание нейтрально-безразличного отношения жителей Томска к трудовым мигрантам. Так, 49% опрошенных заявили о том, что им безразлично наличие трудовых мигрантов в их городе, и лишь 29% относятся к этому факту отрицательно. Кроме того, только 22% респондентов заявили, что испытывают неприязнь и раздражение по отношению к трудовым мигрантам.

2. По мнению большинства опрошенных (66%), городская экономика не может обойтись без использования труда мигрантов. В то же время респонденты оценивают имеющееся количество трудовых мигрантов как избыточное. В качестве основных причин значительного притока мигрантов указываются экономические. Во-первых, низкие заработные платы и отсутствие рабочих мест на родине мигрантов, что заставляет их ехать на заработки в Сибирь. Во-вторых, респонденты отмечают, что работодателям выгодно использовать мигрантов, так как их труд более дешев, а также их можно использовать нелегально, не платя налоги и снижая соответствующие издержки производства.

3. Однако по материалам исследования видно, что абсолютное большинство опрошенных респондентов (94%) не считают трудовых мигрантов своими конкурентами на рынке труда. Также большинство – 66% считают, что трудовые мигранты выполняют ту работу, которая не привлекательна для местных жителей.

Полученные данные отражают своего рода «среднюю температуру по больнице», поэтому необходим сравнительный анализ отношения к мигрантам среди различных социальных групп горожан, чтобы понять потенциал социальной адаптации мигрантов в различных городских социальных средах. Результаты этого анализа планируются к представлению непосредственно в ходе самой конференции.

А.И. Кириллова (Новосибирск, Россия)

СОГЛАСИЕ НА МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ БРАК КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ*

Широкая волна миграции в Россию требует исследования подходов по урегулированию социальной напряженности и предупреждению конфликтов на этой почве. Отличие мигрантов-мусульман по этноконфессиональному признаку вызывает неприятие у россиян. Так, по данным ФОМ [1], россияне дружелюбнее к мигрантам из

---

* Выполнено при поддержке РФНФ: гранты № 13-03-00351 «Принимающее общество и иноэтничные мигранты – стратегии и практики взаимодействия»; №14-03-18035 «Принимающее общество – отношение к иноэтничным мигрантам». Руководитель – Г.С. Солодова, организация-исполнитель ИФиП СО РАН. Опрошено 363 мигранта трудоспособного возраста.

славянских и христианских республик, нежели к приезжим из Средней Азии, Кавказа, КНР, Кореи. Поэтому высока важность изучения факторов интеграции именно этих мигрантских потоков.

Мы различаем формальную и органическую интеграцию. К формальной интеграции относится успешное вхождение и функционирование в социальной структуре базового общества. Такое вхождение возможно без перенятия культуры, с сохранением чувства своей отдельности, инаковости, изолированной группы, например через диаспору. Органическая интеграция содержит в себе определенную долю ассимилированности, так как связана с налаживанием положительной идентификации с базовым обществом, впитыванием культурных черт, традиций принимающего общества.

В качестве фактора интеграции мы рассматриваем согласие мигрантов-мусульман на межэтнический брак своих детей. Мигранты были разделены нами на три группы в зависимости от ответов, выражающих их отношение к таким бракам: хорошее (32% ответивших), плохое (23%) и среднее, нейтральное (46%).

Согласие на межэтнический брак коррелирует с более низким уровнем образования. Собственное брачное поведение респондентов, допускающее межнациональный брак (реально или гипотетически), положительно влияет на согласие на такой брак своих детей.

Мигранты, положительно относящиеся к браку своих детей с русскими, в значительной степени перенимают элементы российской культуры и соответствующую идентификацию. Они склонны считать себя русскими и «похожими» на русских, чувствуют общность с СССР и Россией. Они здесь укоренились, смотрят на проблему мигрантов «глазами россиян»: не считают, что мигранты «дешево и качественно ремонтируют квартиры», склонны к оценке, что мигранты «обостряют межнациональные отношения».

Согласные на брак своих детей с русскими имеют высокую степень формальной и органической интегрированности: они отмечают, что в России у них улучшились условия для учебы, культурного развития возможности занять более высокое социальное положение, сделать карьеру; разговаривают дома с родными на русском. Одновременно они не склонны к соблюдению этнических традиций.

Таким образом, межэтнические браки несут в себе определенный интеграционный потенциал. Однако основная масса инорелигиозного потока мигрантов, представляющего культуру, находящуюся в

фазе «пассионарной» активности, не склонны менять свою веру, а наоборот, активно ее пропагандируют, справедливо указывая на социальные и нравственные пороки нынешних христианских обществ, которые они связывают с влиянием христианства [2], а не с секуляризацией – его забвением (западный мир) или искоренением (как это было в России).

Идеациональная эпоха, в которую вступил мир (П. Сорокин), выводит на первый план не просто «столкновение культур» (Хантингтон), но их религиозное ядро, открытое столкновение религий. В этих условиях общечеловеческие ценности не создают достаточно прочной основы для социального сплочения национальных сообществ [3]. Широкие иноэтноконфессиональные потоки мигрантов вынуждают христианские общества определяться в духовном поле отечественной культуры, возрождать и укреплять собственную этноконфессиональную основу и традиционные ценности.

Библиография

1. *Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам*: Материал ФОМ от 25.05.2012 [Электронный ресурс] URL: <http://fom.ru/Mir/10442>.

2. *Четверикова О.* Ислам в современной Европе: стратегия «добровольного гетто» против политики интеграции // Россия XXI. 2005. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/files/144983/144983.pdf>.

3. *Семенов И.* Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/research/2009/07/14/semenenko.html>.

Н.В. Мкртчян (Москва, Россия)

МИГРАЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

После распада СССР и практически одновременного падения «железного занавеса» миграция стала одним из важных факторов динамики идентичности населения России. При этом за почти четверть века постсоветской истории этнический состав населения России под влиянием миграции изменился не сильно, несмотря на циркулирующие мифологемы в данном вопросе. Миграция в Россию до сих пор достаточно комплементарна в этнокультурном отношении, хотя ее лицо постепенно меняется.

В регионах и локальных социумах – чаще всего – в городах, постсоветская миграция ведет к более быстрому изменению этнической структуры населения, чем, например, в сельской глубинке. В отдельных регионах (равнинное Предкавказье, Поволжье) эта миграция накладывается на давно сложившуюся этническую чересполосицу. Есть регионы, в которых миграция, напротив, привела к упрощению этнического состава населения. Все эти процессы, естественно, влияют на идентичность.

Роль миграции в динамике идентичности достаточно противоречива, как представляется, она проявлялась в следующем:

- появлении «других русских» (татар, осетин и др.), прибывавших в 1990-е гг. в российскую глубинку в качестве вынужденных переселенцев и беженцев, в определенной мере отличающихся от местного населения;

- усложнении этнической структуры локальных социумов, прежде всего крупных городов, связанном с появлением новых, доселе невиданных мигрантских сообществ (которые быстро получили название «диаспор», но далеко не всегда ими являлись);

- актуализации и определенном пересмотре понятий «свой» и «чужой». Бывшие «чужие» перед лицом притока новых «чужих» становятся своими, но есть и обратные примеры;

- противоречивом влиянии на формирование гражданской и региональной идентичности. С одной стороны, перед лицом притока иноэтничных и инокультурных мигрантов этническая идентичность актуализируется, с другой стороны, гражданская идентичность выступает средством интеграции;

- внутри многих этнических общин явно прослеживается разделение на «старых» и «новых» (вновь прибывших), первые в определенной мере отмежевываются от вторых;

- возникновение надэтнических альянсов и сообществ, например, по признаку вероисповедания, выстраивание определенной межобщинной иерархии. Более высокое положение занимают более укорененные этнические общины, имеющие больше экономических и политических ресурсов;

- формировании региональных идентичностей как с позитивным, так и с негативным лицом (например, пресловутые «ЛКН», «Масквичи»), эта идентичность актуализируется прежде всего «на выезде», в состоянии миграции;

Поиск путей интеграции мигрантов в принимающий социум актуализирует проблему этнической и региональной самоидентификации коренного населения.

Идентичность как консолидирующий инструмент под влиянием миграции используется почти исключительно в негативном ключе. В виде объединения «своих» против «чужих» (мигрантов) в ситуации конфликта, подобного событиям на Манежной площади (2010 г.), в Бирюлево (2013 г.) и др.

Адаптация и интеграция мигрантов в современной России наталкивается на проблемы нечетко сформированной идентичности россиян, на отсутствие понимания, в какой социум интегрироваться, каким образцам следовать. Нет понимания, готово ли российское общество в лице региональных и множества локальных социумов включать в себя инокультурных мигрантов, и что для этого требуется от последних, за исключением формальных языковых компетенций и знаний в области культуры и права.

Л.В. Намруева, Д.М. Чурюмова (Элиста, Россия)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЛМЫЦКОЙ МОЛОДЕЖИ: ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Миграция, являясь сложным социальным процессом, затрагивает многие стороны жизни Республики Калмыкия. Особую актуальность приобретает исследование миграционных установок населения республики. Наиболее подвержена миграционным процессам молодежь в возрасте 18–35 лет, которая считается самой динамичной частью общества. Происходящие за последние десятилетия негативные социальные изменения в родном городе, поселке стимулируют в значительной мере молодых людей на миграцию в другие города, регионы или даже страны.

Миграционные процессы кардинальным образом повлияли на количественную и качественную структуру Республики Калмыкия. В последнее десятилетие активно происходит внутренняя миграция, т.е. наблюдается тенденция к уменьшению сельского населения, численность горожан значительно увеличилась и приближается к пятидесятипроцентному порогу. В настоящее время соотношение

городского и сельского населения в республике составляет соответственно 44 и 56 % [1].

Разделяем мнение исследователей, которые считают, что «миграционная убыль экономически активного населения затрудняет стабильное развитие территорий, препятствует повышению уровня жизни населения и говорит о недостаточно высокой привлекательности региона, что может повлечь за собой социальную напряженность, снижение эффективности его социального и экономического развития» [2]. Уезжает из региона наиболее перспективная часть населения – высококвалифицированные кадры, специалисты с достаточно высоким уровнем образования, т.е. набирает силу такое явление как «утечка мозгов».

К сожалению, в статистических данных о миграционном движении населения отсутствует информация о перемещении различных социально-демографических групп, в том числе молодежи, которая является наиболее мобильной социально-демографической группой среди всех остальных, которая, осуществляя свои жизненные планы, реализует миграционное поведение [3]. Тем не менее, анализируя статистические данные, можно с уверенностью сказать, что население в возрасте 20–29 лет остается самой мобильной возрастной группой. Если в 2005 г. в миграционной убыли 25–29-летние мигранты составляли 13,6%, то в 2010 и 2012 г. модальный интервал находился в возрастной группе 20–24 года (21,8 и 19,7% соответственно). Таким образом, возраст убывающих мигрантов помолодел [4].

Для анализа миграционных установок молодежи рассмотрим отдельные результаты социологического исследования, проведенного отделом социально-политических и экологических исследований КИГИ РАН. В анкетном опросе участвовали молодые люди, в большинстве своем до 30 лет. Всего было опрошено 652 человека. Из них женщин – 55,8%, мужчин – 44,2%.

Результаты опроса показывают, что треть опрошиваемых (33,6 %) желает выехать за пределы республики, в соседние регионы, а потом вернуться в республику. Пятая часть всей выборочной совокупности (22,5 %) хотела бы покинуть регион навсегда, т.е. не возвращаться в республику. Четверть выборки (24,2 %) задумывается о том, чтобы выехать за пределы страны на постоянное место жительства.

Главными причинами формирования миграционных установок молодежи являются отсутствие работы, стремление улучшить мате-

риальное положение, жилищно-бытовые условия, поиски перспектив служебного и карьерного роста, стремление лучше организовать и проводить свой досуг.

В выездной трудовой деятельности можно обнаружить как негативные, так и позитивные последствия. Остановимся на отрицательных: ухудшение здоровья мигрантов, отсутствие воспитательного воздействия на детей, оставшихся на попечении родственников, психоэмоциональные переживания, стрессы, связанные с разлукой с семьей, бытовой неустроенностью, настороженным, а порой недружелюбным отношением жителей мегаполиса к представителям иной этнической группы. Отдельно отметим такое отрицательное последствие трудовой миграции как отчуждение людей от родной земли, традиционной этносреды. В процессе адаптации мигрантов к условиям современного полиэтничного города происходит их постепенная ассимиляция, которая характеризуется утратой знания родного языка, этнокультурных особенностей, этнического менталитета, изменением этнической идентичности. Таким образом, миграционные процессы размывают этничность, способствуя исчезновению этнической культуры, ее уникальных элементов, языка, традиций, обычаев.

Библиография

1. Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2010: стат. сб. / Калмыкиятат. Элиста, 2010. 323 с.

2. Коришнова Е.В., Поносова Е.О. Перспективы трансформации миграционного потенциала молодежи региона и социально-экономических функций миграции в XXI веке // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. С. 8163–8167.

3. Намруева Л.В. Влияние миграции молодежи на сохранение этничности (на примере Калмыкии) // Вестник РУДН. Серия Социология. 2011. №2. С. 87–92.

4. Чурюмова Д.М. Основные тенденции в демографическом процессе населения Республики Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Серия Социология. 2013. № 2. С. 124–129.

Д.В. Полетаев (Москва, Россия)

АДАПТАЦИЯ ДОМАШНИХ РАБОТНИКОВ-МИГРАНТОВ В РОССИИ*

Домашний труд требует особого регулирования, признания его особой природы и контекста, в котором он осуществляется. В крупных городах России спрос на обслуживающий персонал в домашних хозяйствах активно растет. Это связано с ростом числа работающих женщин, изменением организации и интенсивности труда, не позволяющих гармонично совмещать работу и семейную жизнь, старением населения, ростом благосостояния домохозяйств, а также с феминизацией международной миграции. Работа в домашнем хозяйстве особенно распространена среди мигрантов.

По оценкам МОТ [1. С. 20–24], в мире насчитывается не менее 52,6 млн домашних работников (ДР), около 4/5 из них – женщины и девочки. ДР составляют от 4% (в развитых странах) до 12% (в развивающихся странах) от общей численности работников [2]. Численность ДР-мигрантов в России определить непросто. По российскому законодательству разрешительным документом для работы иностранного работника в домашнем хозяйстве является патент. В 2013 г. в РФ было выдано 1,3 млн патентов. Хотя патенты предназначены для работы у физических лиц, ими для легализации в большей мере воспользовались трудовые мигранты, незаконно работающие в организациях. Поэтому статистика патентов не отражает численности ДР [3].

Результаты исследования, проведенного ЦМИ в 2013 г., показывают, что ДР ведут достаточно закрытый образ жизни, что затрудняет и усложняет для них адаптацию и интеграцию. Менее трети из них (33%) общаются с местными так же, как и с такими же мигрантами, как они. Ограничение своего общения рамками семьи и соотечественниками (или другими мигрантами) характерно для более, чем половины опрошенных и психологически это бывает очень тяжелым.

ДР далеко не всегда находят радушный прием у местных жителей. Иногда они сами отгораживаются от горожан. Иногда горожане не впускают их в круг своего общения.

---

* Использованы материалы исследования ЦМИ «Домашние работники в России и Казахстане», поддержанного ООН-Женщины в 2013 г.

ДР больше ориентированы на длительное пребывание, которое завершится возвращением на родину. Хотели бы остаться на постоянное жительство в месте своего пребывания только 23, 43% хотя довольно долго жить в России, чтобы потом вернуться на родину. Свою миграцию и работу на частных лиц подавляющее большинство ДР считают успешной – о завершении своей работы думают единицы. Никто из них также не хочет менять страну для выезда на заработки. Такая позиция обосновывается относительно высокими заработками и надеждой дать в России или на родине образование своим детям.

На постоянное жительство в Москве настроены в основном выходцы из Украины (36%), Беларуси (10%), Молдовы (10%), Таджикистана (9%). Около трети из них – русские по национальности, а 28% – украинцы. Среди них больше городских жителей (около двух третей), меньше тех, кто имеет детей до 18 лет (около трети), и больше имеющих высшее или незаконченное высшее образование (около половины). Русский язык хорошо знают почти все и две трети почти не ездят в страну выезда. Около половины знали точно или примерно представляли, что будут работать как ДР. Больше всего среди них нянь и домработниц. Две трети из них хорошо интегрированы – предпочитают общаться преимущественно с местными жителями или одинаково общаются как с местными, так и с мигрантами.

Библиография

1. *Положение* домашних работников в мире: глобальная и региональная статистика и степень правовой защиты МБТ МОТ. Женева, 2013.
2. *Ахметова А.* Обзор правового положения домашних работников в Республике Казахстан ООН Женщины. Астана, 2012.
3. *Практика* использования патентов на осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами в Российской Федерации (Результаты исследования). МОМ, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://moscow.iom.int/russian/publications/Practica_patent.pdf.

И.Г. Поправко (Томск, Россия)

**ИСТИННАЯ «КАЗАХСКОСТЬ» КАК РЕСУРС
НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ РЕПАТРИАЦИИ***

В своем докладе я бы хотела остановиться на следующих моментах:

Первое: рассмотреть репатриацию как антропологическую проблему [См.: 1. Р. 713–741; 2; 3. Р. 236–37], которая на примере повседневных практик воспроизводства границ между различными группами населения в современном Казахстане (казахами, русскими, оралманами) ставит вопрос об аутентичности и собственно «казахскости» как ресурса для отделения «своих» от «чужих». «Граница» в настоящем докладе будет пониматься как «повседневная граница» (relational boundary) в контексте методологии Ф. Барта [4]. По сути, речь пойдет о сложности процессов социальной категоризации в казахском обществе.

Второе: обратить внимание на несоответствие между практиками идентификации различных групп на основании «казахскости» в повседневной реальности и государственным определением «казахскости», что проявляется в проводимой на этом основании миграционной политике.

Основываясь на материалах полевых исследований в Республике Казахстан (2013, 2014 гг.), можно выделить следующие пары категорий, воспроизводимых в повседневных коммуникациях: русские – казахи; русские – оралманы (казахи-репатрианты); казахи местные – оралманы; оралманы из Монголии – оралманы из Китая; оралманы, приехавшие в первую волну репатриации (1990-е гг.) – недавно переехавшие оралманы (2000-е); оралманы в городе – оралманы в деревне; оралманы Китая из района Алтай – оралманы Китая из района Тарбагатай. Эти «границы» воспроизводятся в повседневных практиках также благодаря государственной политике в отношении репатриантов. Однако власть, используя «казахскость» (во многом примордиалистски понимаемую) как ресурс для создания единой нации, не учитывает сложный характер «низовых» взаимодействий,

---

* Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

что влечет за собой как неприятие репатриантов со стороны принимающего общества [5], так и реальные конфликтные ситуации.

Библиография

1. *Ballinger Pamela*. Borders of the Nation, Borders of Citizenship: Italian Repatriation and the Redefinition of National Identity after World War II // *Comparative Studies in Society and History*. 2007. Vol.49. №3.
2. *Brettell C*. Repatriates or Immigrants? A Commentary,” // A. Smith, (ed.). *Europe’s Invisible Migrants*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2003.
3. *Berdahl D*. The Spirit of Capitalism and the Boundaries of Citizenship in Post-Wall Germany // *Comparative Studies in Society and History*. 2005. Vol. 47, № 2.
4. *Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий: сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пилыцкова*. М.: Новое издательство, 2006.
5. *Оралманы: реалии, проблемы, перспективы // Демоскоп-Weekly*. 2006. №245–246 (1 – 21 мая) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0245/analit07.php>.

Ю.С. Прокофьева (Минск, Беларусь)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В БЕЛАРУСИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В XX – начале XXI вв. процессы миграции, приобретая массовый характер, являются отражением важных перемен, происходящих в обществе, и служат показателем его благополучия или неблагополучия. Миграция как явление уже содержит в себе адаптационный компонент, являющийся ее неотъемлемой частью, так как в процессе миграции человек оказывается в совершенно новых, незнакомых условиях, на него начинает воздействовать огромное количество новых стимулов и факторов, которые заставляют человека активно взаимодействовать со средой, изменяя ее в соответствии со своими потребностями, и при этом меняться самому в процессе взаимодействия.

В общей структуре массовых передвижений, вызванных экономическими, социальными, международными противоречиями переходного периода, проблемы адаптации мигрантов относятся к ключевым вопросам стабилизации общества. Чем выше уровень адапта-

ции мигрантов к новым условиям жизни, тем значительнее экономическая и интеллектуальная отдача человеческих ресурсов для развития регионов и, наоборот, усиление конфликтогенного потенциала миграционных потоков на территориях въезда снижает уровень адаптации вынужденных мигрантов, деструктурирует региональный рынок труда и усиливает социальную напряженность. Миграция населения продолжает оставаться одним из приоритетных направлений развития Республики Беларусь, в том числе на период 2011–2015 гг.

В современном белорусском обществе особенности социально-экономического развития страны и ее регионов концентрируют миграционные процессы. Одним из важнейших показателей адаптации мигрантов в новую среду проживания является интеграция их в местное сообщество. Так, к примеру, считается что «вне оценки отношения к самим вынужденным мигрантам в нарисованном ими человеческом портрете местного населения абсолютно преобладают отрицательные характеристики». Как отмечают некоторые исследователи, для мигрантов успешная адаптация – «это адаптация по типу интеграции», неуспешная – «адаптация по типу психологической защиты или изоляции».

Развитие этнического предпринимательства среди выходцев из Средней Азии в Республике Беларусь является одной из форм социально-экономической адаптации мигрантов, которые, попав в иную среду, мобилизуют свои внутренние ресурсы и открывают собственное дело. Мигранты, оказываясь в иноэтничной среде и становясь меньшинством, используют «этничность» как один из ресурсов, что помогает им определиться с моделью экономического поведения и решить свои насущные бытовые проблемы, прежде всего дискриминацию, фобии и насилие со стороны принимающего большинства.

Таким образом, социальная адаптация мигрантов из Средней Азии в Беларуси, как заключительный этап миграционного процесса, требует углубленного научного осмысления не только как в контексте новых методологических теорий, но и на уровне выработки эффективных способов ее социальной регуляции. В тоже время недостаточно изученной остается роль процесса социальной адаптации мигрантов в социальных преобразованиях, влияние факторов социальной адаптации на экономическое развитие принимающего общества. Необходимость углубленного и комплексного познания сущности, раскрытия закономерностей и механизмов, диагностики и

прогнозирования процесса социальной адаптации мигрантов из Средней Азии обусловлена потребностью в формировании адекватной миграционной политики.

Т.П. Тетеревлева, О.Ч. Реут
(Архангельск, Петрозаводск, Россия)

**«ГРАЖДАНЕ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ ДЕРЖАВЫ»:
ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПОДДАНСТВО,
СУВЕРЕНИТЕТ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920–1930-х гг.**

В настоящее время исследования межвоенного русского зарубежья вышли на качественно новый уровень, что обусловлено отказом от искусственно привносимой идеологизации истории пореволюционной российской эмиграции, освобождением ее от узконаправленных политических и инструментальных оценок. Сформировались новые направления исследований, связанные с изучением социальной истории диаспоры (в частности, адаптационных процессов). Поскольку разработку данной проблематики ведут специалисты, относящиеся к различным отраслям гуманитарного знания, осуществляется интенсивный поиск концептуальных и методологических оснований, которые обеспечили бы целостное изучение русского зарубежья как социокультурной системы, позволили бы максимально выявить специфику истории и культуры диаспоры. Очевидно, что одним из таких оснований является меж- и кроссдисциплинарный междисциплинарный синтез, главной предпосылкой для которого стала многогранность самих феноменов эмиграции и диаспоры, включающих в себя политико-правовые, социальные, этнокультурные, историософские аспекты. Это обуславливает потребность в обновлении исследовательского инструментария историков за счет методов и подходов, применяемых в смежных социальных и гуманитарных науках.

Одной из ключевых сфер применения междисциплинарного подхода следует признать исторические исследования идентичности, самосознания и языка самоописания отдельных групп русского зарубежья. В частности, специфическая самоидентификация военных эмигрантов, развитость их организационных структур привели ряд

исследователей к выводу о возникновении в условиях русского зарубежья альтернативного внегосударственного государства, о квазигосударственном характере эмигрантского сообщества в целом, что предопределяло и основы эмигрантской гражданской идентичности. Однако стоит подчеркнуть, что степень системной организованности (а тем более упорядоченности на суверенитет-ориентированных принципах) диаспоры, безусловно, нуждается в углубленном изучении и разносторонней взвешенной оценке.

Это особенно важно, учитывая, что содержательное и ценностное наполнение таких важнейших концептов, как «легитимность власти»/«лояльность», «подданство»/«гражданство», «государство»/«суверенитет», определявших восприятие эмигрантами ключевых явлений сферы политического и, несомненно, оказавших существенное влияние как на язык самоописания диаспоры, так и на способы ее внутренней организации, остается неизученным. Между тем важными факторами формирования диаспорной идентичности были неоднозначные представления эмигрантов о понятии «подданства» и принципах его выбора (что можно увидеть, в частности, на примере широко бытовавшего в эмигрантской публицистике самоопределения «нансеновские подданные»); сложное соотношение категорий «лояльность» и «патриотизм» в условиях противостояния «Совдепия» → «Зарубежная Россия» – «Запад»; специфическое нормативное наполнение концепта «суверенитет» как важнейшего признака государственности применительно к русскому зарубежью.

Дискурсивный подход позволяет передать полифоничность диаспоры и тем самым способствовать преодолению традиционной сфокусированности исследователей политической и культурной истории эмиграции прежде всего на ее интеллектуальных лидерах, а также на «столицах» зарубежной России. Изучение дескриптивного, деятельностного и ценностного аспектов общественно-политического дискурса диаспоры предполагает привлечение широкого круга источников: документов эмигрантских общественных и политических организаций (акты, делопроизводственные материалы, переписка с такими международными организациями, как Лига Наций, Международное бюро труда и др.), материалов эмигрантской периодической печати (не только признанных центров зарубежья, но и небольших, периферийных эмигрантских сообществ), публицистики и переписки (прежде всего рядовых эмигрантов), значительная часть материалов которой впервые вводится в научный оборот.

Реализуемый таким образом исследовательский подход позволяет изучить специфику формирования эмигрантской идентичности на основе самоописания не только элит, но и иных социальных групп, не только центра, но и периферии диаспоры, с новых позиций изучить взаимосвязи «государственничества» и «культурного национализма» интеллектуальной элиты и мифологем массового сознания эмигрантов. Это позволяет по-иному поставить вопрос об основах общности пореволюционного русского зарубежья, традиций и специфики взаимоотношений его центров и периферий; расширит возможности для изучения диаспорной идентичности, социальных и властных, в том числе идеологических, практик.

В.Р. Филиппов (Москва, Россия)

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ АФРИКАНЦЕВ И ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АФРИКЕ

Стало банальностью утверждение, согласно которому страшным злом для Черного континента было политическое расчленение территорий без учета «этнической идентичности» населения. Игнорирование «этнокультурной» идентичности населения в ходе демаркации государственных рубежей африканских государств считается одним из наиболее конфликтогенных факторов. Однако лингвистическая, культурная, конфессиональная и проч. мозаичность населения государств, так же как и проживание представителей этих общностей на сопредельных территориях различных государств, не является имманентной характеристикой Черного континента. При этом калейдоскоп языковых, культурных, конфессиональных идентичностей провоцирует конфликты лишь в определенных ситуациях, в частности в ситуации обострения социальной конкуренции. Или в ситуации, при которой конфликт провоцируется некой «третьей силой», заинтересованной в дестабилизации ситуации в регионе.

Социокультурная сложность населения африканских стран не должна однозначно трактоваться как негативный или позитивный фактор развития. Факт проживания на территории соседнего государства культурно близкого населения (особенно важна языковая гомогенность населения территорий, разделенных государственными

ми границами) в значительной степени упрощает миграции населения, обусловленные различными «выталкивающими» факторами. Таким образом, влияние природно-климатических катаклизмов (засух, неурожаев, массового падежа скота и проч.), а также экономических и социально-политических потрясений (войн, путчей, родоплеменных конфликтов, религиозных войн и проч.) в известной степени нивелируется свободой передвижения беженцев и вынужденных переселенцев. Культурная однородность населения сопредельных территорий и прозрачность межгосударственных границ выступают в данном случае как «смягчающие» факторы.

Большинство африканских сообществ пока не смогло создать эффективную государственность. (Этот факт объясняется во многом деструктивным влиянием западных держав, стремящихся сохранить или завоевать монопольное право эксплуатировать природные богатства квазигосударств, бывших в недавнем прошлом их колониями.) В силу эмбрионального состояния государственной власти, неразвитости политических систем, слабости силовых структур, отсутствия отчетливой демаркации границ на местности и ряда других обстоятельств маятниковые экономические или иные (военно-криминальные, например) миграции, потоки беженцев и вынужденных переселенцев «размывают» население многих африканских стран, препятствуют становлению единых государств-наций и формированию национальных идентичностей. В ряде случаев трансграничные миграции на территориях, лишь условно разделенных эфемерными межгосударственными границами, способствуют формированию квазигосударственных сообществ и провоцируют сепаратизм.

Волна миграций из африканских стран привела к культурному шоку населения ряда европейских стран и прежде всего Франции. Культурная, экономическая, статусная дистанции между автохтонным и аллохтонным населением провоцируют фобии и уже сейчас приводит к социальным конфликтам, ошибочно интерпретируемым порой «межэтнические» или «межрасовые». В качестве яркого примера такого социального взрыва можно привести события 2005 г. в пригородах Парижа [1]. Подобные конфликты приводят к фрустрации аборигенного населения и росту популярности правых партий. Лучшее свидетельство тому – результаты муниципальных выборов, состоявшихся во Франции 30 марта с.г. На этих выборах убедительную победу одержал крайне правый «Национальный фронт», кото-

рый по итогам выборов вошел в тройку самых влиятельных политических партий Франции [2]. (Впрочем, нельзя сводить многофакторную детерминацию роста влияния правых идей во Франции лишь к нарастанию миграционной активности населения бывших французских колоний.)

Библиография

1. *Филиппова Е.И.* Влияние научного дискурса на процессы идентификации и самоидентификации населения (по поводу событий осени 2005 года во Франции и их освещения во французской и российской печати) // Этнический фактор в многонациональном приграничном регионе. Оренбург, 2007.

2. *Willsher K., Penketh A.* French Front National Eyes Real Power after Startling Gains in Local Elections. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/mar/30/front-national-marine-le-pen-french-local-elections>.

Е.В. Хахалкина (Томск, Россия)

РЕАКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ КРУГОВ НА ФИЛЬМ «УЛИЦА, ЖИВУЩАЯ НА ПОСОБИЯ» 2014 г. В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОБЛЕМ БРИТАНИИ*

В январе 2014 г. 4-й канал британского телевидения показал 5-серийный документальный фильм «Улица, живущая на пособия» («Benefits Street»), вызвавший бурную реакцию не только в Соединенном Королевстве, но и за его пределами. В фильме была показана жизнь семей с улицы Джеймс Тернер (James Turner Street), район Винсон Грин (Winson Green), Бирмингем, Англия. Авторы фильма ссылались в нем на данные, опубликованные ранее в газетах «Дэйли Мэйл» и «Гардиан», согласно которым 90% жителей этого района живут только на пособия. Общий лейтмотив фильма: жизнь на пособия ведет к отсутствию мотивации искать работу, преступлениям, зависимости от социальных выплат и искаженной модели жизни у детей, воспринимающих жизнь на пособия как норму.

Показанный фильм вызвал тысячи откликов, в том числе социальных сетях, в Твиттере, например, возмущенные зрители после

---

* Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

просмотра писали угрозы в адрес жителей улицы. Власти страны обвинили 4-й канал в спекулировании и создании шоу на тему бедности. Фильм также стал предметом обсуждения в палате общин. Часть парламентариев согласились, что озвученные в фильме проблемы вполне реальны и не первое десятилетие вызывают беспокойство правительства. Так, министр занятости и пенсий Дункан Смит выступил в парламенте с речью по случаю десятой годовщины возглавляемого им Центра социальной справедливости (Centre for Social Justice), в которой заявил, что многие районы страны в условиях длительной безработицы действительно были «геттоизированы», оставаясь в значительной степени скрытыми от остального общества.

Член совета при кабинете министров по социальной интеграции (social inclusion) Дж. Коттон предложил принять специальный документ, реализация которого будет способствовать «разрушению» мифов вокруг бедности [1]. В марте 2014 г. появилась «Декларация Бирмингема по социальной интеграции», став частью инициативы, поддержанной 15 другими городами страны [2].

Проблемам социальной интеграции неслучайно уделяется повышенное внимание со стороны властей. Это направление является одним из ключевых в вопросах интеграции мигрантов, повышения их уровня жизни и включенности в принимаемое сообщество Британии. Эффективному проведению этой политики препятствует не только продолжающийся экономический спад, но и распространение фобий и стереотипов о мигрантах. После показа фильма отдельными СМИ были предприняты попытки дать более объективную картину положения мигрантов в британском обществе. 18 февраля на сайте BBC появилась статья, частично опровергающая прозвучавшие в фильме оценки и цифры [3]. Журналист Том Ричардсон посетил улицу и пообщался с некоторыми ее жителями. Так, один из них, Джордж Драмонд, бывший водитель автобуса, проживающий на этой улице с 1962 г., сказал, что создатели фильма общались с ним, но больше их интересовали живущие на пособия. Он заявил, что в фильме не были показаны те, кто работает. «Все, что было показано в фильме, это сплошной негатив».

Обсуждение миграционной проблематики в Британии продолжает оставаться сопряженным с дискуссиями вокруг существующей модели государства благосостояния, о реформировании которой в 2010 г. было заявлено правительством Д. Кэмерона. По официальным данным, на сегодняшний день в Соединенном Королевстве

проживают представители разных этнических групп. По данным за 2013 г., на первом месте по численности среди иммигрантов в Британию были выходцы из Китая, на втором – Индии, на третьем – Польши, четвертом-пятом – США и Австралии [4]. Такой многоэтнический состав общества дает Британии все основания позиционировать себя как мультирасовое государство.

Внутри этого государства, однако, существует много противоречий и проблем. Премьер-министр Д. Кэмерон неоднократно заявлял о сокращении числа мигрантов. В 2013 г. он в очередной раз заявил о сокращении сальдо миграции (*net migration*) – разницы между количеством людей, въехавших на территорию страны, и теми, кто эмигрировал – до 100 тыс. чел. к следующим выборам 2015 г. [5]. Согласно доступным статистическим данным, с лета 2013 г. иммиграция в Соединенное Королевство сокращается. Однако сальдо миграции остается положительным, увеличившись со 153 до 182 тыс. чел. [6].

Несмотря на явную тенденциозность, показанный в начале года фильм привлек широкое внимание населения и политиков страны к проблемам общества благосостояния и его реформирования с учетом интересов уже проживающих на территории страны разных этнических диаспор.

Библиография

1. 60 % of Birmingham's poorest families on benefits are in work [Электронный ресурс]. URL: <http://www.birminghammail.co.uk/news/midlands-news/60-birminghams-poorest-families-benefits-6843387>.
2. *The new Birmingham Declaration on Social Inclusion* [Электронный ресурс]. URL: <http://birminghamnewsroom.com/wp-content/uploads/2014/03/Birmingham-Declaration-On-Social-Inclusion.pdf>.
3. *Benefits Street: James Turner Street residents reflect on the show* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-england-birmingham-26243087>.
4. *Net migration into UK increases* – Office for National Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-25135418>.
5. *Net migration to UK increases* – Office for National Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-23878689>.
6. *Net migration to UK increases* – Office for National Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-25135418>.

Секция 5. ГОРОД: ПРАКТИКИ, СВЯЗИ, ЭМОЦИИ

Часть 1. ГОРОДСКАЯ ЛОКАЛЬНОСТЬ В ТЕКСТАХ И ДИСКУРСАХ

И.А. Агеев (Томск, Россия)

ЛОКАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИИ КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ

Проблема соотношения сибирской региональной и общероссийской национальной идентичностей уже довольно давно стала предметом научных дискуссий. Население Сибири и Дальнего Востока далеко не всегда отождествляет себя с общенациональным социумом. Недостаток оснований для идентификации населения окраин со всем российским обществом только усугублял кризис идентичности сибиряков в советское и постсоветское время. Факторами, замедляющими формирование адекватной региональной идентичности в России, являются многоуровневость идентификации вследствие больших размеров страны, слабость коммуникационной инфраструктуры, низкий уровень межрегиональной экономической интеграции.

Другой проблемой регионального развития является цикличность процессов централизации-регионализации в историческом развитии. Изменения в распределении финансовых потоков и властных полномочий между центром и регионами позволяют государственной власти эффективно использовать ресурсы и достигать поставленных целей, соотносясь с внутривластной ситуацией и международной обстановкой, состоянием мировой и национальной экономики. При этом сами регионы находятся в непрерывной конкуренции между собой в борьбе за внимание потенциальных инвесторов и потребителей или за привилегии от центральной власти.

Одним из способов решения сразу обеих названных проблем можно считать политику повышения значимости региона путем присвоения территории некоторых узнаваемых атрибутов и последующего их информационного культивирования, которые не только составляли бы предмет гордости местного населения, но и демонст-

рировали бы достижения региона, повышая его узнаваемость, как в столичных центрах, так и в масштабах всей страны.

Актуальность проблемы региональной идентичности подтверждается многочисленными современными программами регионов по формированию собственного имиджа, легко воспринимаемого извне. Самым удачным примером реализации подобных программ можно по праву считать опыт Пермского края [1]. С помощью дизайнера Артемия Лебедева своими логотипами и брендовой основой обзавелись еще несколько российских регионов [2, 3]. По аналогии с коммерцией такие процессы называют формированием бренда региона или брендингом региона.

Брендинг товара или услуги заключается в формировании положительно воспринимаемого медийного образа коммерческого предложения с целью наращивания его продаж, успешной конкуренции. Брендинг региона очень похож на брендинг товара, с одним лишь отличием – целью регионального брендинга является не продажа в прямом смысле, а привлечение ресурсов развития (повышенное внимание властей, инвесторов, клиентов) в обмен на выгоды, извлекаемые из использования природного и человеческого потенциала, стратегического положения, культурных традиций и исторического наследия региона.

Исторический опыт развития сибирских городов иллюстрирует примеры аналогичного брендинга в различных социально-политических условиях, с применением отличных от современных имиджевых технологий. Представляется актуальным сравнение практик и способов брендинга городов в современной, советской и имперской России для выявления общего и особенного в этих мероприятиях.

В Российской империи событиями, которые реально воздействовали на бренд города, были визиты представителей царской семьи или произошедшие с ними казусы. Мероприятия, проводимые в память о произошедшем в городе событии, невольно повышали заметность города. Самым ярким из подобных событий можно назвать крушение царского поезда в районе станции Борки в 1888 г. Примером локального брендинга для Томска следует назвать визит наследника цесаревича Николая Александровича в 1891 г. Пробыв в городе всего два дня, будущий император оставил в память о себе множество достопримечательностей, не потерявших актуальности до сих пор.

В годы советской власти города уже соревновались в причастности к жизненному пути важных государственных деятелей. Ожесточенная соревновательность заставляла поступаться фактической точностью и подменять ее мифом ради скорейшего изготовления мемориальной доски.

В современном обществе наблюдается отход от использования персоналий и причастностей в брендинге, наоборот, основанием для бренда становится некоторая городская самобытность. Весь город превращается в образ. Его насыщенное прошлое, сформировавшиеся традиции и их воплощения в виде бронзовых городских скульптур вытесняют прежние мемориальные доски с информацией о деятельности революционеров. В условиях коммерческой деятельности к брендингу города присоединяются успешные товарные знаки, известные за пределами города.

В результате брендинга предоставляется возможность привлечь интерес к городу, а значит, повысить его узнаваемость. При этом сознание жителей города воспроизводит некоторые векторы моделей идентичности из центра в периферию или наоборот.

В дореволюционное время внешнюю «товарную» узнаваемость не удавалось применять в силу территориальной разобщенности, но уже тогда брендинг работало на центростремительную идентичность жителей. В советское время с помощью узнаваемости уже можно было лоббировать интересы своего города в высших органах власти. Идентичность жителей города при этом была опять же направлена на «центр».

В настоящем бренд города ориентирован на инвестора, коим может стать даже турист, купивший сувенир в киоске. Бренд города уже не героический миф, а яркая этикетка, сообщающая о пользе города для потребителя, а не для государства. Место политики и идеологии все чаще занимают городские легенды и локальная история. Современная перестройка бренда городов сопряжена и с изменением вектора идентичности. Теперь идентичность идет на разрыв с центром, но не из сепаратистских целей, а из желания показать многообразие и оригинальность регионов в сравнении со столицами.

Библиография

1. *Марат Гельман*. Дизайн в городе: арт-директор Студии Артемия Лебедева о судьбе Пермского проекта // Проект «Гослюди» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goslyudi.ru/blog/mgelman/143883>.
2. *Логотип* Ярославля // Студия Артемия Лебедева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artlebedev.ru/everything/yaroslavl/logo>.
3. *Фирменный стиль* Одессы // Студия Артемия Лебедева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artlebedev.ru/everything/odessa>.

А.В. Бочаров (Томск, Россия)

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕМАТИКИ ПЕРЕНОСА СТОЛИЦЫ РОССИИ В СИБИРЬ В ИНТЕРНЕТ-СМИ

В исследовании автор анализирует культурные-антропологические и социально-психологические аспекты аргументов и контраргументов сторонников и противников переноса столицы, а также динамику и структуру интереса к данной тематике в русскоязычных СМИ в начале XXI в. В качестве результата исследования предлагается оригинальная методика визуализации интертекстуальности общественно значимых дискуссий: «Аргументационный магнит». В данной методике визуальная аллегория полюсов магнита, а также притяжения и отталкивания используются для структурирования ментальных схем в противоположных высказываниях на одну тему в выборке текстов.

Разбирается бинарная модель широко распространенных аргументов и контраргументов в обсуждениях проектов переноса столицы в Сибирь. Каждой бинарной паре соответствуют аргументы за и «против» как старой, так и новой столицы.

Недостатки старой столицы: столичные монополии мешают полноценному развитию нации; стратегическая уязвимость (близость к ракетам НАТО); перенаселенность; экологическая ситуация (мало лесов, много заводов); оторванность, изоляционизм; коррупционность, сращивание власти и бизнеса; клановая замкнутость элит; оторванность от новых АТР; негативный образ москвича; отток квалифицированной молодежи из регионов; угроза потери Дальнего Востока; затраты на доставку ресурсов на Запад страны; отсутствие стимулов для промышленного строительства; устаревшая во-

енная инфраструктура; содержать Москву невыгодно; экономический паразитизм.

Соответствующие по порядку достоинства новой столицы: позитивный опыт других стран; стратегическая защищенность, удаленность от горячих точек; выравнивание численности; лучше экология; баланс региональных интересов; подрыв коррупционных связей; расширение и ускорение социальной мобильности; близость к новым АТР; позитивный образ сибиряка; омоложение населения; сохранение целостности России перед лицом китайской экспансии; много ресурсов; толчок инновациям и промышленности; повод для модернизации армии; выгоднее оставлять деньги в регионах; экономический донор.

Недостатки новой столицы: нет национальных святынь; мало культурного наследия; неразвитость транспорта; удаленность от Запада; суровый климат; угроза сепаратизма; не развитая система обороны, требующая затрат; близость к китайской угрозе; приезжие испортят экологию; никто не поедет (чиновники будут против); изменение Конституции; очень дорого перенести; новый взрыв коррупции; прежние геронтократы пошлют своих ставленников; Сибирь лучше освоит китайцы.

Соответствующие достоинства старой столицы: главные исторические и религиозные святыни; культурное наследие; аэропорты и дороги; экономическая близость к Западу; более мягкий климат; объединяющая идея; развитая система обороны; удаленность от китайской угрозы; меньше портится экология Сибири; все министерства собраны в одном месте; неизменность Конституции; не нужно дополнительных трат; те, кто наворовали, будут меньше воровать; не будет увеличиваться количество новых чиновников; наши люди все равно все испортят и не смогут освоить.

Для комплексного анализа факторов, влияющих на позицию в вопросе переноса столицы, обнаруживаются проявления в суждениях на эту тему различных типов психосоциальной идентичности в формировании и трансформациях национальной и региональной идентичностей. Позитивная, негативная, реальная и идеальная идентичности проявляются в понятиях справедливости и несправедливости в типичных суждениях о старой и новой столицах. Актуальная и виртуальная идентичности рассматриваются в контексте соотношения категорий «возможность», «невозможность», «неизбежность», «обратимость» в оценках перспектив переноса столицы. Вертикаль-

ная и горизонтальная идентичности рассматриваются как исторические и географические аналогии случаев переноса столицы.

Предлагается интерпретировать процесс выдвижения и опровержения аргументов в изучаемых общественно-политических декларациях и дискуссиях как техники деидентификации. Выясняется содержание сопряженности взглядов на осуществимость и необходимость переноса столицы с некоторыми идеологемами: регионализмом, сепаратизмом, имперскостью, патернализмом, популизмом, алармизмом.

Предполагается, что сакрализация пространственно-территориальных категорий стала своеобразной мистификацией, позволяющей избегать рациональных и ответственных способов решения социально-политических проблем.

Н.В. Гонина (Красноярск, Россия)

**«ПЛАНЕТА НОРИЛЬСК» И «МАТЕРИК»: ОСОБЕННОСТИ
ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ
ИНТЕРВЬЮ И ОПУБЛИКОВАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ)**

Каждый город уникален независимо от того, где он находится, велик он или мал, процветает или переживает кризис. Если попросить жителя любого города рассказать о месте своего проживания, услышим определенный набор позиций. В первую очередь речь пойдет о специфике географического положения, истории создания и развития города, его роли в экономике страны, а затем о местных достопримечательностях. По сути, эти аспекты и определяют параметры, в которых формируется идентичность человека как горожанина. Идентичность жителей Норильска определяется тем же форматом, однако в то же время она имеет значительные отличия.

На первый план следует выдвинуть понятие удаленности, оторванности от остальной территории, которое зафиксировано в термине «материк». Первое, что можно услышать в интервью – рассказ о том, как человек приехал «с материка» или противопоставление Норильск – «материк» в речи коренного норильчанина. Понятие «материковый» в их языке можно трактовать как базовый, основной (от «основа»), фундаментальный.

Осознание себя как некоей обособленной общности находит выражение во многих культурных проявлениях. Например, в названиях книг о Норильске [1], в текстах местных изданий [2] и др.

Когда мы говорим об обособленности, привычно напрашивается тезис об изолированности, цикличности, замедленном развитии – явлениях, исторически характерных для многих удаленных поселений и относящихся к понятию «провинция». Однако в случае Норильска ситуация практически противоположна. Норильчане гордо утверждают статус своего города как третьей столицы России – столицы Заполярья [3, 4].

Норильск в лице своей интеллектуальной элиты легко воспринимает и жадно перерабатывает новую информацию, демонстрируя открытость сознания. Ярким примером являются результаты деятельности Фонда Прохорова, в частности долгосрочного исследовательского проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты» [3, 4].

Еще один момент, отрицающий ситуацию замкнутости, – высокая мобильность норильчан. Сложилась она еще в советский период. Транспортные дотации и высокие зарплаты и сегодня позволяют норильчанам съездить в отпуск в любую точку страны и даже слетать в Санкт-Петербург на премьеру спектакля.

Мобильности способствует и «чемоданное настроение». Каждый норильчанин знает, что вернется «на материк». Остаются не многие. Однако это не маргинальность в ее традиционных чертах.

В литературе можно прочесть, что на фоне мобильности в наше время значение места снижается. С Норильском все наоборот. Норильчане любят свой город, гордятся им, вкладывают свой труд в его развитие, а когда уезжают – скучают и если могут, приезжают в гости.

С данным явлением связан и феномен землячества норильчан в Минусинске, Москве, Санкт-Петербурге, Сочи. За пределами Норильска люди становятся норильчанами больше, чем они были в городе. Здесь четко выражено локальное сознание без этнического компонента. Недаром московским землячеством было инициировано издание воспоминаний норильчан, которое сейчас насчитывает 12 томов [5].

Мобильность норильчан – явление диалектическое. Она позволяет физически и психологически преодолеть ту самую оторван-

ность и изолированность. Возможность будущего переезда «на материк» примиряет с тяжелыми условиями жизни и труда.

Библиография

1. *Планета культуры*. Норильск; Москва: ПолиМЕдиа, 2006.
2. *Неизвестный Норильск*: альманах Норильск: АПЕКС, 2005.
3. «*История места: учебник или роман?*»: сб. материалов. М.: Новое лит. обозрение, 2005.
4. *Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека*: сб. материалов. М.: Фонд культурных инициатив, 2006.
5. *О времени, о Норильске, о себе: воспоминания*: в 12 т. М.: ПолиМЕдиа, 2001–2012 гг.

С.И. Ковальская (Астана, Казахстан)

ВИЗУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО АСТАНЫ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Во второй половине XX в. произошел так называемый визуальный поворот в области гуманитарного знания. Со временем сформировалась уникальная интеллектуальная традиция, которую можно обозначить как Visual Studies. Как правило, данное исследовательское направление больше присуще антропологам, социологам, культурологам, в определенном смысле этнологам, историки же пока не так часто обращаются к данной теме. При этом необходимо подчеркнуть, что с появлением новых комплексов исторических источников, таких как фотография, кинохроника, графика, были выработаны новые методы исследования.

На примере изменений визуальных репрезентаций Астаны в исторической ретроспективе (Акмолинск – Целиноград – Акмола – Астана) нам бы хотелось проследить каким образом происходил процесс формирования городской идентичности населения в досоветский и советский период и на чем строится новая идентичность гражданина независимого Казахстана. Что осталось и осталось ли из советского прошлого в современной городской повседневности, насколько сохранился имперский период в городской повседневности нашего города? Возможно ли проявление различных репрезентаций имперскости в новом формате?

Методика исследования основана на комплексном изучении текстового и иллюстративного материала. Будут также использованы визуальные методы изучения архитектурной среды, сравнительный анализ внутренней структуры и конструктивных особенностей объектов визуального информационно-коммуникативного поля на основе фотоизображений.

Безусловно, изменение статуса города от уездного до столичного существенно трансформировало представления как о самом городе, так и его репрезентаций. Среди исследовательских вопросов будут, в частности, следующие: что обозначает название города и в связи с чем оно неоднократно изменялось; символика герба города и причины его изменений; с какого года начинается история заселения территории, на которой находится наш современный город, и т.п.

Привлекая к анализу визуальные репрезентации города, необходимо отметить, что историко-культурное пространство формирует наше социальное сознание. Очевидное стремление освободиться от всего колониального и советского в итоге привело, на наш взгляд, к утрате репрезентативных возможностей «старой» Астаны.

Гипотеза исследования заключается в том, что информационная функция изображений, знаков и текста в структуре визуальных репрезентаций города отражает политические, идеологические, социальные и иные задачи развития общества, активно участвует в процессах формирования идентичности.

Н.Н. Колодиев (С.-Петербург, Россия)

ГРАНИЦЫ СРЕДНЕГО КЛАССА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОССИЙСКИХ СМИ

В научной литературе не утихают споры о границах, однородности и даже существовании среднего класса. Между тем номинация «средний класс» активно используется журналистами и уже стала частью российского медиадискурса, что порождает вопрос о возможном влиянии СМИ на процесс формирования идентичности среднего класса.

Для того чтобы оценить это влияние, необходимо, в свою очередь, уяснить особенности трактовки интересующего нас понятия российскими СМИ. С этой целью в апреле – мае 2014 г. был прове-

ден контент-анализ газетных материалов, в которых упоминался российский средний класс. В выборку попали тексты двух федеральных периодических изданий – «Коммерсанта» (N=100) и «Независимой газеты» (N=100), опубликованные с 2006 по 2012 г.

Оба издания в исследуемый период более или менее регулярно затрагивали в своих публикациях различные аспекты существования среднего класса (количество подобных текстов колебалось в «Коммерсанте» в пределах от 6 до 25, в «Независимой газете» – от 7 до 25).

Помимо журналистов, свои представления о среднем классе наиболее часто высказывали в прессе представители экспертного сообщества, политики и государственные служащие.

Большинство авторов признают факт существования в России среднего класса (91% высказываний), но одновременно многие из них уклоняются от обозначения критериев отнесения к среднему классу (67%).

Примерно треть авторов все же попытались очертить границы среднего класса. Для этого в качестве оснований, необходимых для включения людей в категорию «средний класс», предлагались один и более критериев. Чаще всего – материальный уровень (23% суждений), при этом разные авторы по-разному трактуют уровень материального благосостояния, необходимый для вхождения в средний класс. В частности, в одном случае предлагалось к среднему классу причислять тех, «кто может решить свои жилищные проблемы самостоятельно». В другом – людей, «получающих зарплату в размере 1 тыс. долл. в месяц, имеющих автомобиль, жилье и банковские сбережения». В третьем – тех, кто имеет не только доход «от 120–150 тыс. рублей в месяц, но и наличие собственности – недвижимости, отсутствие долговых обязательств».

Среди прочих критериев упоминались: род деятельности (причем в одном случае говорилось, что средний класс составляют бизнесмены, в другом – бюрократия, в третьем – некие люди, согласившиеся «за деньги на некий отчужденный офисный труд»), уровень образования (речь шла о необходимости иметь высшее или «хорошее» образование), а также самоидентификация.

Таким образом, в отечественных СМИ «средний класс» представлен прежде всего как понятие, не имеющее четких границ и ясного содержания. Соответственно, в СМИ отсутствует целостный образ «человека среднего класса», с которым при желании могли бы себя соотносить представители российского общества.

Вопреки сложившемуся в литературе убеждению о разнородности среднего класса и разобщенности интересов его представителей, СМИ склонны рассматривать средний класс как политическую силу (реальную или потенциальную). На основании чего можно говорить о попытке мифологизации среднего класса с целью последующего использования этого мифа в качестве инструмента осуществления всевозможных политических спекуляций и средства давления на политических оппонентов.

М.Л. Лурье (С.-Петербург, Россия)

ИГРА МАСШТАБАМИ: К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ СПЕЦИФИЧНОСТИ В ГОРОДСКИХ ТЕКСТАХ

Исследователи не раз замечали, что среди текстов о «своем месте» (особенно когда это место – село или провинциальный город) весьма типичны рассказы и суждения о знаменитых уроженцах, жителях или визитерах. Прагматика этих текстов, как принято считать, состоит в символическом повышении статуса своего места – по принципу «примазаться к чужой славе». Подобную семиотическую операцию можно увидеть и в паремиях типа «N-городок – Москвы уголок» или «N – маленький Париж», хотя внутренняя логика здесь другая: не метонимическая связь, а метафорическое уподобление. Этот ряд можно дополнить и нарративами, вписывающими происходившие в селе, городе или районе события в контекст большой истории (здесь были бои во время большой войны, лагеря во время больших репрессий и т.д.) с сопутствующими им клише типа «Мой край – истории страница».

Все подобные местные нарративы, формулы и риторические конструкции имеют нечто общее: в них локальные реалии соотносятся с экстралокальным масштабом – региональным, национальным или мировым. При таком видении в рамки данного явления, помимо обозначенных и родственных им схем соотношения местного и общего («маленькое сопричастно большому», «маленькое как подобие большого», «маленькое как часть большого» и под.), следует отнести и ряд других, построенных на иных логических конструкциях: ср., например, формулы типа «В истории села, как в капле, отразилась

вся история страны» или суждения о городе как «концентрации» или особенно полном / чистом воплощении той или иной этнической, конфессиональной, профессиональной, ландшафтной и т.п. специфики.

В докладе будет предпринята попытка каталогизировать модели соотнесения местного и общего, реализующие определенные прагматические установки в конструировании представления о специфичности/уникальности «своего места», и представить «игру масштабами» как принцип, чрезвычайно значимый для локального измерения культуры.

И.А. Скалабан (Новосибирск, Россия)

«ЧУВСТВО МЕСТА» КАК ФАКТОР УЧАСТИЯ

Одна из главных характерных черт современного мира социальных отношений – широкий доступ к непрерывному обмену информацией о местоположении друг друга. Представление о месте содействует установлению связей и пониманию друг друга через знание места. Происходит интенсивное «опространствление» мира [1, 2], превращение его во все более глокальный. Проявлением этого, наряду с глобализацией пространства, становится актуализация «чувства места» как социально-территориального аспекта чувства принадлежности к локальному сообществу и культуре.

Чувство места формируется через индивидуальные и групповые эмоциональные и рациональные переживания, под влиянием складывающихся визуальных образов локальной территории, осознания пространства как своего. Оно способствует или препятствует готовности индивидов к восприятию и принятию «сообществ места» и, как следствие, в них участия. Формирующиеся групповые образы как зоны согласия составляют основу коллективной территориальной идентичности, носителями которых являются индивиды, дают индивидам возможность действовать «в желаемых пределах окружения» [3]. Но характер сформированной идентичности, «чувства места» также зависит от пережитых социальных практик, социальной активности, степени вовлеченности и участия индивидов в частном и публичном пространстве сообществ, воспринимаемом как свое.

Будучи пространственным выражением идентичности, чувство места всегда ограничено определенными социальными и территориальными параметрами и характеристиками. Оно ограничено пространством сообществ, пространством территории, каждое из которых имеет свое символическое выражение и очевидные границы. Эти границы динамичны. На них влияют образы прошлого и будущего, присутствующие в сообществе, в его отдельных группах. Но и прошлое, и будущее актуализируется и изменяется под влиянием настоящего: существующей мифологии места, сформированности и выраженности социально-территориальных интересов отдельных социальных групп, доверия и характера складывающихся отношений в сообществе, наличия и принятия основными группами в сообществе внятных ориентиров в развитии, доступа к реальным механизмам участия в изменениях. Внешние и внутренние вызовы, принятие масштабных для локального сообщества социально-управленческих решений могут привести к изменению, фрагментации или дефрагментации существующих образов территории, сообщества, как следствие, изменению чувства места, изменению пространства и границ активности и участия.

Характер социально-территориальной идентичности и его связь с процессами общественного участия исследовались в 2012 г. в двух поселениях Новосибирской области. Сбор эмпирического материала был основан на методологии качественных исследований и включал в себя 34 индивидуальных полуструктурированных интервью с активными жителями и представителями местных органов исполнительной власти поселков городского типа Сузун и Ордынское, 6 фокус-групп, проводимых с использованием методики совместного социального картирования.

Исследования показали наличие существенных межпоколенных отличий в сформированности образов территории, характере социально-территориальной идентичности и социально-территориальных интересов. Выявлен компенсаторный характер формирования «чувства места»: между ценностью природного и антропогенного факторов; между эмоциональным и рациональным компонентами идентичности; между прошлым и будущим в современном образе поселения; между частным и публичным пространством активности.

Представление о пространстве и границах «места жизни» у местных жителей динамично и не совпадает с административными границами поселения. Это влияет на представления о своей и не сво-

ей территории, готовности к участию в ее тех или иных фрагментах, распределении в пространстве активных социальных практик.

Сегодня в поселениях антропогенный образ территории задается не столько хозяйственными, сколько культурно-бытовыми объектами, ориентированными, в большей степени, на детей и детство. Это отражает и одновременно формирует определенные поведенческие установки жителей, связанные с тем, что человек в поселении, ориентирован преимущественно на семью, детей, в то же время, не связывает их будущее с данной территорией.

Библиография

1. *Нанси Ж.-Л.* Corpus. М.: AD Marginem, 1999.
2. *Замятин Д.Н.* Географические образы мирового развития // *Общественные науки и современность.* 2001. № 1. С. 125–137.
3. *Линч К.* Образ города. М.: Стройиздат, 1982.

Е.Г. Трубина (Екатеринбург, Россия)

ГОРОД МЕЖДУ ГЕОГРАФИЕЙ И АНТРОПОЛОГИЕЙ: МАСШТАБЫ, МЕСТА И ПРАКТИКИ

Рынок труда и известные всем сложности существования академической среды способствуют представлению отношений между дисциплинами в терминах территорий и границ. В то же время, исследуя город, невозможно сказать, где кончаются пространственные измерения его существования (изучаемые географией) и начинаются культурные различия (изучаемые антропологией). Культурная география соединяет эти измерения, но в России она институционально не закреплена. Эти сложности убеждают в необходимости понимания отношений между дисциплинами как горизонтальных сетей, пусть состоящих из достаточно автономных образований, отношения между которыми неравноценны и по-разному видятся их представителям, но способных к образованию новых соединений и пересечений для постижения стремительно усложняющейся городской реальности. Я попытаюсь показать, почему это важно, обратившись к отношениям между масштабами, местами и практиками в современной городской жизни.

Часть 2. РАЗНООБРАЗИЕ ГОРОДСКОГО ОПЫТА

Cordula Gdaniec (Берлин, Германия)

IMAGINING THE EAST: LABOUR MIGRATION TO TOMSK FROM A HISTORICAL PERSPECTIVE

The aim of this paper is to discuss the perceptions of different groups of migrants by the host society and migrants' perceptions of their new city. Focus of this study is the historical topic of foreign specialists in Tomsk in the 1930s, who were recruited in Europe and the USA to help develop the Soviet heavy industry during the first Five-year-plans. Mainly driven by mass unemployment or flight from Nazi Germany for political reasons, these specialists were privileged professionals in the Soviet Union. They were given good accommodation, put ads in the local paper for domestic help wanted and had access to special shops at a time when food was rationed and Siberian life was tough. From today's perspective, it is unimaginable that labour migration took place from West to East, when Siberia in the West has been associated with little more than snow and, since the 1950s, with the GULags, i.e. entirely negatively and lacking any curiosity.

The period of the first two Five-year-plans is epic in Soviet history. By including the role of the many foreign specialists and skilled workers and the import of western machinery and equipment, this period can also be regarded as a period of economic globalisation. The actual historic details are difficult to trace – access to archives is limited and so is the material, but historic film footage and contemporary photographs, as well as literature reveal a lot. By looking at Tomsk as a centre attracting immigration today and juxtaposing this to the situation in the 1930s, I would like to sketch aspects of the city as it is perceived by migrants and visitors and, more importantly, as it manifests itself through the social production of spaces by the migrants, then and now. This is a work in progress relying heavily on methods of visual anthropology, and the main outcome will be a documentary film.

Sarah Busse Spencer (Москва, Россия)

**FROM SOCIAL CONTROL TO SOCIAL STABILITY:
THE PERSISTENCE OF THE KOLLEKTIV IN RUSSIA**

Theory – Sociological theory has long stressed the importance of the “primary group” for establishing social solidarity [1]. Durkheim argued for the importance of the “collective conscience” and organic solidarity [2]. Today, scholars emphasize the importance of the small group as a “locus of both social control and social change, where networks are formed, culture, is created, and status order is made concrete” [3. P. 312]. Small groups provide a setting for primary group ties and “*gemeinschaft*” relations [4]. The Soviet Union developed a specific kind of small group, the *kollektiv*, based on the workplace, designed as a mechanism of social control, a common group bound by common activity and a common goal [5].

Research question – What role does the *kollektiv* play in contemporary Russian society?

Method – Data are drawn from qualitative research (semi-structured interviews and participant observation) in a work collective in Novosibirsk, Russia, in 2000, 2002, 2006, and 2010–2011.

Findings – The present-day *kollektiv*, despite political and economic changes, continues to be characterized by distinct group boundaries, trust but mutual surveillance, a sense of mutual obligation among its members, and group identity. The collective today is reinforced through sharing work responsibilities, spending social time together and doing favors. Most respondents describe the *kollektiv* in positive terms of feelings of “we-ness”; however, not all respondents enjoy being “tied” so closely with others. The *kollektiv* illustrates what might be called “achieved *Gemeinschaft*,” that is, representing the primary *Gemeinschaft* ties in a group sharing, work, which is normally associated with achieved characteristics [4].

In the post-Soviet setting, some forces serve to reinforce the *kollektiv*, while others undermine it. First, the *kollektiv* is maintained by “embodied habitus” [6], or preexisting practices, since the *kollektiv* forms part of a taken-for-granted social world. Marketization provides incentives to reinforce the *kollektiv*, since as people become busier in a range of survival strategies [7] they continue to need favors from each other and mutual aid. However, the *kollektiv* is also undermined by marketization, for example, the fact that people must work several jobs to earn enough money

which means that they have less time for the socializing which reinforces the *kollektiv* identity.

The *kollektiv* in Russia is a highly robust, resilient form of social organization, requiring little external control because of internal mutual surveillance. Because the collective relies on spending time and favors, it is inherently self-perpetuating; so long as people continue to contribute to the *kollektiv*, it will persist in the face of changing economic and political circumstances. The persistence of the *kollektiv* explains part of the social stability which has been preserved during the past twenty years of economic and political change.

Bibliography

1. Cooley Charles H. Social Consciousness // American Journal of Sociology. 1907. Vol. 12. P. 675–694.
2. Durkheim Emile. The Division of Labor in Society. N;Y: Free Press, 1933.
3. Harrington Brooke, Gary Alan Fine. Opening the Black Box: Small Groups and Twenty-first Century Sociology // Social Psychology Quarterly. 2000. Vol. 63. P. 312–323.
4. Toennies Ferdinand. Community and Society. East Lansing. MI: Michigan State University Press, 1957.
5. Kharkhordin Oleg. The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices. Berkeley. CA: University of California Press, 1999.
6. Bourdieu Pierre. Practical Reason: On the Theory of Action. Cambridge: Polity Press, 1998.
7. Busse Sarah. Social Capital and the Informal Economy in Novosibirsk, Russia // Sociological Imagination. 2001. Vol. 38. P. 166–189.

С.А. Богомаз (Томск, Россия)

ЛИЧНОСТНО-ОБУСЛОВЛЕННАЯ ОЦЕНКА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ СИБИРИ

В настоящее время актуальной становится проблема восприятия вузовской молодежи социокультурной среды российских развивающихся городов как среды, предоставляющей потенциальные возможности для личностно-профессионального становления. Для изучения особенностей восприятия городских условий разработана методика «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (СОРБЦ) [1], с помощью которой проведено исследование с участием 1500 представителей вузовской молодежи 8 сибирских го-

родов. Показано, что субъективная оценка реализуемости ценностей коррелирует с субъективной оценкой качества жизни [2]. Групповые профили реализуемости ценностей имеют для каждого города инвариантный и вариативный компоненты [3]. Максимально во всех городах реализуемость оценивается для двух ценностей – «иметь благополучную семью» и «любить и быть любимым». Минимально реализуемыми оцениваются ценности «быть материально обеспеченным» и «стать известным и знаменитым». Установлено, что субъективная оценка реализуемости ценностей не зависит от времени проживания в городе, но различается у юношей и девушек [1]. Обнаружены различия в оценке реализуемости базисных ценностей между гуманитарно-ориентированной и негуманитарно-ориентированной вузовской молодежью [4], а также между магистрантами и аспирантами, обучающимися в вузах с ориентацией на классическое и инженерное образование [5]. Все это конкретизирует, с нашей точки зрения, представления о субъективности восприятия средовых условий.

Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей связана с личностными особенностями молодых людей. Выявлены корреляции, свидетельствующие в пользу того, что юноши и девушки с высокими показателями целеустремленности и самодетерминации, высоко оценивая степень реализуемости базисных ценностей в условиях городской среды, склонны «видеть» больше возможностей в этой среде для своего личностно-профессионального развития [2, 3, 6].

Библиография

1. Богомаз С.А., Мацута В.В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 67–75.

2. Богомаз С.А., Литвина С.А., Четошникова Е.В. Субъективная оценка городской среды вузовской молодежью Томска и Барнаула // Сибирский психологический журнал. 2013. № 49. С. 102–112.

3. Мартынова М.А., Литвина С.А., Богомаз С.А. Взаимосвязь личностного потенциала вузовской молодежи с субъективной оценкой реализуемости базисных ценностей // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2013. № 3 (23).

4. Каракулова О.В., Богомаз С.А. Оценка реализуемости базисных ценностей в условиях города Томска с точки зрения гуманитарно-ориентированной и негуманитарно-ориентированной вузовской молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 117–120.

5. Атаманова И.В., Стариченко О.Н., Богомаз С.А. Психологические особенности магистрантов и аспирантов, обучающихся в вузах с ориентацией на классическое и инженерное образование // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 128–135.

6. Bogomaz S.A., Litvina S.A. Subjectivity of Evaluation of Basic Values Realizability in the Urban Environment // Материалы VI Международной конференции по когнитивной науке. Калининград, 2014 [в печати].

К.В. Григоричев (Иркутск, Россия)

МЕЖДУ ГОРОДОМ И СЕЛОМ: ПРИГОРОД КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ

Исследования пригородов крупных российских городов и прежде всего в удаленных от столичных центров регионах связаны с комплексом методологических и инструментальных проблем. Едва ли не важнейшей из них является проблема концептуализации пригорода как объекта социокультурного антропологического изучения. Действительно, определение природы пригородного пространства и сообществ во многом обуславливает и подходы к проблематизации жизни локальных сообществ, и методологию, и методы подобных исследований.

Отсутствие специальной теории пригорода, или, точнее, исключительное погружение его в контекст тех или иных теорий города [1. Р. 478], задает устойчивый «городской» контекст пригородных исследований. Вместе с тем исследования пригородов показывают нарастающее расхождение города и субурбии, превращение их в два различных мира [2. Р. 58–59] Пригород, таким образом, все более отчетливо предстает самостоятельным пространством, в равной мере связанным и с городским, и с сельским миром, но не тождественным ни одному из них [3] Более того, пригороды в силу различной специфики их формирования (прежде всего, в рамках урбанизационной или субурбанизационной миграции) ставят проблему дифференциации этого пространства и сообществ.

Подобная концептуальная неопределенность пригородного пространства и сообществ порождает ряд проблем в концептуализации исследования и подборе инструментария. Особую сложность, на мой взгляд, представляют собой субурбии, формирующиеся за счет притока мигрантов из города. В центре исследований подобных социу-

мов оказываются в первую очередь горожане, перебирающиеся на постоянное жительство за административную черту городов и активно осваивающие прежде сельское пространство. Представители атомизированного городского общества и в пригороде сохраняют значительно большую дистанцию, нежели принята в традиционном сельском мире. Сохраняя устойчивые связи за пределами локального (пригородного) сообщества, переселенцы из города значительно меньше зависят от группы и внутригрупповых норм, чем, например, мигранты из села в город. И с этой точки зрения пригород как поле антрополога оказывается ближе к урбанистической антропологии, с вытекающими отсюда подходами и методами полевой работы.

В то же время механизмы миграции из города в пригород в значительной мере опираются на социальные сети, актуализируя внутрисетевые связи и отношения. Освоение пространства (как физическое, так и символическое) стимулирует быстрое развитие локального сообщества, в котором и интенсивность социальных интеракций, и степень групповой лояльности заметно выше, чем в типичном городском сообществе. С этой точки зрения пригород предстает вполне традиционным полем антрополога, как местность, противоположная всему городскому [4. С. 9].

Продуктивно разрешить складывающуюся дилемму, на мой взгляд, позволяет понимание пригорода как локальности социальной, чьи территориальные границы подвижны и лежат поверх административной черты между городом и селом. Это позволяет совместить два подхода к определению пригорода как исследовательского поля, что становится одним из перспективных векторов развития антропологии [4]. С одной стороны, пригород – географическая локальность, имеющая более или менее выраженную специфику, с другой – локальность социальная, ареал которой лежит поверх территориальных границ. Здесь «свой» (человек, большую часть своего времени проводящий в городе и в этом смысле – типичный горожанин) становится «другим» (жителем пригорода), чья «инаковость» может быть «поймана» лишь при совмещении в фокусе исследования обеих локальностей.

Библиография

1. *Baldassare M.* Suburban communities // Annual review of sociology. 1992. Vol. 18. P. 475–494.

2. *Sharpe W., Wallock L.* Contextualizing Suburbia // *American Quarterly*. 1994. Vol. 46. №1. P. 55–61.

3. *Григоричев К.В.* В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013. 248 с.

4. *Гунта А., Фергюсон Дж.* Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии // *Этнографическое обозрение*. 2013. №6. С. 3–44.

В.М. Кириллов, О.П. Олохова (Нижний Тагил, Россия)

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА НА УРАЛЕ 1930-х гг.

В начале 1990-х гг. на первый план в отечественной историографии выдвинулись работы, написанные в рамках «новой социальной истории». В отличие от традиционных подходов, характерных для советской историографии, предполагавших изучение крупных классовых структур в соответствии с абстрактными конструктами, ученые приступили к исследованиям реальных общностей и референтных групп. Индивид включается в большое число общностей (этнос, государство, конфессия, городская или сельская община, класс и др.). Все они в совокупности формируют систему ценностей, идеалов и этических норм человека [1]. Если ранее историки в конкретных исследованиях исходили от макроконцепта, заданного теорией, то сегодня пришел новый этап в изучении крупных социально-экономических групп как совокупности живых общностей. Проблема идентичности как научный предмет чрезвычайно сложна, она предполагает изучение *идентификации и самоидентификации* человека в его общности, в его референтной группе, понимание им своего места в ней, социальной роли. Эти факторы определяют психические стереотипы поведения индивида, его взаимоотношения с другими общностями, с властью.

Определенную трудность составляет подбор источников для таких исследований. Наиболее репрезентативной группой являются источники личного происхождения, в которых мы можем найти рефлексию индивида на новые социальные поведенческие установки и ценностные ориентиры. В нашем случае это дневники и воспоминания отечественных и иностранных специалистов, спецпереселенцев, работавших на Урале. Уникальным и содержательным источни-

ком являются материалы судебно-следственных дел репрессированных по политическим мотивам [2]. В целом проблема источников для изучения вопроса социальной идентичности и самоидентификации жителя соцгорода в 30-е гг. остается острой.

Исходя из наличной источниковой базы, стало возможным исследование социальной идентичности населения социалистических городов на Урале: Магнитогорска, Свердловска, Нижнего Тагила. Объектом нашего внимания стали следующие социальные группы: крестьяне – спецпереселенцы, рабочие, заключенные, отечественные и иностранные специалисты, творческая интеллигенция и др. За счет этих групп людей формировалось в 20–30-е гг. население соцгородов.

Для изучаемой эпохи характерна маргинализация общества, большая динамика общественных процессов. С одной стороны, отличительным признаком групповой идентичности является традиция общих для членов группы воспоминаний о прошлом. С другой стороны, для революционных эпох характерна высокая социальная мобильность: революция формирует новые идеалы, новые психотипы поведения, новые общности. К одной из таких новых общностей, рожденных социалистической революцией и индустриализацией в России, можно отнести соцгород 30-х гг. XX в.

Сюда прибывали учителя, инженеры, врачи, активно способствовавшие распространению просвещения и культуры. Большевики использовали для модернизации население регионов России, которые резко отличались по своим социокультурным, демографическим и иным характеристикам. Формированию нового типа советской идентичности способствовали не только российские большевики, но и иностранцы.

В процессе производства металлов, создания машин, оборудования, механизмов, вооружения сформировался особый тип мышления уральцев: «русский индустриализм» [3].

Под воздействием коммунистической идеологии христианский образ жизни в сознании вчерашнего крестьянина или башкира-кочевника трансформировался в социалистический идеал, соцгород – в новый тип общинной жизни.

Библиография

1. *Социальная идентичность средневекового человека* / отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю.Уваров. М.: Наука, 2007. 327 с.

2. *Материалы* архивно-следственных дел Уральского архива административных органов (УГААО СО).

3. *Анимица Е.Г.* Феномен кондратьевских волн и циклов в развитии промышленности Уральского макрорегиона // Модернизационно-инновационные процессы в социально-экономическом развитии регионов и городов: коллективная монография, приуроченная к 20-летию кафедры региональной и муниципальной экономики. Екатеринбург: УрГЭУ, 2013. Кн. 1. С. 28–31.

Е.А. Кирсанова (Томск, Россия)

«ПРИРУЧЕННЫЙ СТРИТ-АРТ»: ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ УЛИЧНОГО ИСКУССТВА

Последние несколько лет ознаменовались бумом фестивального движения, создания галерей, школ граффити, коммерческих фирм, крупных информационных ресурсов и даже музеев стрит-арта. Активный процесс легитимизации и институализации некогда запрещаемого искусства идет все 2000-е гг. как в России, так и за рубежом. Параллельно с этим процессом возникла рефлексия стрит-арт сообщества о сущности стрит-арта, его отличии от иных форм искусства в публичных пространствах, образе художника и трансформациях, связанных с легитимизацией стрит-арта.

Мне бы хотелось рассмотреть ряд проблем, актуализированных в интервью, статьях и дискуссиях посвященных стрит-арту в России за последние три года. Прежде всего, это ярко обозначившаяся в процессе легитимизации тенденция сближения таких ранее автономных практик искусства в городском пространстве как граффити, паблик-арт и стрит-арт. Данное сближение, истирание границ ставят вопрос о сущности каждого из указанных направлений и о важности оппозиции легальное/нелегальное (санкционированное/несанкционированное) и свободе интервенции художника в городскую среду. Кроме того, для исследователей стрит-арта встает вопрос дефиниций, так как он вынужден работать с очень быстро меняющейся реальностью художественного мира и отсутствием в широком информационном поле четкого обозначения и употребления понятий. Так, практически любое изображение на стене, выходящее за рамки классических стенных росписей, в российской прессе маркируют понятием «граффити» (крайне редко используются адекватные работам понятия, такие как «мурал» или «стенная роспись»).

Другой важной проблемой, проступившей в процессе легитимизации стрит-арта и изменения его границ, стал вопрос отношений с государством/властью. С ним связан один из основных страхов, обсуждаемых в последние три года – попытки нивелирования протестного характера стрит-арт культуры. Властные структуры, санкционирующие или поддерживающие стрит-арт и граффити через различные институциональные формы, пытаются формировать и транслировать представление о «правильном» уличном искусстве, выдвигая на первый план декоративизм стенных росписей или очерчивая круг «правильных» тем (граффити к государственным праздникам). Наиболее одиозные проправительственные организации и структуры, прежде всего связанные с государственными программами в области молодежной политики, пытаются как узурпировать символическо-аксиологическое поле уличного искусства, так и произвести реальный «захват» городских пространств (проект патриотических граффити «2000 стен»). Таким образом, давняя борьба «государства» с граффити и стрит-артом замещается борьбой за «смыслы» и городские пространства, где можно говорить уже о легитимизации самой существующей власти через формы «низовой» культуры.

Библиография

1. *Вся правда об ЛГЗ* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.codered.ru/mag/streetart/interview/1787>.
2. *Голышко-Вольфсон*. Стрит-арт: теория и практика обживания уличной среды. [Электронный ресурс] URL: <http://partizaning.org/?p=2490>.
3. *Гройс Б.* Искусство живет со стигмой отсутствия демократической легитимации. Интервью [Электронный ресурс]. URL: <http://os.colta.ru/art/events/details/18942>.
4. *До легализации* граффити так же далеко, как до легализации марихуаны [Электронный ресурс]. URL: <http://gorod.afisha.ru/architecture/do-legalizacii-graffititak-zhe-daleko-kak-do-legalizacii-marihuany/>.
5. *Кому принадлежат стены Москвы* [Электронный ресурс] URL: <http://gorod.afisha.ru/architecture/komu-prinadlezhhat-steny-moskvy/>.
6. *Конечно*, властям хочется иметь более человеческое лицо перед молодежью. Как обстоит дело с уличным искусством в Екатеринбурге, насколько оно подконтрольно властям и какую роль в этом играют Евгений Фатеев и его агентство «Стрит-арт» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.colta.ru/articles/society/1729>.
7. *Обманчивая* этика стрит-арта [Электронный ресурс]. URL: <http://art-chronika.ru/themes/street-art-disc/>.

8. *Под колпаком*. Урбанистика как новая ловушка для молодежи [[Электронный ресурс] URL: <http://www.colta.ru/articles/society/1698>.

9. *Поселягин Н.* Гуманитарное знание и госзаказ [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/rus_mir_i_lat/2013/2009_33/9.pdf.

10. *Про «про паблик арт»* [Электронный ресурс]. URL: <http://partizaning.org/?p=2268>.

11. *Стена* все стерпит: Кто решил украсить Москву патриотическими граффити [Электронный ресурс]. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/city/141449-graffiti#comments>.

М.М. Пироговская (С.-Петербург, Россия)

ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ОЛЬФАКТОРНЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ: ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ В РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Следствием медиализации повседневной жизни во второй половине XIX в. стали обеспокоенность проблемами здоровья и болезни, повышенная гигиеническая сознательность и пристальное внимание к ольфакторной стороне повседневности. Благодаря популяризации миазматической теории патогенеза и выработке такого понятия, как публичное пространство, забота о себе (и забота о ближнем) означала в том числе повышенное внимание к запахам – как личным, так и публичным. Врачи-гигиенисты, общественные деятели, журналисты, авторы рекомендательных изданий, посвященных манерам, красоте и гигиене, домашнему хозяйству, регулярно писали о необходимости воспитания обоняния и рефлексии над ароматами и запахами повседневности: «Чувство обоняния должно быть так же развиваемо, как и другие внешние чувства. Лишь при развитом чувстве обоняния возможно ощущать в атмосфере малейшие примеси не только приятные, доставляющие нам действительное удовольствие, но также и вредные, для избавления от которых они должны быть сначала обнаружены, так как оборонять себя можно только от *явной опасности* (курсив мой. – М.П.)» [1. С. 200]. Подобные советы и стоящие за ними представления о запахах как скрытой опасности свидетельствуют о сложных процессах, связанных с изменением социальной восприимчивости к запахам.

Последняя треть XIX в. – это время активной готовности (или неготовности) мириться с одними запахами и искоренять другие. Телесные запахи простонародья, склонного «к неопрятности и неос-

торожности», открыто противопоставлялись эманациям «опрятно ведущих себя» образованных слоев. Стандарты, принятые в буржуазной среде, распространялись на круг ближней прислуги, а затем, с некоторыми оговорками, и на все остальные социальные группы: только так можно было обеспечить безопасность для здоровья публичного пространства, которым более или менее на равных пользовались низшие и высшие классы. Представители некоторых профессий, обладающие выраженным «профессиональным» запахом, например, мясники или тряпичники, становились объектом изучения врачей-гигиенистов [2, 3]. Городские пространства, в которых гигиенисты отмечали скопление людей, смешение товаров (и, следовательно, смешение запахов) или наличие дурнопахнущего мусора, отбросов или грязи, от помойных ям и скотобоен до мелочных лавок, бань и церквей, немедленно попадали в сферу общественного беспокойства. Вместе с высокими гигиеническими стандартами и требованиями ольфакторного нейтралитета спускались вниз и получали широкое распространение и средства гигиены – мыло, помада, одеколон [4. С. 440–441].

Идеал умеренности, широко проповедуемый гигиенистами, дополнялся требованием ольфакторного нейтралитета — не только публичного (нейтралитет среды), но и личного (нейтралитет тела)*. Его соблюдение помогало установить контроль за чувственностью и тем самым максимально распространить объективированную, рациональную заботу медицины и гигиены на внутренний мир нервов. Одновременно шли процессы осмысления и эстетизации (и деэстетизации) различных телесных запахов, которые становились предметом рассмотрения не только гигиенистов, но и опиравшихся на их труды специалистов по хорошему тону. Так запахи конструировались и интерпретировались в двух смыслах – медицинском и социальном.

Постепенно в обществе создается своеобразная система ольфакторных социолектов, границы которых острее и напряженнее ощущаются во время социальных конфликтов – как на макроуровне (эпидемии и войны), так и на микроуровне (конфликт с кухаркой). С 1870-х гг. основным требованием становится создание деликатного

---

* С этим же связано новое ощущение «чужого тела», когда представление о невидимом отпечатке «другого», о невидимой, но воображаемой чужой телесности активно выводится за пределы непосредственного взаимодействия.

ольфакторного силуэта. Деликатность последовательно приравнивается к хорошему тону, тонкая чувствительность и брезгливость – к порядочности, строгий контроль за телесными эманациями и производимым ольфакторным впечатлением – к благовоспитанности.

Библиография

1. *Похитонова М.* Красота, ее совершенствование и сохранение путем гигиены. СПб., 1893.
2. *Смоленский П.О.* О тряпичном промысле в санитарном отношении // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. СПб., 1889.
3. *Зеленский М.* Наши тряпичники. Исследование одного из главных источников заразы // Вестник Европы. 1885. № 6.
4. *Вайнштейн О.Б.* Историческая ароматика: одеколон и пачули // Ароматы и запахи в культуре: в 2 т. М., 2003. Т. 1.

О.М. Фархитдинова (Екатеринбург, Россия)

КУЛЬТУРА РЕЛИГИОЗНЫХ ГРУПП В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Городская среда, обнаружив себя в 80-е XX в. в России «садом» адаптационных возможностей, в XXI в. становится прямо противоположной для людей, мигрирующих из среды иной по отношению к городской, как по масштабам, так и по пространственно-временным формам. В этом смысле город, поселок, деревня как типы пространственной организации сопоставляются по формату мироощущения и мировоззрения. Кризис идентичности на этом фоне выражен не только понятиями и языковыми коллизиями, парадоксами, сколько самим человеком, который играя, обнаруживает свое существование.

В XX столетии были ожидаемы и осуществимы теоретические размышления о сущности игры. В большинстве своем это констатация позитивного потенциала игры по ее природе, где социализация осуществима и в образах повседневности и в мифологизации моделей поведения. Как писал Роже Кайуа: «в выборе игр «частично» раскрываются лицо, стиль и ценности каждого общества» [1. С. 95].

Играя, человек с точки зрения психологии получает возможность социализироваться, с позиции социальной антропологии – осваивать модели поведения и культурные матрицы, с позиции философии – в

самом общем виде думать, осваивать стратегии мышления, творчески мыслить, а также принимать самостоятельное решение на практике.

Молодежные субкультуры, в этом смысле позволяют реализовать: свой стиль (например, варкрафтеры), свой язык (бизмэксеры, нефоры), свое пространство (контактеры), символику.

Молодежные субкультуры приобретают различные коннотации, однако объединяющим моментом является легитимация «чудесного» и «восхищение честным настоящим». О легитимности чудесного много писал М. Дюран. Роль воображаемого мира в религиозном мировосприятии, начиная с работ по шиитской теологии и философии А. Корбена, работ М. Дюрана, введения термина «имажинэр», на современном этапе получает развитие в работах А. Дугина.

Пространственные ограничения для игры важны, прежде всего, потому, что определяют пределы игрового пространства, ее данность и существование. Участие в игре постулирует виды активности, которыми наделен человек в обозначенный промежуток времени.

Игровой потенциал транслируется на повседневность, в которой намечены пути обращения к групповым сущностям. То есть если анализировать групповую идентичность на уровне определения сущности, то в итоге мы получим возможность определения агентов воздействия и определения стратегий поведения в транслируемой игре. Тогда в играх можно обнаружить несколько уровней символического воздействия на сознание индивида: непосредственное – это внимание к тем вопросам и проблемам, которые там заданы; и опосредованное в форме вопросов.

Компенсируя недостаток личного опыта, игра тем самым выполняет роль механизма социализации, превращаясь в антипротиворечивое единство. Обобщая символическое значение игры как для общества, так и для индивида, обозначим, что «...многие игры основываются на утраченных верованиях или воспроизводят форму утративших смысл обрядов» [1. С. 87]. Так и в современном обществе создается новая религиозность. Религиозность, которая определена Дугиным как *... особая обобщенная психологическая и ментальная структура, свойственная обществу (народу, этносу), на основании которой интерпретируются различные мифологические, религиозные и идеологические системы, и которая исторически проявляется сквозь мифологические, религиозные и идеологические контексты* [2]. Соответственно это меняет образы повседневности и мировос-

приятия, создает новые паттерны молодежных субкультур, религиозных групп, религиозных организаций и новых религиозных движений.

Библиография

1. *Кайуа Р.* Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М., 2007.
2. *Дугин А.* Социология русского общества. М., 2013.

Ю.А. Чайка (Томск, Россия)

ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРЫ ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Конструирование собственной идентичности индивидом всегда было, есть и будет важным вопросом в таких науках, как культурология и социология, тем не менее в современном мире, вошедшем в эру посмодернизма, глобализации и информации, понятие культурной идентификации является более проблематичным и сложным, чем когда-либо раньше.

Данная работа основана на исследовании тех внешних условий, которые повлияли на конструирование идентичности индивида за период с начала эпохи индустриализма до современности, в частности развитие общества потребления.

Здесь рассматривается эволюционное развитие концепта идентичности, особое внимание уделяется таким внешним факторам, как становление общества потребления, на фоне которого происходит формирование культурной идентичности современного индивида. Растущие изобилие и достаток многих западных стран и определенных слоев населения в странах с развивающейся экономикой привели к появлению понятия «общество потребления», которое рассматривается сегодня в глобальном масштабе исследователями, представляющими различные научные дисциплины, такие как маркетинг, социология, культурология.

Упомянется тот факт, что на начальных стадиях промышленной революции на Западе, считалось, что индивид уже рождается с собственной идентичностью, которая обусловлена социальным положением его родителей, финансовым состоянием, этнической группой, а

также внутренним миром самого индивида и его культурным развитием. Этот взгляд сравнивается с современным, конструктивистским пониманием идентичности, где большинство исследований связано с именами философов-экзистенциалистов, таких как Ф. Ницше и Ж.П. Сартр, также рассматриваются последние исследования в области построения культурной идентичности, связанные со сферой культурных исследований (Cultural Studies) и постмодернистской школой.

Изучив вышеизложенные научные направления и точки зрения, автор приходит к выводу, что современная научная мысль определяет конструирование идентичности как результат процесса переживания индивидом и отождествление себя с определенными жизненными событиями, ритуалами, социальными институтами и символами культуры, в которых этот индивид вырос и с которыми он соприкасается на протяжении своей жизни. Следовательно, культурная идентичность не является данностью и она не статична, напротив, это понятие является эволюционирующей «конструкцией» внутри каждого человека, находящейся в постоянной трансформации.

Рассмотрев генезис общества потребления и его влияние на конструирование идентичности человека, неизбежным выводом будет то, что современное общество потребления сокращает и упрощает процесс конструирования индивидом собственного «я», ибо в современном мире мнение о человеке зачастую формируется на основе обладания им той или иной вещью материального мира. Но хочется также отметить, что культурная идентичность нестабильна, она постоянно эволюционирует и развитие в обществе таких ценностей, как семья, социальная ответственность, бережное использование ресурсов окружающей среды и т.д., повлечет за собой смещение идеалов материального благополучия и появление других, обладающих наивысшей ценностью, образцов, определяющих идентичность человека в пространстве современной культуры.

Библиография

1. *Игнатьева Н.В.* Культурная идентичность в обществе потребления: Материалы 5 международной конференции «Потребление как коммуникация – 2009» 26–27 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://window.edu.ru/library/pdf2txt/537/66537/38926/page9>.

2. *Ильин В.И.* Потребление как дискурс: учеб. пособие [Электронный ресурс]. URL: <http://filegiver.com/free-download/ilin-v-i-potreblenie-kak-diskurs-uchebnoe-posobie-2008.djvu>.

3. *Патракова Г.В.* Управление в информационном обществе как технология взаимодействия субъекта и объекта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disserscat.com/content/upravlenie-v-informatsionnom-obshchestve-kak-tehnologiya-vzaimodeistviya-subekta-i-obekta>.

4. *Miles S.* Consumerism as a Way of Life. London: Sage Publications, 1998.

5. *Rabie M.* Culture of Consumerism [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yazour.com/>.

А.Ю. Шефер, Я.А. Беляев (Томск, Россия)

МОЛОДЫЕ АКТИВИСТЫ Г. ТОМСКА: РУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ «С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ»

В Томске сосредоточено большое количество университетов и научно-исследовательских площадок, что делает этот небольшой сибирский город студенческим и молодежным центром. Здесь можно встретить молодых людей со всего мира: разных рас и национальностей. В том числе в городе живут люди, придерживающиеся русских националистических взглядов, однако их активность, вопреки широко распространенному негативному образу русского национализма, направлена в том числе на установление благоприятных отношений с представителями других культур и национальностей и во многом препятствует возникновению межэтнических конфликтов.

В качестве объекта исследования были выбраны молодые активисты г. Томска, относящие себя к русским националистам, в качестве предмета – их идеологические установки и модели поведения. В рамках исследования планируется взять 12–15 интервью у людей в возрасте от 18 до 30 лет, придерживающихся националистических взглядов и занимающихся общественной деятельностью в г. Томске и Томской области. Для анализа полученных данных будет применен метод контент-анализа.

Целью нашего качественного исследования является изучение и описание форм и целей участия молодых русских националистов в общественной жизни г. Томска.

В ходе исследования предполагается:

1. Изучить идеологические установки молодых активистов г. Томска, признающих наличие у себя русских националистических взглядов.

2. Составить иерархию идентичностей выбранных активистов.

3. Проследить, как реализуются идеологические установки респондентов в их общественной деятельности.

4. Определить степень зависимости между наличием русских националистических взглядов и способностью вести открытый диалог с представителями других культур и национальностей.

Под активистами мы понимаем лиц, которые участвуют в общественной жизни города, области и т.д. следующими способами. Организуют мероприятия различной направленности или участвуют в них. Такими мероприятиями являются: культурные, экологические, патриотические, спортивные, благотворительные акции, пикеты и митинги. Есть и другие способы участия в общественной жизни: сбор подписей, направление обращений и жалоб в государственные инстанции различного уровня.

Секция 6. ПРИКЛАДНЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Aude Merlin (Брюссель, Бельгия)

RETHINKING THE ROLE AND PLACE OF WAR VETERANS IN CAUCASUS

The role and place of war veterans in Caucasus remains insufficiently scrutinized. If there were some publications dedicated to the role they played in several situations of post conflicts (Columbia, Peru, Cote d'Ivoire, Tchad), Caucasus conflicts have been studied from several points of view, but rarely from this viewpoint.

Being involved in a new European project dedicated to Caucasus (FP7 Caucasus) and focusing my research on this topic, I would like to provide a research on veterans. What kind of policies have been initiated and set up in South Caucasian states and in North Caucasus? What kind of relationship exists between the reintegration of veterans from South Caucasus conflicts and state building (be they independent States, or de facto States)? Have these policies been efficient?

Second, I would like to scrutinize the place, the role and the weight of veterans inside societies. How do their institutionalized organisations play or do not play a role in Abkhaz, Georgian, Azerbaijani, Armenian and Karabakhi societies? Can we speak about civilianization? How was the process of reintegration achieved? How has violence been subsumed? A comparison with North Caucasus – Chechnya, but not only, could be fruitful, and some comparative insights concerning other North Caucasian Republics, given the fact that commissions for rehabilitation took place in Dagestan.

Since this project is only beginning, I probably will present the main hypotheses and the first results of this new research, from a comparative point of view.

John Kennedy (Бирмингем, Великобритания)

**ACTUALLY EXISTING FIELDWORK: A NORMATIVE
IMPERATIVE IN THE ETHNOGRAPHY OF CONTEMPORARY
RUSSIA**

Since the 1980s calls for collaboration between ethnographers and informants have become increasingly common. Increasing worldwide literacy led to the realization that ethnographers must take the critique of their informants into account. In turn a variety of collaborative and partnership-based research agendas emerged and «a period of soul-searching about the morality of fieldwork relations» began that continues today [1. P. 20–24]. Since then, ever tighter global connections have created, proliferated and amplified identity positions so that almost all societies are penetrated by the cultural experience of Others [2. P. 270–273; 3. P. 256]. The pressing question today for the discipline remains how best to proceed methodologically and epistemologically.

Marcus argues that global neoliberalism forces ethnographers to become «circumstantially activist», meaning that there is now an «imperative to collaborate» with informants [4]. Burawoy claims that the contemporary ethnographic task is to «dig around» for «the nuclei of contestation» and «for embryonic institutions struggling to make their appearance on the world stage» then to «comprehend the conditions for their expansion and dissemination» [5. P. 527]. These calls for normative activity in the field take ethnography into controversial territory: they amount to choosing sides.

Indeed, *actually existing* ethnography already differs from the 'Malinovsky model' [4] in which students are still socialised, and frequently includes «experimental form and method, reflexivity on the part of the researcher, collaboration and multiple authorship, and the details of fieldwork dialogue and experience» [1. P. 20]. Murray, for example, openly considers her «political goal» to be the «dismantling of structures of inequality» from within. She considers this makes her «a spy, a shrill, a go-between and (consequently) a sociologist» [6. P. 392]. In another example, Rodino-Colocino coins the term 'participant activist' as a new approach to «working with and for members of a group that scholars will examine» [7. P. 546].

In my paper, I will argue that such predetermined normative activity is unrealistic, too western in character (and therefore barely achievable in

non-western sites) and perhaps even 'unethnographic' in the traditional disciplinary sense. Instead, drawing on my fieldwork among Siberian businesspeople, I claim that ethnographers may find that they have to *necessarily* contribute their own innate insights, experiences and capabilities towards the goals of their informants even though they did not initially seek or wish to do so. This is not the same thing as *bringing* normative objectives to the field, but an *inadvertent* form of participant activism which emerges *in* the field.

Diphorn's definition of active participation [8. P. 210] comes close to this conception, however for her it means leaving the role of researcher *occasionally* in order to participate in the field in different ways. In my fieldwork, however, participant activism was a *requirement of participation* itself. I will therefore make a case that the meaning and objectives of 'participant activism' need to be reassessed to take account of these experiences as normative participation plays an increasing role in contemporary ethnography in non-western cultures.

Bibliography

1. Robben A.C.G.M., Sluka J.A. Fieldwork in Cultural Anthropology: An Introduction, in Sluka J.A. and Robben A.C.G.M. (eds) // *Ethnographic Fieldwork An Anthropological Reader*. Chichester: John Wiley and Sons, 2012. P. 1–48.

2. Thompson J.B. The Globalization of Communication, in Held D. and McGrew A. (eds) // *The Global Transformations Reader An Introduction to the Globalization Debate*. Cambridge: Polity Press, 2005. P. 246–259.

3. Tomlinson J. Globalization and Cultural Identity, in Held D. and McGrew A. (eds) // *The Global Transformations Reader An Introduction to the Globalization Debate*. Cambridge: Polity Press, 2005. P. 269–277.

4. Marcus G. Contemporary Ethnography, Lecture, Aarhus University, Denmark [Электронный ресурс] URL: <http://m.youtube.com/watch?v=QorISfMv9fY>.

5. Burawoy M. Ethnographic Fallacies: Reflections on Labour Studies in the Era of Market Fundamentalism // *Work, Employment and Society*. 2013. Vol. 27. P. 526–536.

6. Murray S.B. *A Spy, a Shill, a Go-Between*, or a Sociologist: Unveiling the Observer in Participant Observation // *Qualitative Research*. 2003. Vol. 3. P. 377–395.

7. Rodino-Colocino M. Participant Activism: Exploring a Methodology for Scholar-Activists Through Lessons Learned as a Precarious Labor Organizer // *Communication, Culture and Critique*. 2012. Vol. 5. P. 541–562.

8. Diphorn T. The Emotionality of Participation: Various Modes of Participation in Ethnographic Fieldwork on Private Policing in Durban, South Africa // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2013. Vol. 42. P. 201–225.

Е.А. Ерохина (Новосибирск, Россия)

ОБЩЕСТВО, ЗНАНИЕ, ВЛАСТЬ: КОМУ НУЖНА ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА?*

Тема, вынесенная в заглавие заявки, содержит ссылку на научное наследие Мишеля Фуко, французского исследователя второй половины XX в. Связка между наукой и властью в творчестве Фуко обозначила новую дисциплинарную матрицу, связанную с рациональным управлением. Он обращает внимание на кричащее противоречие между идеологией модерна с ее пафосом равенства, прогресса и развития, с одной стороны, и технологическим расширением контроля над личностью человека, над его частным пространством – с другой. Объектом критики становится как раз то обстоятельство, что голос общества практически не слышен ни властью, ни наукой.

Одной из попыток снятия такого противоречия является общественная экспертиза. Общественная экспертиза – публичная дискуссия, в которой технологический элемент остается пусть и важным, но лишь одним из множества других, составляющих экспертное знание элементов. Объектом общественной экспертизы являются не только законодательные инициативы и управленческие решения, но и технологии, которые оказывают существенное влияние на жизнь общества. Поскольку власть – это обобщенное понятие, которое обозначает субъектов принуждающего воздействия, властью являются также экономические субъекты, например, транснациональные корпорации, диктующие свою волю экономическими средствами.

Общественная экспертиза – это совместное обсуждение всех заинтересованных сторон, власти, общественности и науки, предполагающее критический анализ исходных представлений о ценности и целесообразности проектов. Общественная экспертиза включает в себя два уровня: предварительный уровень технологической экспертизы с участием специально подобранных репрезентативных групп экспертов и публичные слушания.

---

* Подготовлено при поддержке гранта РГНФ №14-03-18032 «Актуальные проблемы межэтнических отношений и этнонациональной политики в регионах Сибири в оценках массового сознания».

Предметом экспертизы является влияние на человеческий потенциал позитивных и негативных эффектов внедрения проектов, технологий и управленческих решений, а также рисков, связанных с ними. В моральном смысле это означает отказ от технократизма и однобоко понимаемой экономической эффективности, оценивающей соотношение затрат и выгод в краткосрочной, а не в долгосрочной перспективе. В политическом смысле это означает признание совместной ответственности за последствия внедрения управленческих решений и новых технологий. Критериями общественной экспертизы являются, во-первых, оценка ближайших и отдаленных последствий внедрения для развития человеческого потенциала, во-вторых, соответствие внедрения целям и задачам государственной политики, зафиксированным в основополагающих федеральных законах, принятых в результате широкого общественного обсуждения.

В числе значимых областей общественной экспертизы можно выделить биомедицину, технологии социальной работы, педагогические технологии в образовании, сохранение природного и культурного наследия, гармонизацию и оптимизацию межэтнических отношений. Направления выделенных областей экспертизы задаются высокой значимостью указанных сфер общественного развития и целеполаганием базовых федеральных законов, к числу которых относится имеющая статус федерального закона «Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 г.».

Реализация Стратегии предусматривает мониторинг межэтнических отношений и широкое обсуждение технологий оптимизации и гармонизации межэтнических отношений. По сути, это и есть общественная – этнологическая и этносоциологическая – экспертиза, хотя текст Стратегии этого понятия не содержит. В соответствии с направлениями Стратегии можно выделить направления экспертизы, включающие по необходимости элементы миграционной политики, культурной политики, политики в сфере поддержки образования и гражданских инициатив. Как объединить такое многообразие направлений и объектов экспертизы? Каковы должны быть формы предъявления общественного запроса на общественную экспертизу? В каких формах должно происходить публичное обсуждение ее результатов? Как должно предъявляться экспертное мнение широкой публике?

Обобщая проблемы, с которыми сталкиваются наука, общество и власть как субъекты этнологической и этносоциологической экспер-

тизы, необходимо выделить следующие ключевые вопросы развития данной формы публичного контроля в России:

Во-первых, формирование новых принципов взаимодействия экспертов и общественных субъектов как потенциальных заказчиков экспертизы в сфере межэтнических отношений.

Во-вторых, выявление наиболее актуальных задач этнологической и этносоциологической экспертизы в региональном аспекте.

В-третьих, согласование критериев такой экспертизы.

Е.В. Миськова (Москва, Россия)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В РОССИИ. ОПЫТ ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ АКАДЕМИИ «ТУДА И ОБРАТНО»

Идеология профориентации в России традиционно не благосклонна к профессиональной ротации: с советских времен у нас укоренена традиция «непрерывного трудового стажа», и работа на одном предприятии в течение нескольких десятилетий является социально одобряемым и ожидаемым поведением. Тем более это справедливо для академической сферы и особенно для гуманитарного цеха. Движение из академиков в министры, разумеется, случается, но все-таки массовой профессиональной мобильности – из исследователей и преподавателей в сферы принятия решений (чиновники, бизнес-консультанты, активисты НКО) с последующим возвращением в стены университетов – не наблюдается.

Массовой этнологическо-антропологической практикой, например, является научная экспертиза по профильным вопросам без отрыва от академического производства – «производства знания». Поэтому и прикладная деятельность в антропологической сфере понимается как «применение знания о народах и культурах» на практике. С этой давно устаревшей «теории практики» начинались когда-то и мои собственные лекции по прикладной антропологии на кафедре этнологии в МГУ. Эта установка – часть традиционных для позитивистской науки моделей взаимоотношения теории и практики.

Между тем антропологическая практика в силу крайней субъективности этой гуманитарной исследовательской сферы чаще всего представляет собой совокупность индивидуальных стратегий и тактик «выживания» в науке, с наукой, из науки и после науки, особен-

но в таком бурно трансформирующемся обществе, как российское общество периода постсоветского транзита. От многих исследователей, которые не смогли порвать с академией совершенно, время потребовало виртуозных практик приспособления и открытия профессиональных ниш, в которых они могли бы воспроизводить и разделять хотя бы «память о науке». Кстати сказать, и традиционное антропологическое «поле» представляет собой самостоятельную практику конструирования индивидуального исследовательского хронотопа, об особенностях которой многое уже написано.

Путешествие «туда», во внешний по отношению к академии мир, серьезно меняет, как правило, само представление о научной экспертизе, подвергая испытанию те самые модели взаимоотношения теории и практики. Мой собственный опыт политконсультанта, бизнесконсультанта и руководителя НКО (при сохранении правда штатной университетской позиции) стал для меня опытом столкновения с внешним образом науки этнологии в России и ее экспертной «формой жизни».

Мой индивидуальный опыт продемонстрировал сугубую маргинальность позиций этнологии и малое пространство для антропологии в силу, с одной стороны, его довольно агрессивного освоения социологией, а с другой – в силу слабой приживаемости особого языка антропологической практики в России. Антропология как практика – это преимущественно разоблачительный дискурс, дискурс резистентности к методам и практикам использования науки как разнообразного политического инструмента, инструмента влияния. В России этнологическая и антропологическая практика – это до сих пор царство линейной позитивистской модели «применения знания на практике», которую поддерживают и воспроизводят все участники процесса.

В данном докладе я хотела бы порассуждать на тему особенностей индивидуального профессионального путешествия «из академии»: как, собственно, назвать это место, куда мы отправляемся, когда ищем «применения себя и своего знания» на практике, а также то, где мы оказываемся «как эксперты», и, разумеется, то, откуда мы бежим «обратно в науку»?

Д.А. Неваева (Барнаул, Россия)

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАЖИРОВКИ¹)

На современном этапе развития в российском обществе происходят качественные сдвиги, которые носят коренной характер. Перемены затрагивают все сферы жизнедеятельности человека: социально-экономическую, политическую, культурную и т.д. Времена перемен всегда характеризуются кризисными явлениями, которые разными социальными группами населения воспринимаются неодинаково. Однако в любом случае во время изменений актуализируются вопросы социальной адаптации групп и отдельного человека к новому течению жизни. В связи с данными ООН, данными всероссийских переписей населения 2002 и 2010 г. количество пожилых людей в структуре населения значительно увеличилось [1, 2, 3]. Ожидается дальнейший рост лиц пожилого возраста [4, 5]. Старение населения – это характерная черта XXI в. Процессы модернизации, урбанизации накладывают отпечаток на образ и качество жизни пожилых людей во всех странах. При этом постановка вопроса о социальной адаптации пожилых людей, осознание значимости решения проблем данной социальной группы и оценка уровня жизни лиц старшего возраста существенно различается не только в международном разрезе, но и в регионах России [1, 6, 7, 8]. В связи с трансформацией нашего общества на пожилых людей сегодня ложится высокая экономическая нагрузка, требующая от них успешной адаптации к нововведениям. Однако условия и возможности для улучшения жизни лиц пожилого возраста в современном мире отличаются.

---

¹ Выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по государственному контракту №14.В37.21.0270 «Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции» (2012–2013 гг.); Международная научная стажировка молодых ученых России (январь-июнь, 2014 г.) в Институте гуманитарных наук, Австрия, Вена по результатам конкурса «Стажировка в Институте гуманитарных наук» Фонда М. Прохорова (Результаты конкурса: <http://www.prokhorovfund.ru/fund/news/1392/>).

Данная социальная проблема носит двусторонний характер, так как социальная адаптация подразумевает вместе с наличием условий для успешного функционирования в данном обществе наличие у человека (социальной группы) эти созданные возможности в стране (регионе) реализовывать. По результатам социологического исследования, проведенного в трех регионах России (Алтайский край, Забайкальский край, Республика Бурятия), а также по результатам шестимесячной международной стажировки, посвященной изучению проблем пожилых лиц в современном обществе, были получены данные о стратегиях социальной адаптации, которые используют лица пожилого возраста в современном мире и изучаемых регионах. Исследования, проведенные на территории трех регионов России, показывают актуальность адаптации пожилых людей к изменяющейся социокультурной, социоэкономической среде. Кроме того, согласно результатам анализа вторичных данных, выявленные в нашем исследовании адаптивные стратегии пожилых лиц согласуются с общероссийскими данными [5]. Согласно полученным во время стажировки материалам, проблема социальной адаптации лиц пожилого возраста также актуальна в европейских странах [3, 9]. Возможность создания условий для «долгосрочного ухода» и поддержание активного долголетия являются общемировыми актуальными вопросами, на решение которых направлен ряд проектов и программ. Одним из важнейших критериев адаптации является способность человека (социальной группы) удовлетворять свои социальные потребности в различных сферах жизнедеятельности (поддержание и развитие личности; приемлемого уровня обеспеченности материальными благами; культурно-образовательного уровня; самореализация и досуг и т.д.) [10]. В условиях массового старения населения понимание, что своевременное внимание к проблемам пожилых людей, решение и создание возможностей для их социальной адаптации к быстроменяющимся условиям нового века, безусловно, благоприятно повлияет на развитие как отдельного региона, так и страны. В начале XXI в. успешная социальная адаптация лиц пожилого возраста к современным условиям – это один из критериев социального развития нашего общества.

Библиография

1. *Иванова А.Е.* Потребность населения в долголетию и степень ее реализации // Социс. 2013. № 2. С. 120–129.

2. *Freire S., Cesar M.* Inclusive ideals/inclusive practices: How far is dream from reality? Five comparative case studies // *European Journal of Special Needs Education*. 2013. Vol. 18(3). P. 341–354.

3. *Dignity and respect for our older people* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.salvationarmy.org.uk/uki/OlderPeople>.

4. *Владимиров Д.Г.* Пожилые граждане на рынке труда: зарубежный опыт // *Социс*. 2013. №6. С. 57–61.

5. *Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Авдеева Г.С. и др.* Эмпирические модели восприятия старости в условиях новой геронтологической реальности: сравнительный анализ результатов социологического исследования в четырех регионах России // *Известия АлтГУ*. 2012. № 2–2 (74). С. 242–245.

6. *Дементьева Н.Ф.* Изучение потребностей пожилых людей в медико-социальной помощи // *Психология старения и старости: хрестоматия*. М.: Академия, 2006. С. 295–302.

7. *Тихонова Н.Е.* Социальная эксклюзия в российском обществе // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4. С. 5–17.

8. *О мерах* по улучшению качества жизни граждан пожилого возраста в Алтайском крае на 2011-2013 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/895287685>.

9. *Victor C.H.* Old age in modern society. London, 1987. 338 p.

10. *Максимова С.Г.* Социальные ситуации фрустрации лиц пожилого и старческого возраста в контексте социально-психологической дезадаптации // *Известия АлтГУ*. 2000. № 2(16). С. 1–6.

Н.И. Новикова (Москва, Россия)

КАК ЯЗЫК ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПЕРЕВЕСТИ В ЮРИДИЧЕСКУЮ НОРМУ

В Российской Федерации уже несколько лет обсуждается законопроект об этнологической экспертизе. В первую очередь она рассматривается как оценка воздействия промышленного освоения на традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера, что соответствует определению Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Сегодня такие прикладные исследования проводятся в некоторых регионах Севера, в первую очередь в Ямало-Ненецком автономном округе и Республике Саха. Именно этот опыт выявляет наиболее сложные аспекты этнологической экспертизы: какова роль коренных малочисленных народов в ее поведении, каковы правовые последствия таких исследований, кто может воплотить ее рекомендации в жизнь, как оценить последствия промышленной деятельно-

сти для коренных народов, как рассматривать традиционное природопользование и нужно ли учитывать влияние модернизационных процессов, не связанных с промышленной деятельностью, как влияет проведение этнологической экспертизы на правовую и этническую идентичность аборигенов, насколько «население под воздействием» соответствует определению коренных малочисленных народов, данному в законодательстве. Экспертная работа показывает, что часто препятствием к установлению взаимопонимания в законодательных органах власти или промышленных компаниях становится сам метод антропологического исследования, ведь мы строим свои выводы на наблюдениях и интервью, пытаемся соединить традиционные знания и практики и научный анализ, а затем представить их как основание для административных решений. Часто голос информантов, который антропологи стремятся донести до властных структур, кажется последним слишком экзотическим, не типичным. Международные документы, касающиеся регулирования бизнеса, содержат требования как к промышленным компаниям, так и к государствам. В условиях трансформации законодательства в России возрастает роль политики компаний в отношении коренных малочисленных народов, принятых ими на себя этических норм. Поле для диалога представляется в соединении принципов традиционного природопользования и социальной ответственности бизнеса, но основанием для принятия решений может быть только закон. В связи с этим возникает еще один вопрос – антропологическая критика законопроектов. Кто и как ее может проводить? При обеих палатах Законодательного собрания Российской Федерации существуют экспертные советы, но чаще всего представители академического сообщества участвуют в обсуждениях, но не принимают решений или не могут настаивать на их отмене.

В. Ольшевский (Торунь, Польша)

ФОРМЫ И ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛЬСКОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДО 1939 г.

Сложная этнополитическая ситуация внутри возрожденного после Первой мировой войны Польского государства стимулировала интенсивные междисциплинарные исследования национальных про-

блем. К важнейшим проблемам, наряду с вопросами спорных границ, численности национальных и этнических меньшинств, относились те процессы культурного развития, которые приводили к тому, что под знаком вопроса оказывалась идентичность значительной части граждан. (Здесь я имею в виду как процессы постепенной, эволюционной кристаллизации национальных идентичностей, так и процессы резких, внезапных изменений, разрушений прежней культурной идентичности со всеми их последствиями.) Результатом проводивших в этот период исследований нередко оказывались оригинальные теоретические положения, находившиеся в конфронтации с реалиями польской действительности.

В докладе будут представлены – на конкретных примерах, соответствующих предмету исследований того времени, – итоги оригинального, проведенного автором анализа польской антропологической мысли довоенного периода, сконцентрированной на исследованиях культурной идентичности, политических и культурных постулатов, выдвигаемых польскими исследователями. Будут выявлены также потенциальные возможности применения некоторых, выработанных в тот период теоретических концепций (в частности, этнической мимикрии, буферной группы, культурной агрессии) при анализе современных проблем национальной и этнокультурной идентичности.

Библиография

1. *Engelking A.* Dzisiejsi ludzie Polesia. Tropem ekspedycji Józefa Obrębskiego. Wystawa z okazji 60. rocznicy poleskich badań etnosocjologicznych Józefa Obrębskiego. Jego śladem do wsi na Polesiu jeżdżą studenci etnologii i socjologii z Warszawy. Warszawa: Muzeum Niepodległości, 1996.
2. *Hołowko T.* Kwestia narodowościowa w Polsce. Warszawa: Nakł. Księgarni Robotniczej, 1922.
3. *Krysiński A.* Ludność polska a mniejszości w Polsce w świetle spisów ludności 1921 i 1931. Warszawa: Nakł. Instytutu Badań Spraw Narodowościowych, 1933.
4. *Obrębski J.* Dzisiejsi ludzie Polesia // *Przegląd Socjologiczny*. 1936. T. 4. C. 414–446.
5. *Obrębski J.* Problem grup etnicznych w etnologii // *Przegląd Socjologiczny*. 1936. T. 4. C. 177–195.
6. *Olszewski W.* Ethnologie polonaise et les disciplines voisines par rapport à l'identification nationale des Polonais // *Roots & rituals. The construction of ethnic identities*. Amsterdam: Het Spinhuis, 2000. C. 10–23.

7. *Olszewski W.* Around the Theory and Politics of cultural Identity. The Ethnologist's dilemma at the Beginning of the 21st Century // Between Tradition and Postmodernity. Polish Ethnography at the Turn of the Millenium. Warszawa: DiG, 2003. С. 233–241.

8. *Olszewski W.* Tożsamość kulturowa Kresów w humanistycznym nurcie polskiej myśli etnologicznej do roku 1939. Studium z zakresu antropologii stosowanej. Toruń: Wyd. Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2007. 325 с.

9. *Wasilewski L.* Sprawy narodowościowe w teorii i życiu. Warszawa: Towarzystwo Wydawnicze w Warszawie, 1929. 232 с.

10. *Znaniński F.* Studia nad antagonizmem do obcych // Przegląd Socjologiczny. 1930. T. 1. С. 158–209.

11. *Znaniński F.* Socjologia walki o Pomorze. Toruń: Instytut Bałtycki, 1935. 48 с.

К.И. Осипов (Кемерово, Россия)

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В МЕСТАХ
ТРАДИЦИОННОГО ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ:
ПРИЧИНЫ, ФАКТОРЫ МОДЕЛИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ¹**

В докладе впервые представлена часть научных результатов исследований, проведенных лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета на территории Республики Алтай в 2013 г. с целью оценки современного состояния уязвимых компонентов этнокультурной среды коренных малочисленных народов – челканцев и теленгитов. В процессе исследований был обнаружен, картографически зафиксирован, описан и проанализирован ряд территориальных конфликтов (реальных и прогнозируемых) в отношении локальных сообществ коренных малочисленных этносов и иных хозяйствующих субъектов, ведущих (или планирующих) производственно-хозяйственную деятельность на землях фактического традиционного природопользования. Приведем далее краткий обзор выявленных конфликтных ситуаций, их причин и факторов развития.

Прежде всего, обращает на себя внимание расширяющаяся практика «частных» лесозаготовок на территориях традиционного природопользования населения Бийского сельского поселения Турочакского района Республики Алтай. Лесозаготовительные работы здесь

---

¹ РГНФ, проект № 13-01-00170-а.

ведутся уже несколько десятилетий: первые разработки начались еще местным леспромхозом в середине XX в. В настоящее время они в основном осуществляются частными предпринимателями, оформившими право аренды на лесопроизводственные участки. Однако нормы заготовки древесины и утвержденные планы рубок не всегда соблюдаются. В результате лесозаготовки существенно повлияли на состояние традиционных форм природопользования коренного населения, которое фактически лишилось значительной части ранее использовавшихся охотничьих и орехопромысловых угодий. Данная ситуация сегодня настороженно воспринимается и жителями соседней сельской территории – Курмач-Байгольской, где не менее одной трети домохозяйств систематически практикует охотничий промысел, рассматривая его как один из важных источников средств к существованию, и не менее 75% семей ведет промысловые заготовки кедрового ореха. По мнению местных жителей, вероятность начала здесь промышленных заготовок леса весьма высока, что фактически означает возможность потери населением части промысловых участков, играющих важную жизнеобеспечивающую роль. Несмотря на то, что данная ситуация находится пока на латентной стадии, потенциальная готовность заинтересованных аборигенных сообществ к активным протестным действиям достаточно высока. Очевидно, что для предотвращения подобных конфликтных ситуаций необходимо обеспечивать эффективное общественное участие (в виде общественных слушаний) в процессе принятия решений о предоставлении отдельных участков земель лесного фонда в аренду с целью развития лесозаготовительных производств или иных форм экономической деятельности.

Другим примером территориального конфликта с участием сельских групп коренных малочисленных этносов может служить наблюдавшееся в недавнем прошлом противостояние в Улаганском районе. Жители Саратанского сельского поселения выступили против бизнесмена, который хотел арендовать обширный участок земли под сельскохозяйственные нужды. Однако, по мнению местных жителей, основная цель аренды земель была в организации на данной территории коммерческой охоты, объектом которой могли стать «краснокнижные» горные бараны – аргали. Кроме того, здесь же располагались охотничьи и орехопромысловые участки, которые стали бы недоступны для местного населения. Выходом из ситуации стало включение спорных земель во вновь создаваемый природный

парк «Ак-Чолушпа». В настоящее время конфликт переместился в соседний Кош-Агачский район. Теперь жители Кокоринского сельского поселения активно выступают против аренды земель, которые издревле принадлежали их предкам. Сейчас конфликт находится на стадии открытого противостояния.

Как пример территориального спора можно указать конфликт интересов местного населения и государственных структур. В частности, речь идет о строительстве нового газопровода «Алтай», который пройдет не только по культовым и сакральным местам алтайцев, но и по их пастбищам и сенокосам. Несмотря на то, что сейчас этот проект заморожен, местные жители опасаются за свою дальнейшую судьбу.

В.В. Поддубиков (Кемерово, Россия)

ШОРЦЫ: ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ТЕРРИТОРИЯХ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ (ПО ДАННЫМ ПРИКЛАДНЫХ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2011–2013 гг.)

Цель доклада состоит в обобщенной характеристике конфликтных (проблемных) ситуаций с участием локальных сельских групп шорцев Кемеровской области и Республики Хакасия, возникающих на территориях их традиционного проживания и хозяйственной деятельности. Автор использует материалы и научные данные, полученные в результате серии экспертных и мониторинговых этнологических исследований, выполненных коллективом лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ по государственному заказу региональных органов власти¹, а также в рамках грантов РГНФ² и РФФИ³.

В содержательном отношении перечисленные исследовательские проекты были сориентированы на научную экспертизу, направ-

---

¹ Государственный контракт (Администрация Кемеровской области – КемГУ) «Организация и осуществление на территории Кемеровской области годового цикла этнологического мониторинга»: 2012 г. – Междуреченский городской округ; 2013 г. – г. Таштагол и Таштагольский муниципальный район.

² РГНФ, проекты № 13-01-00170-а, № 13-01-18066-е.

³ РФФИ, проект № р_сибирь_а 13-06-98081.

ленную на выявление факторов риска поземельных и этносоциальных конфликтов в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности шорцев: в пределах сельских районов Междуреченского городского округа и Таштагольского муниципального района Кемеровской области, а также Таштыпского района Республики Хакасия. Всего исследованием было охвачено более 40 населенных пунктов с общей численностью постоянного населения более 12000 чел.

Исследования выявили несколько конфликтных ситуаций с участием локальных групп шорцев Кемеровской области и Республики Хакасия, которые могут быть классифицированы по составу субъектов конфликтных отношений. Возможно, в частности, выделить следующие основные модели развития конфликтов:

1. Локальные сообщества шорцев и предприятия добывающей промышленности. На территориях традиционного природопользования шорцев зафиксированы конфликты, в которые вовлечены локальные общины коренного населения, вынужденные противостоять промышленным (угледобывающим) предприятиям, отчуждающим часть земель традиционно-хозяйственного использования и наносящим ущерб традиционному природопользованию в результате своей производственной деятельности. Наиболее ярким примером подобной ситуации может служить давно возникший конфликт шорцев МО «г. Мыски» Кемеровской области (национальные поселки Чувашка, Казас) с шахтами и угольными разрезами концерна «ЮжКузбассуголь».

2. Коренное население и особо охраняемые природные территории. В данном варианте конфликты развиваются в отношении между сельскими сообществами шорцев, сориентированными на практику хозяйственного освоения биоресурсов, и образованными в этих местах особо охраняемыми природными территориями. В этом отношении более всего показательна ситуация, сложившаяся на территории Шорского национального парка, включающего в свои границы значительную часть территорий традиционного природопользования.

3. Сельские сообщества шорцев в условиях аренды земель лесного фонда. Поземельные конфликты возникают также по причине появления на территориях традиционного природопользования шорцев практики аренды земель лесного фонда. Как правило, лесные земли арендуются для развития спортивно-охотничьих хо-

зяйств, промысловых заготовок дикорастущего сырья, развития бизнес-проектов в сфере рекреационных, туристических и иных услуг. Все это нередко вызывает недовольство резидентных групп коренного населения, готового к конфликтной деятельности. Примеры такого рода конфликтов отмечены в Таштыпском районе Республики Хакасия (в пределах зон традиционного природопользования шорцев Матурского и Анчуйского сельских поселений), а также на территории Междуреченского городского округа (Ортонское сельское поселение).

4. Коренное население и лесозаготовительные предприятия. Исследование, проведенное в 2013 г. в Анчуйском и Матурском сельских поселениях Таштыпского района Республики Хакасия, выявило напряженность в отношениях шорского населения, сориентированного на развитие традиционной практики экстенсивного природопользования с действующими здесь коммерческими предприятиями, осуществляющими лесозаготовки.

Важнейшей причиной конфликтогенеза в местах традиционного природопользования шорцев является правовая неурегулированность вопроса о статусе земель традиционного природопользования.

С.А. Смирнов (Новосибирск, Россия)

НОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ. ФОРСАЙТ ПРОЕКТ

Экспертные сообщества фиксируют в разных вариациях проблемность ситуации человека. Проблемность заключается в следующем:

– базовые привычные представления о человеке уходят в прошлое; человек испытывает радикальные изменения, касаемые как его социальных форм идентичности, так и физической, телесной, гендерной форм;

– эти тренды радикальных изменений человека убыстряются не сами по себе, а при активном участии самого человека: наблюдаются все более учатившиеся практики трансгрессии, суицидальные явления, поведение, связанное с агрессией, с уничтожением среды, в которой находится человек; тренд на самоуничтожение человеком самого себя и привычных институтов, которые крепят человека (се-

мы, брака, морали, права, образования, культуры), становится все более ярко выраженным;

– проблемность усугубляется тем, что мировое экспертное сообщество пока не выработало согласованного видения того, что с этими изменениями можно и нужно делать, как их можно адекватно описать и какие предложить новые образы и представления о человеке.

Что есть антропологический тренд? Всякие ли изменения можно считать трендом?

1. За тем или трендом (если это тренд) стоит вполне определенный **сценарий**, т.е. последовательность действий большой группы людей, играющих этот сценарий и заинтересованных в реализации этого тренда.

2. За сценарием стоит базовая практика, **антропопрактика**, которая прodelывается этими людьми, которые через эти практики столбят этот сценарий. Последний не укоренится, если не будет проигрываться в повседневной, каждодневной жизни многих людей.

3. Трендом, сценарием и антропопрактиками формируются **базовые институты** (учреждения, нормы, ценности, традиции), на которых в итоге и садится тренд, меняющий социальную, экономическую, культурную среду обитания человека и его самого.

4. В тех или иных явлениях и данных статистики должны быть показаны реальные изменения **онтологической идентичности человека**. Не само по себе, например, изменение института семьи, брака, гендера, не само по себе употребление алкоголя или наркотиков на душу населения, а такие факторы, которые показывают изменение самого человека в его идентичности, что делает его самим собой. Мы должны понять, в чем заключается онтологическая идентичность человека и сохраняется ли она? Если она состоит в том, что человек – существо разумное и этим радикально отличается от иных существ, то надо понять – эта разумность претерпевает какие-то изменения или нет? Она уходит или нет?

А если мы допустим, что онтологическая идентичность человека не в этом? И человек – не существо разумное, а существо энергичное? И проявления этих энергий разнообразны. Смысл только в том, каков ансамбль этих энергий, насколько он полон и разнообразен? И тогда в этом ансамбле энергий могут меняться как сами проявления, так и репертуары этих проявлений.

5. В тех или иных статистических данных и фиксируемых явлениях должна быть показана **радикальность изменения человека**, его переходность, переход в иное качество, показывающее появление радикально иного существа.

6. Тогда необходимым образом встает вопрос о **мере этих изменений**. Какова мера, где, когда и как наступает **предел**, за которым человек меняется радикально? Тогда надо задавать понятие **границы**, переход которой и задает появление нового тренда, определяющего новую идентичность. В таком случае надо задавать **понятие онтологической границы**, за пределами которой человек становится онтологически иным. Какова эта граница? В чем содержание границы? Должна быть прочерчена **онтологическая граница**, задающая предел, за которым у человека наступает пространство Иного, в котором его, человека, нет и пребывает уже иное существо.

7. Сами изменения должны носить **практический характер, относиться к повседневной жизни человека**, к тому, что является привычным образом жизни, в котором и которым он живет. Должно быть показано, что меняются повседневные базовые практики, приводящие к изменению самого субъекта, носителя этих практик.

8. Изменения должны носить **массовый характер** и оседать в **новых институтах**. Вышеназванные практики должны оседать в новых институтах или должны переформатироваться старые институты.

9. Это означает, что должны вводиться новые **нормы**, правила жизни, вырабатываться новые **ценности**, новые этические правила и ориентиры. То есть фактически должна вводиться *новая культурная ценностная матрица*.

Какие мы выделяем антропологические тренды? Мы выделяем такие тренды, которые фиксируют отношение к феномену перехода границы, пребывания человека на границе. Назовем их *пограничными антропологическими трендами*. Именно они привлекают наше внимание, поскольку именно они влияют на изменение онтологической идентичности человека, его способа жизни и мышления.

1. *Тренды перехода*. Тренды, показывающие явления смены привычных идентичностей, перехода в иное существование, явления трансгрессии и суицида, фиксирующих массовизацию примеров сознательного ухода из жизни и разного рода экспериментов с жизнью, опытов, ставящих под вопрос существование жизни как от-

дельного человека, так и целых групп, регионов, классов, стран. За этими трендами стоят все искусственники и прогрессисты.

2. *Тренды возврата.* Тренды, показывающие, наоборот, возврат к старым ценностям и правилам жизни, к сохранению привычных укладов, возврат к классической форме семьи и брака, укладу жизни. Это то, что можно назвать неотрадиционализмом. Здесь находятся все традиционалисты, естественники, неоконсерваторы, почвенники. Представители и носители этого класса трендов, наоборот, отталкиваются от границы, не переходят ее, понимая, что перейдя ее, они теряют самих себя, свою идентичность. При наличии смыслового и ценностного акцента граница выступает для них как табуированная территория. Переход границы встречает неприятие, в отличие от первых, для которых, наоборот, переход границы означает социальное признание, подвиг, важнейшее жизненное событие.

3. Третий класс трендов можно назвать некоей *антропологической альтернативой*. Она заключается в преодолении крайностей первых двух. С одной стороны, носители этого сценария хотят использовать все достижения техногенной цивилизации, но при этом хотят сохранить человеческую идентичность и управляемость искусственными трендами, хотят превратить достижения генной инженерии и биомедицины и ИТ в ресурс развития при сохранении среды обитания, не превращаясь в киборгов. С другой стороны, представители этого тренда хотят осуществлять практики преобразования человека, понимая, что старый образ жизни, построенный на практиках трансгрессии и захвата, приводит к самоуничтожению и среды, и самих носителей этих практик.

Т.Б. Смирнова (Омск, Россия)

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ

21 апреля 2014 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». Это событие актуализировало тему репрессированных народов, главным образом в от-

ношении народов Крыма, на территорию которого не распространялся «Закон о реабилитации репрессированных народов», принятый в 1991 г. Но и на территории России Закон 1991 г. не был полностью выполнен, в частности его положение о восстановлении национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения (статьи 3, 5, 6). Не были восстановлены АССР немцев Поволжья и Крымская АССР, но если реабилитация и восстановление государственности крымских татар являлись тогда прерогативой Украины, то восстановление Поволжской республики полностью зависело от позиции властей России. Отказ от восстановления АССР НП не только подхлестнул эмиграцию немцев в Германию, но и негативно сказался на идентичности российских немцев. Вопросы, подобные тому «за что наказывают наш народ?», продолжали множиться, поскольку немцы были единственным депортированным народом, которому обвинения в коллаборационизме нельзя было выдвинуть даже теоретически (депортация была превентивной), и продолжали оставаться единственным в России народом, чья территориальная автономия не была восстановлена. В результате постоянного ущемления прав народа его идентичность тоже начинает приобретать ущемленный характер. Предпринимаемые сегодня немецким общественным движением усилия по формированию позитивной этнической идентичности сталкиваются с укоренившимися мнениями о том, что немцы постоянно подвергались дискриминации. Приводимые в качестве успешного примера десятки немецких фамилий (включая Германа Грефа и Алексея Миллера) конкурируют с аргументами «мой отец (или другие родственники) не смог поступить в институт и занять хорошую должность из-за своей национальности». Доводы о том, что физические потери среди депортированных были ниже, чем среди тех, кто воевал на фронте, наталкиваются на мнение о том, что «не позволить немцам сражаться с фашизмом – это была самая большая несправедливость по отношению к нашему народу». Это слово «несправедливость» – являлось ключевым в формировании негативной и ущемленной идентичности. О том, что события прошлого продолжают влиять на идентичность немцев в России, свидетельствуют результаты социологических исследований. В 2009 г. был проведен опрос 1,5 тыс. немцев во всех округах РФ, который включал блок вопросов по идентичности. На вопрос о том, какие чувства вызывает у людей их этническая принадлежность, подавляющее большинство называло чувство гордо-

сти, защищенности (около 30% сказали, что никаких особых чувств они по этому поводу не испытывают), но 4% респондентов испытывали неуверенность, а 6% назвали чувство обиды. То есть спустя почти 70 лет после депортации, примерно десятая часть немцев испытывала негативные эмоции, связанные с событиями прошлого, хотя лично пострадавших от репрессий среди них намного меньше. Очевидно, что этническая идентичность ситуативна и мотивирована. Поэтому указ о реабилитации народов Крыма привел к активизации деятельности институтов немецкой самоорганизации (ФНКА, МСНК), которые провели работу по подготовке документов о полной реабилитации немцев в России. Центральной стала проблема восстановления территориальной автономии, как и в начале 1990-х гг. бурно обсуждались вопросы о том, должна ли быть восстановлена территориальная автономия, и если да, то – в каких границах и статусе (республика, округ, районы). Вопросы эти остаются нерешенными, но от их решения зависит современное формирование идентичности российских немцев.

А.А. Стракевич (Томск, Россия)

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ТУРЕЦКОЙ ОБЩИНЫ В ГЕРМАНИИ

Турецкая иммиграция в Германию уходит корнями в первые послевоенные десятилетия, когда ФРГ, испытывающая острую нехватку рабочей силы, заключила соответствующий договор с Турцией. Однако, говоря словами писателя М. Фриша [1], в ответ на призыв *рабочей силы* приехали люди – с собственной культурой и особыми проблемами.

Изначально занимавшие общежития и лагеря временных переселенцев турецкие рабочие постепенно перебирались в города, где снимали недорогое жилье в рабочих кварталах. Коренное немецкое население, напротив, начало покидать «турецкие» районы, где формировалась специфическая инфраструктура, ориентированная на иммигрантов [2. С. 55]. В результате подобные кварталы превратились в «отторженные территории», жители которых фактически от-

резаны от внешнего мира – в экономическом¹, политическом, символическом и социальном смысле. Причины указанной исключенности варьируются при этом от объективных факторов (незнание немецкого языка и низкий образовательный уровень, препятствующий трудоустройству) до субъективных особенностей восприятия представителями общины своей роли и места в обществе.

Турецкие иммигранты оказываются в положении маргиналов: с одной стороны, они утрачивают прямые связи с исторической родиной (ассоциированные, среди прочего, с политическим статусом гражданина²); с другой – не приобретают устойчивых социальных контактов в культурно и религиозно чуждой им среде. Как следствие, растет замкнутость рассматриваемой группы. Ярким подтверждением данного тезиса служит статистика внутриэтнических браков, число которых в ряде городов достигает 90% от общего количества заключаемых представителями общины браков [3. S. 432]. Нейтральность упомянутого факта на протяжении многих лет ставится под сомнение немецкими СМИ, указывающими: турецкие семьи из поколения в поколение «транслируют» бедность, зависимость от программ социальной помощи, нежелание получать образование высших ступеней и, самое главное, ощущение отчужденности и нежелание интегрироваться в немецкое общество [4].

Социальное отторжение турецкой общины представляется, однако, проблемой, обостряемой обеими сторонами межкультурного взаимодействия. Так, против сознательного отказа турецкого населения использовать немецкий язык или устанавливать тесные межэтнические контакты стоит дискриминация со стороны работодателей, а также открытый страх немецкого общества перед иммигрантами. Ясным индикатором недовольства стала вышедшая в 2010 г. книга Т. Саррацина «Германия самоуничтожается» – официально осуждаемое, однако вызвавшее широкий резонанс издание.

Каким же образом Германия может преодолеть сложившийся барьер? Наиболее рациональным методом представляется, на наш взгляд, продолжение начатого на рубеже веков политического диалога, осуществляемого посредством турецких общественных организаций и крупнейших национальных партий. Получив прямой дос-

---

¹ Речь идет о более низком уровне зарплат и высокой подверженности риску бедности.

² До недавнего времени в ФРГ действовал закон об обязательном выборе гражданства для лиц с двойным гражданством.

туп к каналам принятия решений, община постепенно преодолевает политическую исключенность. Подготовка соответствующей законодательной базы, исключающей дискриминацию, должна дополниться расширением интеграционных программ, программ совместного обучения и лингвистических курсов. Увеличение социальной помощи, напротив, представляется малорезультативным, поскольку приводит к временному преодолению лишь одного из аспектов социального отторжения.

Библиография

1. *Gastarbeiter*: «Wir riefen Arbeitskräfte, und es kamen Menschen» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spiegel.de/fotostrecke/gastarbeiter-wir-riefen-arbeitskraefte-und-es-kamen-menschen-fotostrecke-74565-2.html>.

2. *Погорельская С.* Турецкая община в ФРГ: между интеграцией и исламом // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 4. С. 44–76 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12958314>.

3. *Mueller C.* Integrating Turkish Communities: A German Dilemma // Population Research and Policy Review. 2006. Vol. 25. №5/6. P. 419–441 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/40230960>.

4. *Die Türken in Deutschland sind eine Zeitbombe* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pi-news.net/2013/03/die-turken-in-deutschland-sind-e-ine-zeitbombe/>.

Н.Д. Фирер (Лесосибирск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Адаптация пожилых людей является сложным многофакторным процессом, критериями успешности которого на разных уровнях общества выступают степень сближения ценностных ориентаций различных половозрастных групп общества и совпадения стереотипов пожилых; степень ролевой адаптации, позитивности социальной идентичности, приспособление личности к самому процессу старения и степень позитивного восприятия тех индивидуальных возможностей, которые сохраняются в старшем возрасте [1].

Согласно Маргарет Мид, известному американскому этнографу, в истории человечества различают три типа культур в зависимости от темпов научно-технического и социального развития общества.

Постфигуративная культура – младшее поколение учится у старших и повторяет их опыт в своей жизни.

Кофигуративная культура – дети и молодежь учатся у своих сверстников, близких им по возрасту и опыту, и ориентируются не на старших и их модели поведения, а вырабатывают свои собственные.

Префигуративная культура – весь опыт прошлых поколений, в том числе и поколения родителей, отрицается молодым поколением [2].

В конце XX в. широкое распространение получило понятие «эйджизм» (от английского слова age – возраст), впервые предложенное американским геронтологом Р. Батлером, который сначала интерпретировал его как «глубоко затаенную тревогу некоторых молодых и людей среднего возраста, их личностное отвращение и ощущение неприязни к стареющим людям, болезням, инвалидности, страх перед беспомощностью, бесполезностью и смертью» [3].

Как помочь старшему поколению социально адаптироваться, почувствовать себя не отверженными?

Специалистами было выделено три основных руководящих принципа в работе с пожилыми людьми, где главное – не позволять им втягиваться в негативный имидж старения, быть ответственными за свою жизнь, если это возможно, стимулировать активную деятельность пожилых людей [4. С. 210–214].

В Красноярском крае есть успешный образовательный проект для людей старшего возраста. На базе краевой научной библиотеки работает народный университет «Активное долголетие», который позволяет сохранить интеллектуальную и социальную активность пенсионеров. В народном университете существует три факультета: «Краеведение», «Здоровье», «Культура и искусство», где знания получают бесплатно.

Третий возраст – это благодатное время, чтобы заняться делом, о котором мечтал всю жизнь. При Художественном музее создан вечерний университет для тех, кто желает научиться рисовать. Во дворце культуры Свердловского района Красноярска работает хор, можно заняться рукоделием. Инструкторы Красноярского спорткомитета занимаются с 1500 пенсионерами на острове Татышев. Летом – велосипеды, скандинавские палочки, теннис, бадминтон, роликовые коньки. Красноярский спорткомитет помог пенсионерам изучить новые виды спорта – крокет, гольф и керлинг.

Заслуживает внимания опыт работы с представителями старшего поколения студентки 5 курса физико-математического факультета

Лесосибирского пединститута – филиала СФУ Анны Смоленцевой. Проект – компьютерные курсы для пенсионеров – позволил не только обучить навыкам работы с компьютером, но и реализовать один из главных принципов социальной помощи гражданам третьего возраста: стимулировать деятельность пожилых людей, расширить горизонты их общественной деятельности.

Библиография

1. *Мамыкина Г.М.* Особенности социальной адаптации старшего поколения в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Екатеринбург, 2010. 14 с.
2. *Мид М.* Культура и мир детства: Избранные произведения / пер. с англ. Ю.А. Асеева; сост., авт. послесл. и отв. ред. И.С. Кон. М.: Наука, 1988. 429 с.
3. *Якимова Е.В., Торнстон Л.* Геронтология в динамическом обществе // Социальная геронтология: современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 58–68.
4. *Социальная психология старения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений.* М.: Издательский центр «Академия», 2002.

Секция 7. РУССКИЙ, СОВЕТСКИЙ, РОССИЯНИН: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.В. Агеева (Томск, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АМЕРИКАНСКОМ РОССИЕВЕДЕНИИ 1990–2000-х гг.¹

Существенные трансформации, которым подвергся образ России в американском россиеведении 1990–2000-х гг., нивелирование влияния тоталитарной теории и обращение к конкретно-историческим проблемам российской культуры и общества обусловили популярность в современной американской историографии вопросов, связанных с национальными идентификационными практиками постсоветской России.

Первая половина 2000-х гг. в американском россиеведении ознаменовалась появлением целого ряда солидных исследований по вопросам формирования и исторического развития российской национальной идентичности. В разноплановых работах американских исследователей XXI в., посвященных российской национальной идентичности, ведется активный методологический поиск. Теоретическими основаниями для изучения национальной идентичности в российской истории и современности становятся междисциплинарный подход, внимание к изменениям в настроениях российского общества, рассматриваемым сквозь призму новых веяний в литературе, кинематографе, музыке.

Американские исследователи, анализируя практику строительства российской национальной идентичности в постсоветский период, обращают внимание на отношение России к своим ближайшим географическим соседям – бывшим союзным республикам. Так, в качестве свидетельства возрождения советской эстетики и «риторики дружбы народов» воспринимаются принципы отбора российских участников и исполняемых ими песен на конкурс «Евровидение», особенности организации конкурса «Новая волна» и др. [1, 2] Если

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 12-06-33018 мол_a_вед (соисполнитель).

еще в начале 2000-х гг. американские исследователи с неподдельным интересом анализировали сюжетные линии и маркетинговые стратегии наиболее коммерчески успешных российских фильмов (Н. Михалкова, А. Балабанова) [3] и поиски идентичности постсоветской интеллигенции, отраженные в литературных образах (произведения В. Пелевина, В. Маканина) [4], то уже во втором десятилетии XXI в. внимание американских русистов сосредоточено преимущественно на формировании демократических институтов и гражданского общества в России, а также готовности россиян поддержать воссоединение с другими частями бывшего СССР [5]. Концепция «суверенной демократии» трактуется как свидетельство противоречивости и незавершенности процессов становления российской национальной идентичности. Одним из популярных источников для изучения постсоветской национальной идентичности для американских русистов являются официальные заявления российских политических лидеров, Послания Президента России Федеральному Собранию, в которых авторы замечают наследие холодной войны, неудовлетворенность ее итогами [6].

Обращение к традициям и новациям американской историографии в исследовании российской национальной идентичности позволит провести комплексный анализ подходов зарубежного русистоведения к изучению российской истории и современности.

Библиография

1. *Johnson E.D.* A New Song for a New Motherland: Eurovision and the Rhetoric of Post-Soviet National Identity // *Russian review*. 2014. Vol. 73. Issue 1. P. 24–46.
2. *Platt K.M.* Russian Empire of Pop: Post-Socialist Nostalgia and Soviet Retro at the «New Wave» Competition // *Russian review*. 2013. Vol. 72. Issue 3. P. 447–469.
3. *Larsen S.* National identity, cultural authority, and the post-Soviet blockbuster: Nikita Mikhalkov and Aleksei Balabanov // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. Issue 3. P. 491–511.
4. *Brintlinger A.* The hero in the madhouse: The post-Soviet novel confronts the Soviet past // *Slavic review*. 2004. Vol. 63. Issue 1. P. 43–56.
5. *Hanson S.E.* Plebiscitarian Patrimonialism in Putin's Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era // *Annals of the American academy of political and social science*. 2011. Vol. 636. P. 32–48.
6. *Ambrosio T., Vandrovec G.* Mapping the Geopolitics of the Russian Federation: The Federal Assembly Addresses of Putin and Medvedev // *Geopolitics*. 2013. Vol. 18. Issue 2. P. 435–466.

М.А. Воскресенская (С.-Петербург, Россия)

ИДЕНТИЧНОСТЬ КУЛЬТУРНОЙ ЭЛИТЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА¹

Социальную базу культуры Серебряного века составила локальная социальная группа, которую можно определить как культурную элиту российского общества рубежа XIX–XX столетий. В нее входила часть высокообразованной интеллигенции, отдававшей приоритет культуре в системе ценностей, предпочитавшей творческую деятельность политической активности и считавшей необходимым условием общественного переустройства духовно-нравственное совершенствование мира. Замкнутость, обособленность этой социальной группы вполне осознавалась самими творцами Серебряного века и даже культивировалась ими. Их артистические сообщества зачастую носили закрытый характер, журналы, манифестировавшие их творческие и жизненные принципы, не были рассчитаны на массовую аудиторию. И вместе с тем они вписали одну из самых блестящих страниц в культурную историю страны.

Социальная страта, обозначаемая как культурная элита Серебряного века, образовалась в результате расслоения интеллигенции. Ведущим фактором процесса расслоения послужило самосознание различных интеллигентских кругов, ставшее основой их идентификации. Идентичность может выступать как представление не только о том, кем ты являешься или хочешь быть, но и о том, с кем или чем ты себя не отождествляешь. Формирование идентичности культурной элиты Серебряного века выражалось не только в осознании ее представителями своей принадлежности к определенной социокультурной среде, но и в духовном отторжении этой социальной группы от общей разночинской массы. Разрыв между различными слоями интеллигенции был обусловлен конфликтом ценностно-мировоззренческих установок. Он наметился после царевубийства, оттолкнувшего своей бессмысленной жестокостью часть интеллигенции от революционно-демократического движения. Однако протест против политического радикализма не исчерпывал смыслов обозначившегося внутреннего противостояния: расслоение прежде единой социальной группы носило широкий социокультурный характер. Истоки

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00055.

Серебряного века лежали в отвержении новым поколением интеллигенции нигилизма «шестидесятников», в неприятии их прямолинейных позитивистских построений и вульгарного материализма, в отрицании утилитарных установок по отношению к художественному творчеству. По мере эволюции народничества и распространения марксизма в России смысл разногласий между культурной элитой и интеллигентами-общественниками оставался прежним: протест против уничтожения духовного начала в человеке, против подавления личности ради «общественной пользы», против торжества утилитарно-материалистического понимания жизни.

Среда творцов Серебряного века сложилась как специфическое культурное единство. Социально-сословное происхождение никак не определяло принадлежности к культурной элите. Род занятий играл определенную роль, но не решающую. Ведь культурная элита, составлявшая социальную базу Серебряного века, – это не класс и не профессиональное сообщество. Это своеобразная духовная общность, сложившаяся на основе схожего мироощущения, близких умонастроений. Вокруг нее формировался особый социокультурный микромир, в который включались не только выдающиеся личности эпохи, но и люди, вхожие в эту среду не столько своим творчеством или общественной деятельностью, сколько самим образом жизни, чертами повседневного бытования, формами социализации, способами межличностного общения. Они образовывали ту почву, на которой расцветала культура Серебряного века.

Идентичность культурной элиты Серебряного века определяется через свойственные ее представителям стиль жизни и образ мыслей. При этом для ее полноценного исследования важно не только описать характеристики их обыденного существования и выяснить суть их мировоззренческих концепций, но и проследить источники формирования этих явлений в национальном и мировом социокультурном контексте, а также выявить в мировоззренческом комплексе рассматриваемой социальной страты тенденции преемственности культурных традиций и их трансформации в условиях цивилизационных потрясений переходной исторической эпохи. Решение этой исследовательской проблемы может способствовать более глубокому пониманию процессов дезинтеграции общества в кризисные периоды отечественной истории.

Л.В. Дериглазова (Томск, Россия)

**«ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ РУССКИМ?» В ОТВЕТАХ
СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В ТГУ, 2005 и 2014 гг.¹**

Распад Советского Союза и функционирование России как отдельного государства вне рамок многонационального союза неизбежно привели к формированию национального государства с сопутствующим выяснением роли и места титульной нации, соотношения гражданской и этнической идентичности россиян. Если в 1990-е гг. процесс национального строительства «нового» российского государства являлся скорее спонтанным и слабо организованным, уступая место более важным и насущным экономическим и политическим проблемам, то 2000-е гг. знаменуются формированием явно выраженной политики в этой сфере на уровне политических элит и государственной власти. Именно в 2000-е гг. были обновлены или созданы заново государственные символы, включая общенародные праздники и их новое толкование. Символично, что гимн «новой» России был утвержден в конце декабря 2000 г., а в ноябре 2004 г. появился новый национальный праздник – 4 ноября 2004 г. – День народного единства вместо 7 ноября – Дня Октябрьской революции. В это же время наблюдается усиление националистических проявлений и стремление к самоидентификации среди представителей титульной нации. Рост националистических групп, славянофильских, антизападных и антимигрантских настроений является отражением этих тенденций.

Усиление национального чувства русских как титульной нации стало предметом обсуждения не только академического сообщества, но и более широких общественных кругов. Частью такого обсуждения была серия публикаций в аналитическом журнале «Коммерсант. Власть» в 2005 г. под названием «Проверьте себя на русскость» [1, 2]. Именно этот от полушутливый проект стал основой первого опроса среди студентов-международников ТГУ на тему, что значит быть русским, в рамках курса общей социологии. Тест, заданный в журнале послужил поводом для разговора о том, как соотносятся различные формы идентичности в нашей стране и какое место занимает чувство национальной

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

принадлежности представителей титульной нации. Дополнительным поводом для проведения такого рода исследования стал также явный рост патриотических настроений среди студентов. Стоит отметить, что в большинстве своем студенты-международники априори ориентированы на зарубежные страны, иные культуры, видят в качестве своей будущей профессии жизнь или работу за рубежом. Поэтому такими удивительными и нелогичными казались националистические проявления. Опрос был проведен в виде эссе, в котором студенты в свободной форме должны были ответить на вопрос: «Что значит быть русским?». Эссе написали более 50 студентов 3-го курса, в возрасте 19–20 лет. Весной 2014 г. подобный же вопрос был задан студентам-международникам, всего 16 эссе.

Промежуток времени почти в 10 лет позволяет увидеть, каким образом в представлениях молодых людей, изучающих зарубежные страны, владеющими двух и более иностранными языками, имеющими опыт общения и зарубежных поездок, звучат ответы на этот вопрос. Временной промежуток при сохранении специфики группы позволяет выделить константы и переменные восприятия.

Библиография

1. *Иддиатулин Шамиль, Качуровская Анна*. Проверьте себя на русскость // Власть. 25.09.2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/706972?isSearch=True>.

2. *Лицо* русской национальности // Коммерсантъ. 26.09.2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/611986>.

К.А. Жарчинская (Томск, Россия)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕСТВ СЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ¹

В условиях модернизации культуры на процесс формирования идентичности оказывают влияние изменения, происходящие в социальных медиа (социальных сетях и блогах). Для данной среды ха-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

рактарны такія свойства як адкрытасць і даступнасць інфармацыі, слабасць цензуры і прастранственных абмежаванняў, існаванне магчымасці актыўнага ўдзелу карыстальнікаў у працэсе вытворчасці і спажывання ведаў [1] і адначасова мінімізацыя іх асабістага прастранства.

Даследвальнікі кіберсоцыйстваў адзначаюць, што на жыццё ў сацыяльных сетках людзей толкаюць пошукі адobrэння, чаканне ўзаимавыгоднага супрацоўніцтва (абмена карыснай інфармацыяй), імкненне атрымаць «ощуццё карыснасці», знайсці сябе як незаменимага члена групы [2]. Будучы выражэннымі ў інтэрфейсе сацыяльных сетак, гэтыя фактары ўплываюць на працэс фарміравання новых індывідуальных і калектывных «воображаемых» ідэнтычнасцей [3].

Віртуальныя супольнасці становяцца удачнай пляшадкай для міфалогізацыі нацыянальнага і этнічнага самоадрэчвання. Прадметнай базой для разгляду данага пытання ў даследаванні сталі групы славянскіх традыцыяналістаў у рускоязычных сацыяльных сетках.

Па стане на вясну 2014 г. ў найбольш наведваемых сацыяльных інтэрнет-сервісах Расіі («Вконтакте», «Мой свет», «Facebook») было зарэгістравана больш за 4000 супольнасцей, аднаўжываемых пошукавымі серверамі па тэгу [славяне]. Вялікая частка груп – каля 3800 – сфарміравана на базе сацыяльнай сеткі «Вконтакте». Найбольшыя супольнасці «славян» тут налічваюць ад 20 000 да 130 000 удзельнікаў. Некаторыя змяшчаюць адкрыта нацыяналістычны падтэкст.

Існуюць розныя формы сацыялізацыі ў віртуальных групах. Гэта можа быць не толькі абмен інфармацыяй і «взаимнымі адobrэннямі», але і інтэрнет-камерцыя, віртуальныя майстар-класы (і другія «share-skill» сервісы), онлайн-канферэнцыі, сайты знаёмстваў. У апошняе час у славянскіх традыцыяналістаў з'яўляюцца рэсурсы для віртуальнай арганізацыі кожнадзённых практык (напрыклад, сайты для выканання языцкіх магічных абрадаў ці падліку часу па «славяно-арыйскаму календару»).

Якія прычыны абарачэння інфармантаў імянна да віртуальным, а не рэальным формам канструіравання ідэнтычнасці? У сацыяльнай сетцы ў карыстальнікаў прысутствуе кожны адкрыты доступ да абнаўляючыхся ў рэжыме рэальнага часу навінамі, фата і відэамаатэрыяламі, а таксама магчымасць уплываць на гэты пра-

цесс посредством свободного авторства, инструментов «лайка» и «репоста».

Непосредственное влияние на формирование идентичности также оказывают инструменты «подписки» на тематические сообщества, фильтрация новостной ленты и круга «друзей», персонализация профиля. Растущая скорость поступления новой информации влияет на алгоритмы принятия решений: упрощает процессы самоидентификации и критического осмысления поступающих знаний. За пользователем достаточно быстро закрепляется определенное сетевое «Я» (истинного «славянина», «арийца», «русского»).

Виртуальная идентичность, как и реальная, нередко может оказываться ситуативной, множественной. Но национализм задает информантам желаемые «рамки единичности». Кроме того, в самоотождествлении с коллективом они могут находить спасение от сущностных переживаний – одиночества и тревоги, вызванной подсознательными ощущениями «ничтожности» и бессилия, спровоцированного процессами индивидуализации в капиталистической культуре [4]. Потребность принадлежать к традиционной, архаичной культуре в виртуальных практиках также может быть связана с отсутствием у человека ощущения «присутствия» в мире современном, с его стремлением к преодолению разрывов и формированию образа «наличного настоящего» на основе образов прошлого [5].

Библиография

1. *State of the media: The social media report* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nielsen.com/us/en/reports/2012/state-of-the-media-the-social-media-report-2012.html>.

2. *Kollok P. Communities in Cyberspace*. London, 1999.

3. *Астафьева О.* Виртуальные сообщества: «сетевая» идентичность и развитие личности в сетевых пространствах // Вестник Харьковского национального университета. 2007. С. 120-133.

4. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: АСТ, 2011.

5. *Runia E.* Presence // *History and Theory*. 2006. №45. P.5–29.

В.П. Зиновьев (Томск, Россия)

СОВЕТСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Национальная государственная идентичность России покоится на двух китах – русском языке как основе коммуникации и культуры и на истории, как основе самосознания.

История России, как известно, распадается на три основных периода: время аграрного общества – дореволюционная, время индустриального общества – советская, время постиндустриального или информационного общества, которое только начинается в постсоветский период.

Влияние на формирование самосознания россиян оказывают все три периода российской истории, и они все ценны. Во времена Рюриковичей и Романовых Россия сформировалась как многонациональная, поликонфессиональная, централизованная империя с сильной авторитарной властью. В это время страна обрела свое геополитическое пространство, освоила его и заселила.

В советский период своей истории Россия из аграрной страны превратилась в индустриальную, из деревенской в урбанизированную на 70%. Большая часть национального богатства России создано за короткое исторически время – 74 года, из которых пришлось на участие в военных конфликтах не менее 20.

Советский вклад в российскую национальную идентичность как раз и связан с двумя важнейшими в жизни страны событиями – индустриализацией и победой в Великой отечественной войне.

Страны СНГ и Балтии после обретения независимости должны были определиться с советским периодом истории. В странах, где сносят памятники советским воинам и советским вождям отказались от советского прошлого и одновременно от российской составляющей своей идентичности – это государства Балтии, Грузия, Узбекистан, Туркмения. Драматические события в современной Украине также упираются в ключевой вопрос о сохранении советской компоненты в национальной идентичности этой страны. Далеко не все население Украины согласилось со стремлением нового руководства

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

страны, галичан и части национальной элиты отказаться от советского прошлого. Отношение к советскому стало ассоциироваться в сознании украинцев с отношением к российскому. Памятники советским воинам и В.И. Ленину превратились из идеологических монументов в символы России. Это больше другого доказало самим россиянам, что они приняли символы и образы советской истории в основу своего исторического самосознания.

В.Н. Кудряшев (Томск, Россия)

**РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ В ПОИСКАХ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЗАРОЖДЕНИЕ
РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)¹**

Превращение России в многонациональное государство и расширение ее территории за счет включения новых регионов с их существенно отличными социально-экономическими и культурными особенностями требовало от русской политической и интеллектуальной элиты осознания этого многообразия и внесения корректив в представление о роли и участии русского народа в общеимперской жизни. Не могли не повлиять на выработку русского национального проекта национальные процессы в Европе, принявшие весьма интенсивный характер в XIX в. Цель данной работы – определить влияние представления о русской нации на содержание концепций и проектов решения национальных проблем Российской империи, перспективы ее национально-государственного устройства, предлагавшихся сторонниками различных направлений русской общественной мысли.

Славянофильство апеллировало к нации как субъекту исторической деятельности. Славянофилы, провозгласив идею русского национального государства, определили русский народ главной движущей силой данного процесса. Россия должна была стать русским государством, что в славянофильском варианте предполагало проведение ассимиляции остальных народов, входивших в состав государства [1. С. 49].

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

Альтернативным вариантом стало обращение к государству как главному субъекту реализации национального проекта. Данный подход попытались использовать сторонники консервативного и либерального течений российской общественной мысли.

Сторонники государственного консерватизма пытались сформулировать принципы имперской идентичности, основанной на восприятии русской нации как политического единства множества народностей, сохранявших этническую самобытность. Подобный формат национальных отношений требовал достижения определенного компромисса между русской национальностью, остававшейся самой крупной этнической группой, и остальными национальностями. Базовым принципом стало признание абсолютного приоритета государства как единственного субъекта национальной политики. Все национальности становились исключительно объектами его деятельности и обретали определенный объем прав, им установленных [2. С. 60].

Русские либералы в целом были солидарны с европейскими либеральными принципами рассмотрения национального вопроса. Общим для всех либералов было представление о сохранении национальности как важнейшего личностного идентификатора и одновременно одного из видов солидарности. Но экстраполируя данный вывод на Российскую империю, либералы, позитивно оценившие процесс формирования национальных государств в Европе, отказывались даже гипотетически представить возможность дезинтеграции России на отдельные национальные государства. Констатируя восприятие русской нации как политического полиэтнического сообщества, они не отказывались от русской национальной окраски государства. Был выдвинут тезис не только возможности формирования нацией государства, но и формирования нации в рамках государственного единства [3].

Абсолютно контрастировали с остальными направлениями программы революционных социалистов. Важнейшим принципом их подхода к национальным проблемам было восприятие нации как одной из разновидностей социальной солидарности, которая утрачивала свою значимость с развитием рыночной экономики и ее глобализацией [4. С. 105]. Социалисты готовы были учитывать национальный фактор только для использования национально-освободительной борьбы в качестве временного союзника для свержения действующей власти. В то же время только революционные социа-

листы готовы были к предоставлению национальностям права на политическую автономию и даже суверенитет. В рамках революционного социализма разрабатывались программы, предполагавшие федеративные отношения между нациями, как в рамках государственной организации, так и в условиях ликвидации ее как формы организации общества [5. С. 156].

Таким образом, в русском национальном дискурсе можно выделить автономные направления, имевшие свой понятийный аппарат, отличные критерии и главное – альтернативное видение перспектив национально-государственного устройства и межнациональных отношений. При всех различиях отношения к феномену нации все указанные течения активно использовали идею нации для реализации своих доктрин. Поэтому можно выделить славянофильский этноцентристский, имперский консервативный и имперский либеральный национализм. Отдельное место занимали революционно-социалистические проекты, в которых отсутствовали черты национализма.

Библиография

1. *Аксаков И.С.* Передовая статья газеты «День» 13 ноября 1865 г. // Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М., 1886. С. 44–50.
2. *Катков М.Н.* Речь генерал – суперинтендента д-ра Вальтера перед открытием Лифляндского сейма и применимость его наставлений и к России // Московские ведомости. 1864. 1 мая.
3. *Гессен В.М.* Народ и нация // Образование. 1898. №4. С. 59–72.
4. *Лавров П.Л.* Социализм и борьба за существование // Избранные сочинения на социально-политические темы. Т. 4. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. С. 99–110.
5. *Программа* Донского общества «Земля и воля» (1882 г.) // Революционное народничество 70-х гг. XIX века. М.: Наука, 1965. Т. 2. С. 156–158.

О.Ю. Малинова (Москва, Россия)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИМВОЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И КОНСТРУИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

«Общепринятые» представления о прошлом служат одной из главных опор идентичности современных политических сообществ.

Отчасти в силу этого, а отчасти – по причине того, что идея истории является фундаментальным принципом воображения социального порядка в эпоху модерна, апелляция к истории оказывается неотъемлемым атрибутом политической риторики.

Очевидно, что «пригодность» прошлого определяется не только соответствием конкретных событий, фигур или символов актуальным политическим целям. Она зависит и от наличного набора массовых представлений, которые, в свою очередь, основываются на различных интерпретациях прошлого, циркулирующих в публичном пространстве. Можно предположить, что опорой макрополитической идентичности могут выступать события, образы, символы, мифы прошлого, которые: а) закреплены в массовом сознании, б) позволяют конструировать положительно окрашенный образ Нас, что определяется их соответствием системам культурных представлений, задающим оценочные шкалы, в) не являются предметом противоположных оценок, конкуренция которых воспринимается по принципу игры с нулевой суммой.

Если эти предположения верны, «тысячелетняя история» России – хотя и богатый, но трудный ресурс для политических антрепренеров, занятых конструированием макрополитической идентичности. В этом контексте память о Великой Отечественной войне оказывается особенно ценным символическим ресурсом: будучи основательно институционализована в предыдущие периоды, она транслируется через разные каналы социализации, благодаря чему отличается уникальной органичностью. Кроме того, она может быть вписана в широкий спектр культурно укорененных фреймов. В силу этого символ войны содержит широкие возможности для конструирования положительно окрашенного образа Нас в разных контекстах.

В предлагаемом докладе на основе изучения риторики президентов РФ, публичных выступлений политиков, занимавших ключевые позиции в федеральной исполнительной власти, а также материалов, напечатанных в официальном органе Правительства РФ – «Российской газете», прослеживается, как менялись практики политического использования символа Великой Отечественной войны властвующей политической элитой в 1990–2010-х гг.

Наш анализ официальных выступлений показывает, что в 2000-х гг. имело место не только активное использование темы Победы с политическими целями, но и расширение ее символического

репертуара за счет появления новых смысловых функций. Последние были связаны с артикуляцией ключевых тем «дискурса о нации» – национальной идентичности, автономии и единства, а также с возможностью репрезентировать Россию как «равную» и «подобную» «Западу». И то, и другое стало возможным за счет изменения подхода к работе с советским прошлым: отказавшись от критического нарратива 1990-х гг., властвующая элита сделала выбор в пользу выборочного использования «удобных» фрагментов коллективного прошлого на основе весьма схематично очерченной идеи «тысячелетней истории» становления России в качестве «великой державы». Память о Великой Отечественной войне, будучи основательно институционализована в предыдущие периоды, оказалась одним из немногих моментов коллективного прошлого, «пригодных» для конструирования новой макрополитической идентичности и решения иных текущих задач, поскольку ее значение не стало предметом оспаривания – во всяком случае, в самой России. В результате символ Великой Победы благодаря его интенсивному политическому использованию, с одной стороны, и укорененности в массовом сознании, с другой, выступает в качестве важной узловой точки современной российской идентичности.

П.В. Панов (Пермь, Россия)

ЭТНИЧНОСТЬ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТНЫХ ПОЗИЦИЙ В РОССИЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ*

Политизация этнокультурных различий стала одной из ключевых тенденций политического развития [1]. Зачастую она приводит к этнополитическим конфликтам, и один из способов управления этнополитическими конфликтами – модель power-sharing, которая «означает участие представителей всех значимых групп в принятии политических решений, особенно на правительственном уровне» [2. Р. 39]. Хотя в полном объеме консоциативная модель Лейпхарта реализуется не часто, закрепление наиболее значимых позиций в

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Граждане «разного сорта»? Варианты институционализации фрагментированного политического порядка в XXI веке: факторы, условия, эффекты», проект № 12-33-01016a1.

органах власти за представителями определенной этнической группы – достаточно широко распространенная практика, причем ее можно рассматривать одновременно и как проявление политизации этничности [3], и как способ управления этнополитическим конфликтом [4].

В современной России данный феномен актуален для тех субъектов РФ, которые относятся к категории «национальных республик». Очевидно, акцент на этнический признак («титულიная национальность») политизирует этничность. Вместе с тем даже беглый взгляд на властную конфигурацию в российских национальных республиках показывает чрезвычайное разнообразие как в степени политизации этничности, так и в институциональных способах закрепления властных позиций за представителями определенной этнической группы. В докладе будут представлены результаты сравнительного анализа российских национальных республик (21 случай), целью которого является объяснение кросс-региональных различий в этнополитической конфигурации власти.

В эмпирическом плане исследование основывается на биографических данных лиц, занимавших ключевые политические позиции в национальных республиках на протяжении постсоветского периода (высшее должностное лицо, председатель парламента, руководитель правительства и некоторые др.). Кроме того, проанализированы формально-правовые нормы, регулирующие значение этничности при распределении властных позиций (государственные языки и их статус, нормативные требования для замещения данных позиций и т.д.). Вместе с тем, поскольку формальные правила в данной области далеко не всегда раскрывают реальные практики, была проведена серия интервью с региональными экспертами.

В результате исследования были выявлены несколько моделей распределения властных позиций в национальных республиках: 1) «титულიная группа» абсолютно доминирует и в составе населения, и в органах власти (Чечня, Ингушетия); 2) абсолютное доминирование русских в составе населения и слабость «титულიной группы» (Карелия); 3) преобладание «титულიной группы», но закрепление некоторых позиций (как правило, второстепенных) за русскими; 4) преобладание русских, но закрепление некоторых позиций за «титულიной группой»; 5) полиэтничная структура населения и соответствующая ей сегментированная конфигурация власти: достаточно устойчивые (хотя и неформальные) практики закрепления ключевых

позиций за представителями определенной этнической группы (Кабардино-Балкария, Дагестан).

Исследование показывает, что этническая структура населения республики далеко не всегда объясняет кросс-региональные различия, в ряде случаев на первый план выходят экономические, исторические, политические и иные факторы.

Библиография

1. *Малинова О.Ю.* Гражданство и политизация культурных различий // *Полис.* 2004. №5.
2. *Lijphart A.* The wave of power-sharing democracy // *The architecture of democracy: constitutional design, conflict management, and democracy.* Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 37–54.
3. *Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. Berkeley: University of California Press, 1985.
4. *Wolff S.* Managing ethno-national conflict: towards an analytical framework // *Commonwealth & Comparative Politics.* 2011. Vol. 49. № 2. P. 162–195.

О.Б. Подвинцев (Пермь, Россия)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МАКРОРЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ЭЛЕМЕНТ И ХАРАКТЕРИСТИКА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ СХЕМ

Представления россиян о конкретной структуре их страны в качестве системы территориальных макросообществ до настоящего времени во многом остаются унаследованными от имперского прошлого. Это видно даже из принятого наименования отдельных географических частей России. Так, «Центральная Россия» («Средняя полоса») на самом деле географически занимает западную часть страны. Часто используется наименование «Северный Кавказ», но почти никогда какие-либо территории Кавказа не называют «центральными» либо «южными».

Косность этих представлений в условиях фактического реформирования государства после распада СССР в значительной степени могла быть объяснена как отсутствием внятной государственной идеологии, так и бурным процессом формирования и развития региональных идентичностей в рамках субъектов Федерации.

Показательно, что более четкое определение новых державных устремлений, амбиций и приоритетов, целенаправленно или опосредованно, все же привело уже к некоторому изменению представлений о макрорегионах, из которых состоит Россия. В частности, наряду с «Центральной Россией», «Уралом», «Поволжьем», «Сибирью» и т.д. стали в ряде случаев фигурировать новые термины – «Юг России» и «Арктика».

Понятие «Юг России» является замещающим. Вероятно, в рамках новых державных представлений оно должно вытеснить не только понятие «Северный Кавказ», но и «Новороссия», исторической частью которой были переселенческие территории современных Краснодарского и Ставропольского краев, а также Ростовской области. В настоящее время осознание этих территорий как в качестве части Кавказа, так и в качестве составляющих Новороссии, по известным обстоятельствам, представляется не слишком удобным для обеспечения единства государства.

Напротив, термин «Арктика» в настоящее время употребляется в ряде случаев в публицистических и новостных материалах, а зачастую и в официальных документах наряду с «Сибирью», «Дальним Востоком», «Русским Севером», составными частями которых полагались ранее арктические субъекты РФ. Ранее об «Арктике» (Севере), как отдельном, отличном от «Сибири» и «Дальнего Востока», макрорегионе обычно на официальном уровне упоминалось лишь в связи с «коренными малочисленными народами». Именно в этом отношении значимость Арктики была особенно велика. Однако в настоящее время такое разделение проводится наиболее часто, когда речь идет о запасах природных ископаемых и, прежде всего, нефти и газа. Арктическое направление рассматривается, таким образом, как приоритетное, не с точки зрения «удержания», а с точки зрения привлечения.

Тем не менее данные изменения в представлениях о макрорегиональной структуре России, на наш взгляд, пока достаточно слабо выражены и более характерны для официального дискурса. Они пока не носят необратимый характер и зависят от успеха политики державного укрепления РФ.

А.В. Семенов (Тюмень, Россия)

В ПОИСКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ: МАССОВЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЯН И ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЫБОР

Обострившиеся дискуссии о возможности «европейского выбора» России в качестве одной из важнейших составляющих содержат аргумент о массовых ценностях россиян. Странники «особого пути», история которых восходит к славянофилам и евразийцам, указывают на то, что граждане России имеют особый набор ценностей, что отличает их как от Европы/ Запада, так и от Азии/ Востока. В свою очередь, либеральное/ западное крыло пытается найти признаки «нормальности» российского социума, его европейской ориентации. Современные социологические инструменты позволяют не только проверить данные утверждения (переводя их в статус гипотез), но и сделать картину более комплексной, демонстрируя многомерность идентичности современных россиян, фрагментированность социума, наличие разнообразных и пересекающихся групп сторонников/ противников/ не определившихся с европейским вектором развития.

Важным обстоятельством, позволяющим проверять данные гипотезы, стала доступность больших кросс-страновых массивов социологических данных: Мирового исследования ценностей (World Values Survey), Европейского социального исследования (European Social Survey), Нового российского барометра (New Russian Barometer), исследование глобальных установок центра Пью (Pew Research Center's Global Attitudes Project), а также накопленные данные Левада-Центра, Фонда «Общественное мнение», ВЦИОМа, РОМИР-мониторинга и других социологических служб. Эти данные фиксируют весьма любопытные установки россиян в отношении Европы в целом и европейских ценностей в частности. Так, согласно опросам Левада-Центра среди наиболее близких друзей/ союзников России респонденты называют Белоруссию, Казахстан, Украину, Китай и Армению, из европейских стран – лишь Германию (на третьем месте, 24% опрошенных) и Францию (8-е место, 11% опрошенных) [1]. В то же время на сотрудничество со странами Западной Европы ориентировались 50% опрошенных, СНГ выступает «вторым выбором» (46%) [2]. Внешнеполитическая ориентация на Запад в целом и Европу в частности довольно чувствительна к международным собы-

тиям: так, после грузино-югоосетинского конфликта в 2008 г. уровень одобрения деятельности ЕС резко снизился [3].

Некоторые исследователи считают, что в основе такого «мятникового» характера массовых установок россиян в отношении Европы лежит «ценностный разрыв». На него, в частности, указывают С. Уайт, М. Лайт и И. МакАлистер, утверждая, что со временем он становится только больше [4]. В.С. Магун и М.Г. Руднев подтверждают этот тезис: «У россиян слабее, чем у большинства европейцев, выражены надличные ценности заботы, толерантности, равенства и, наоборот, сильнее, чем у большинства европейцев, проявляется ориентация на конкурентные ценности личного успеха, власти и богатства, характерные для «игры с нулевой суммой» [5. С. 130].

В этой перспективе интересно проанализировать, насколько указанные отличия являются устойчивыми во времени и к социальным и другим расколам внутри страны. Гипотеза нашего исследования предполагает наличие социальных групп в России, не только декларативно заявляющих о «европейском векторе», но и разделяющих европейские ценности до определенной степени, т.е. о наличии европейской идентичности внутри российского социума. Размер и композиция этих групп, а также их предпочтения в плане политического действия представляет особый интерес, так как потенциально именно эти группы могут выступать субъектами модернизации, а также сторонниками содержательного, а не номинального сближения России и Европейского союза/ Европы.

Библиография

1. Назовите пять стран, которые Вы могли бы назвать наиболее близкими друзьями, союзниками России... (ответы ранжированы по последнему замеру) // Архив «Страна и мир», Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/archive/strana-i-mir/nazovite-pyat-stran-kotorye-vy-mogli-nazvat-naibolee-blizkimi-druzyami-soyuznik>.

2. На сотрудничество с какими странами, по Вашему мнению, России прежде всего следует ориентироваться в своей внешней политике? (ранжировано по последнему замеру) // Архив «Страна и мир», Левада-Центр [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/archive/strana-i-mir/na-sotrudnichestvo-s-kakimi-stranami-po-vashemu-mneniyu-rossii-prezhde-vsego-sl>.

3. *Общественное мнение – 2013*. Ежегодник. Москва: Аналитический центр Юрия Левады, 2013.

4. White S., Light M., McAllister I. Russia and the West: Is there a values gap? // *International politics*. 2005. №3. P.314-333.

5. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) // *Вопросы экономики*. 2010. №12. С. 107–130.

С.Г. Суляк (Кишинев, Молдова)

НАЦИОНАЛЬНОСТИ И РОДНЫЕ ЯЗЫКИ МОЛДАВИИ: ОФИЦИАЛЬНАЯ И ДЕКЛАРИРУЕМАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Существенная разница между декларируемой и официальной информацией вызвала необходимость проведения более широких исследований. Особый интерес вызывают материнские языки 12 наиболее крупных (численностью свыше 1000 чел.) этносов Молдавии: молдаван (по переписи 2004 г. – 2 564 849 чел.), румын (73 276), русских (201 218), украинцев (282 406), гагаузов (147 500), болгар (65 662), евреев (3 608), армян (1 829), белорусов (5 059), немцев (1 616), поляков (2 383), цыган (12 271), которых, по данным переписи 2004 г., было 3 361 677 чел. (общая численность граждан составила 3 383 332), т.е. составляющих 99,36% от всего населения Молдавии.

По данным ГП «ЦГИР «Registru»» на 1 января 2014 г. на учете состояли 3 564 139 граждан (по данным Национального бюро статистики РМ – 3557,6 тыс. чел.), 2 502 032 записались молдаванами. Из них 1 894 284 чел. признали родным языком молдавский, румынский – 214 035, русский – 84 791, украинский – 1027. Остальные указали другие языки (гагаузский – 293, болгарский – 297, идиш – 6, белорусский – 27, польский – 2, армянский – 5, цыганский – 99).

Данные позволяют сделать вывод, что официально среди молдаван количество носителей румынского языка значительно ниже, чем указано в переписи 2004 г. (481 593), а русского (63 290) – выше.

Согласно информации ГП «ЦГИР «Registru»», румынами признали себя 3 181 чел. по состоянию на 1 января 2010 г., 3220 – на 1 января 2012 г., 3 082 – на 1 января 2014 г.

На 1 января 2010 г. родным румынский язык признали 2 167 из них, молдавский – 519, русский – 226.

На 1 января 2012 г. – соответственно 2 175, 523 и 247.

На 1 января 2014 г. – 2 132, 512 и 241.

Русскими задекларировали себя 189 003 гражданина по состоянию на 1 января 2010 г., 186 229 – на 1 января 2012 г., 183 403 – на 1 января 2014 г.

Большинство из них признало материнским языком русский на 1 января 2014 – 164 798 чел.

Украинцами записали по состоянию на 1 января 2014 г. 251 599 чел.

Большинство украинцев признало материнским языком русский – 139 908.

Русский язык является материнским для значительной части гагаузов и болгар.

На 1 января 2014 г. из 129 985 гагаузов для 13 699 русский язык был родным (гагаузский – 103 693).

Для болгар – из 62 310 – 17 699 (болгарский – 35 560).

Для значительной части представителей остальных крупных национальных меньшинств (кроме цыган) русский язык также является материнским.

По состоянию на 1 января 2014 г. из 3 737 евреев русский язык назвали родным 3 066 чел., из 1 777 армян – 1 070, из 5 384 белорусов – 4 372, из 1 898 немцев – 1 382, из 2 236 поляков – 1 775, из 14 005 цыган – 962 (для 9 876 родной язык – цыганский, для 1 853 – молдавский, для 106 – румынский).

Наибольшее число носителей русского языка составляют русские, украинцы, молдаване. Причем родным русский язык был для 55,6% украинцев (по данным на 1 января 2014 г.).

Таким образом, несмотря на ассимиляционные и иммиграционные процессы и отсутствие полных данных по гражданам до 16 лет, молдавский (для 53,92% населения, состоящего на учете в ГП «ЦГИР «Registru» по состоянию на 1 января 2014 г.) и русский языки (16,33%) являются материнскими для значительной части населения Республики Молдова.

Е.А. Федосов (Томск, Россия)

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: ПРОПАГАНДИСТСКИЙ ОБРАЗ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ?¹

Формирование в СССР «советского человека» во многом возлагалось на государственную идеологию и пропаганду. Пройдя несколько этапов развития, она в разной степени актуализировала классовые, патриотические и интернационалистические идеи, обеспечив синтетический характер советского самосознания, который

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

можно назвать коммунистическим [1. С. 43]. Ему присущи следующие принципы: коллективизм, высокое достоинство труда, интернационализм, сознательность, высокая осмысленность жизни [2. С. 185–187].

Сейчас тип «советский человек» подвергается интенсивной рефлексии, и особую ценность приобретают воспоминания представителей разных поколений советских людей. Своими суждениями по поводу различных событий и явлений прошлого, включая массовые пропагандистские кампании, поделился профессор ТГУ Михаил Сергеевич Кузнецов¹. Они представляют собой определенный ментальный срез, в котором раскрылись некоторые черты «советского человека».

В жизни М.С. Кузнецова было достаточно испытаний, включая раскулачивание и арест отца, детство в среде спецпереселенцев. Несмотря на это, первые элементы его гражданского самосознания формировались в советских общественных институтах, а вступление в 1939 г. в комсомол помогло преодолеть социальную неуверенность и напряжение в связи с памятью о прошлом [3].

Тогда Кузнецов много занимался агитационной деятельностью и участвовал в оборонно-патриотической работе. На его взгляд, советская пропаганда довольно успешно психологически подготовила население к войне: «мы знали как себя вести и по-настоящему любили свою страну» [3]. Образ врага, к концу 1930-х неизменно связанный с германским фашизмом, устойчиво укоренился в сознании советской молодежи.

С началом Великой Отечественной войны чувство патриотического долга побудило комсомольца Кузнецова добровольцем уйти на фронт. Сопровождалось это и глубоким личным мотивом преодоления «пятна спецпереселенца-кулака» [3]. Вспоминая военную пропаганду, он оценивает ее очень высоко. Любые материалы воспринимались с большим интересом и приковывали внимание людей и на фронте, и в тылу. Хотя в них иногда и попадались довольно «злые и преувеличенные» образы, по-особому верилось в их призывы [3].

Вскоре после Победы бывший фронтовик начал работать инструктором отдела агитации и пропаганды Томского обкома ВЛКСМ,

---

¹ М.С. Кузнецов – ветеран Великой Отечественной войны и труда, Заслуженный деятель науки РСФСР, Почетный работник высшего профессионального образования России, действительный член Академии гуманитарных наук, заслуженный профессор ТГУ.

в 1947 был принят в ВКП(б). «Член партии – я до сих пор запомнил с восклицательным знаком слово – «надо!» [3], – подчеркивает М.С. Кузнецов. Став ответственным за формулировку и интерпретацию советских идеологем, он искренне верил в линию партии и редко расходился с ней по основополагающим вопросам, оставаясь честным и перед собой, и перед аудиторией. Возникали и трудные моменты, как после заявления Хрущева на XXII съезде КПСС, что «к 1980 г. коммунизм построим». Вопреки распространению этой установки в пропаганде, часть коммунистов восприняла ее скептически и даже с иронией.

Гораздо большее недоверие и опасения за будущее страны появились у профессора Кузнецова с приходом к власти Горбачева. Будучи на приеме в ЦК КПСС, он лично убедился, что комитет «не руководит страной, а занимается делами, совершенно чуждыми» [3]. Однако развал СССР в мирное, относительно спокойное время казался ему тогда немислимым.

Несмотря на последовавшие события, М.С. Кузнецов до сих пор разделяет социалистические идеи и положительно характеризует советскую пропаганду. Высоко оценивая сильные ее стороны, он находит в ней и некоторые недостатки.

М.С. Кузнецов уверен, что специфическая общность «советский человек» действительно существовала, и считает себя ее неотъемлемой частью. Пропагандистская практика государства оказывала на него мобилизующее влияние, приобщала к коллективным ценностям, но он не был бессознательным исполнителем и подвергал идеологические установки государства критическому осмыслению в соответствии с реальным положением дел.

Библиография

1. *Кортунов С.В.* Национальная идентичность. Постижение смысла. М., 2009. 592 с.
2. *Гуревич П.С.* Пропаганда в идеологической борьбе. М., 1987. 263 с.
3. *Интервью с Михаилом Сергеевичем Кузнецовым // Личный архив автора.* Томск, 2013.

А.А. Фоменков (Нижний Новгород, Россия)

ДВЕ РОССИИ: К ВОПРОСУ «ВООБРАЖЕНИИ» НОВОЙ НАЦИИ

Вслед за Б. Андерсоном существенная часть политологов считает нации «воображаемыми сообществами» (наиболее известная работа Б. Андерсона так и называется [1]). Впрочем, в какой-то степени любое сообщество можно признать воображаемым [2. С. 28]. Мало того, видимо, был прав Э. Геллнер, считавший национализм не пробуждением наций к самосознанию, но изобретением ранее отсутствовавших наций. Отметим, что не каждая попытка «изобретения нации» является успешной – скорее наоборот.

Применительно к российским реалиям интересна проблема возможности конструирования новой нации на территории отдельных регионов. Следует сделать важное отступление – российский социум неоднороден, и это стало притчей во языцех. Так, активно используются в быту полусерьезные варианты такого наполнения: «Россия айфона» и «Россия шансона», «Москва» и «замкадье» [3. С. 22]. Эти определения ненаучны, но говорить об их полной безосновательности несправедливо. Направленность политических процессов и скорость перемен в регионах существенно различаются [4. С. 25].

В основе нашего предположения лежит идея о наличии у многих представителей политизированной общественности мнения, согласно которому «Россия айфона» и «Россия шансона» – не констатация наличия разных социальных групп, но свидетельство наличия разных этносов, пока еще не осознающих себя разными народами. «Россия айфона» (ее представители) – этнос европейский (прежде всего по менталитету), а «Россия шансона» – этнос неевропейский. Такие идеи развивал русский национал-демократ П.М. Хомяков, сходные представления присутствуют в литературе в жанре альтернативной истории, например у Д. Шидловского.

Отметим, что для «воображения» нации, а тем более для конструирования, нужна территория, считающаяся ее «колыбелью». Однако все, говорящие и пишущие о «России айфона» и «России шансона», признают, что представители этих двух России живут бок о бок друг с другом и возможности для «воображения» нации нет. Эта точка зрения для нас не очевидна. В Российской Федерации имеется регион, могущий рассматриваться сторонниками европейского вы-

бора «колыбелью» новой нации, а именно Калининградская область. Последняя – анклав, окруженный странами-членами ЕС, связь которого с российской историей незначительна, что для отечественных «западников» скорее «плюс».

Итак, в ближайшие годы в Калининградской области может начаться формирование региональной идентичности, на основе которой будет начат процесс «воображения» нации «европейские русские». Активно действовать в этом направлении будут представители калининградской общественности, выходцы из других регионов, связанные с внесистемной оппозицией, и представители иностранных спецслужб. Целью их будет создание в Калининградской области креольского национализма, в основе которого будет лежать представление о наличии русских европейцев как самостоятельного этноса, борющегося за свое самоопределение. Базовой идеей о наличии нации «русские европейцы» (возможно и иное название) будут положения о цивилизационном превосходстве над «русскими азиатами» или «русским Гарлемом». Впрочем, по нашему мнению, такой сценарий является возможным, но вероятность его видится нам невысокой.

Библиография

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково Поле, 2001. 286 с.
2. *Тесля А.А.* Первый русский национализм и другие. М.: Европа, 2014. 280 с.
3. *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянство и власть как «две России» // Научно-аналитический журнал Обозреватель–Observer. 2011. Т. 260. № 9. С. 18–25.
4. *Баранов А.В.* Политические ориентации избирателей Краснодарского края в контексте политической культуры (по материалам парламентских выборов) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК (СПб.). 2006. Т. 2, №2. С. 25–35.

В.Д. Харитонов (Томск, Россия)

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗОРОАСТРИЗМА)

Современная религиозная жизнь России представлена широким кругом конфессий, особое положение среди которых занимает зороастризм – религиозное учение, возникшее в Средней Азии при-

близительно в VII в. до н. э. и названное так по имени своего основателя Заратуштры (в греческой передаче Зороастра).

Во времена поздних Сасанидов (V–VI вв. н.э.) зороастризм разделился на два течения – маздаизм и зерванизм. Маздаизм представляет собой ортодоксальный зороастризм, ориентирующийся на древние традиции. Зерванизм берет свое название от Зервана – непостижимого высшего начала, лежащего в основе всего сущего. Сами зерванисты считают, что их учение является учением скрытым и сокровенным, от которого маздаисты со временем стали отдаляться, нарушая сам дух зороастризма. В дальнейшем эти два течения развивались самостоятельно, причем количество сторонников зерванизма всегда было небольшим.

С XIX в. зороастризм стал проникать на территорию России вместе с беженцами из Азербайджана и Западного Ирана. В 1913–1917 гг. И.Н. Гантимуров, предки которого были выходцами из Ирана, пытался организовать в России первую зороастрийскую общину, осуществлению его планов помешали революционные события 1917 г. [1. С. 320].

Задача, поставленная И.Н. Гантимуровым, была решена его внуком П. Глобой. С начала 1980-х гг. П. Глоба стал читать лекции по астрологии и знакомить людей с учением зороастризма. В ходе этих лекций он объяснял, что авестийская астрология неразрывно связана с традицией зороастризма. В основе Авестийской Школы Астрологии была заложена система представлений об Абсолюте – Зерване, как первооснове любого существования. По мнению П. Глобы, зерванизм является стержнем, который может объединить очень многие не связанные между собой течения [2. С. 277]. В связи с этим он считает необходимым раскрыть массам некоторые постулаты тайного учения.

Впоследствии, зерванитские представления были дополнены религиозной этикой и традиционными зороастрийскими взглядами. Это нашло положительный отклик у многих слушателей лекций и привело к образованию в 1994 г. зороастрийской общины г. Санкт-Петербурга. Община имеет официальный статус согласно закону о религиозных объединениях, а ее духовным наставником является П. Глоба.

Таким образом, зороастризм в России в наши дни представляет собой некий феномен, являющийся синтезом двух религиозных традиций: зерванизма как скрытого учения, которое должно стать от-

крытым миру, и маздаизма как основы обрядовой практики зороастризма. Члены общины г. Санкт-Петербурга идентифицируют себя как последователи уникального зервано-зороастрийского направления в религии. Данный факт вызывает научный интерес и ставит вопрос о рассмотрении процесса формирования религиозной идентичности членов зороастрийской общины г. Санкт-Петербурга в России.

Библиография

1. *Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания*: [сборник статей]: в 4 т. / Отв. ред. М. Бурдо. М.: Логос, 2005. Т. 3.

2. *Щипков А.* Соборный двор. Публицистические статьи (1991–2001). М.: МЕДИАСОЮЗ, 2003.

А.П. Ярков (Тюмень, Россия)

ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ «МУСУЛЬМАНИН» В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Очевидно, что передача этнических ценностей от поколения к поколению всегда осуществляется многими путями, и не только прямыми контактами: старшие / младшие. Известно, что проблема этнической самоидентификации возникает в детстве, оформляется в юношестве, но особенно ярко присутствует во взрослом мире. Окружающее информационно-культурное пространство, мода, меняющиеся социально-политические ориентиры и, конечно, государственная политика вносили коррективы в представления, приоритеты, действия. Менялись и стереотипы сознания, поскольку разделение на *свой – чужой* отныне происходило не по этноконфессиональной «меже», а по социальному статусу. В обществе культивировались новые ценности, преодолевались шаблоны: в д. Кирек Томской области русские и татары отмечали Курбан-байрам, лишенный исламского контекста [1. С. 51].

Немалая часть идеологической работы по-прежнему направлялась на отделение религиозной от этнической идентичности (хотя она изначально не одномерна, завися от обстоятельств), а для обвинения в распространении «опиума для народа» приверженцев религий (для органов власти всегда – «враги», тогда как атеисты – «дру-

зья») использовались разные формы, но не все было известно уполномоченным совета по делам религий. В конце 1970-х гг. они утверждали: активности мусульмане не проявляют, в праздниках участвуют в основном старики, большая часть по традиции, а сами праздники не имеют религиозного значения. И позже барабинские и тобольно-иртышские татары не разделяли этнических и религиозных праздников [2. С. 85].

На рубеже 1980–1990-х гг. наступил период открытой легализации (реставрации) этнических и религиозных ценностей, которые иногда воспринимались синонимично. Благодаря принятому в 1990 г. Закону СССР «О свободе совести и религиозных организаций», скорректировавшему и 52-ю статью Конституции, религия вернулась в жизнь общества, а существенным фактором стала трансформация религиозной идентичности из «празднично-обрядовой» в «морально-ценностную» – на уровне индивида и групп, но еще не имевших возможности собраться.

Это часто связано с возвращением религиозной жизни не только в информационное, политическое пространство, но и в сами здания (некогда бывших мечетями) и молитвенные залы, где муллами служили выжившие в годы репрессий и потомки прежних наставников, объединяя умму.

Библиография

1. *Гончарова Т.А.* История Нижнего Притомья в контексте межэтнической коммуникации (XVII – нач. XXI в.). Томск, 2006.

2. *Корусенко М.А.* Современное состояние этнокультурных процессов у барабинских татар (по данным этносоциологического опроса 1991 г.) // Ислам, общество и культура: материалы Междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири)». Омск, 1994.

**Секция 8. ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕВРОПЕЙСКОГО
ПРОСТРАНСТВА: ИНСТИТУТЫ, ГРУППЫ, ЛЮДИ**

Richard Sakwa (Кантербери, Великобритания)

EURASIAN INTEGRATION: A QUESTION OF IDENTITY?

Why has the Eurasian economic integration project become so controversial? After all, liberal economic integration is considered one of the most progressive phenomena of our times, dealing with matters that are too large for nation states on their own. President Vladimir Putin made Eurasian integration the centrepiece of his third term, and considerable progress was made. Nevertheless, as a 'big idea' the whole notion is riven by contradiction and confusion, and thus the question inevitably arises about whether the present Russian administration has set off on a doomed historical project.

The Ukrainian crisis demonstrated that identity issues are at the heart of current debates. The paper assesses whether the whole idea is a hopeless anachronism, or if in some fathomable way it meets the progressive needs of the societies in the region, and thus can help reshape identities. The identity-shaping process is conducted in the context of the emergence of new forms of multi-polar Europe, one of the most significant developments of the post-Cold War era, yet it is an implicit admission of the failure of 'Gaullist' Gorbachevian aspirations for a 'greater Europe', formulated by Mikhail Gorbachev as a 'common European home'.

Instead, European Union aspirations for a 'wider Europe' now come into conflict with 'greater European' projects, of which the Eurasian Economic Union is the most ambitious. This signals the demise of the near-term achievement of pan-European integrative projects, notably the idea of a Union of Europe.

С.А. Алтухова (Томск, Россия)

ПРОБЛЕМА БРИТАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Первые работы, посвященные мультикультурной Великобритании, появились в начале 2000-х гг., и с тех пор их количество неизменно растет. К настоящему моменту сложился круг авторов, рассматривающих в рамках мультикультуралистской проблематики (О.С. Карнаухова, Д.Н. Федорова, М.А. Липкин, А.А. Громыко) или при изучении евро-интеграционных процессов в Великобритании (А.И. Тэвдой-Бормули) вопросы британской идентичности. Цель работы – проанализировать используемую этими авторами терминологию и подходы к ее изучению.

В своих изысканиях авторы используют два ключевых понятия: *britishness* и *englishness*. Так, М.А. Липкин отмечает их актуализацию в общественном и научном дискурсах Великобритании начиная с 1990 г. По аналогии с терминами «российский» и «русский» ученый отмечает, что первые понятия обозначают национальную, гражданскую принадлежность, вторые – этническую. По его мнению, *britishness* – это проявление британской идентичности, *englishness* – английской [1]. Именно с помощью этих рабочих терминов российские ученые исследуют проблемы идентичности мультикультурной Великобритании.

Важное место в работах отводится определению самого понятия идентичности. Историки Д.Н. Федорова, А.А. Громыко, М.А. Липкин, а также философ О. С. Карнаухова в своих работах рассматривают идентичность как совокупность коллективных архетипических установок. Д.Н. Федорова, опираясь на определение Л.П. Репиной, считает, что эти установки строятся на «противопоставлении с “другими”» и предполагают «принятие и усвоение совокупности представлений <...> форм поведения той этнической общности, с которой данный индивид себя отождествляет» [2]. Авторы выделяют следующие составляющие британской идентичности, во многом связанные с имперским прошлым: мышление в глобальных категориях свободного перемещения институтов, людей, финансов, товаров и услуг; просвещенческий мессианиззм; снисходительное отношение к другим народам; ощущение англосаксонской исключительности. Идентичность британцев в настоящее время претерпевает коренные изменения вследствие про-

изошедшего распада империи (дробление «британства» на английскую, валлийскую, шотландскую и ирландскую составляющие), демонтажа биполярной международной системы (выбор англосаксонского или европейского вектора приоритетов внешней политики) и характера современных межэтнических отношений внутри страны (процессы деволуции и мультикультурализм).

Политолог А. Тэвдой-Бормули опирается на определение известного социального психолога Г.В. Солдатовой, согласно которому идентичность представляет собой осознаваемую «совокупность отличительных признаков группы» или «психологическую основу групповой мобилизации» [3. С. 61]. Он выделяет помимо национального уровня идентичности, соотносимого с «britishness», и субнационального, «englishness», активизация которого говорит о процессах архаизации в британском обществе, еще и третий уровень – наднациональный, актуализирующийся в процессе евроинтеграции.

Таким образом, отечественные ученые для анализа британской идентичности используют понятия britishness и englishness, соотнося первое с британской, гражданской, второе – с английской, этнической идентичностью. Авторы под разным ракурсом изучают вопросы британской идентичности, определяя ее либо как коллективные архетипические установки, консолидирующие британское сообщество, либо как границеобразующее явление, дробящее общество Великобритании на отдельные группы по различным признакам. Ученые отмечают, что в обоих случаях британская идентичность в настоящее время в силу различных причин подвергается колоссальным изменениям.

Библиография

1. Липкин М.А. Двадцать первый век по Гринвичу: Британия в поисках постимперской идентичности // Национализм в мировой истории / Под ред. В.А.Тишкова, В.А.Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 122–143.

2. Федорова Д.Н. Englishness vs. Britishness или поиски национальной идентичности в Британии в 1990-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://dinafedorova.files.wordpress.com/2011/06/d184d0b5d0b4d0bed180d0bed0b2d0b0-d0b4-englishness-uiv.pdf>.

3. Тэвдой-Бормули А.И. Интеграция и кризис идентичности: националистический вызов объединяющейся Европе // Европейский союз на пороге XXI в.: выбор стратегии развития / Под ред. Ю.А. Борко, О.В. Буториной. М.: Эдиториал, 2011. С. 42–63.

Г.В. Грошева (Томск, Россия)

**ИММИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР И ПРОБЛЕМА
ФОРМИРОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ
И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕМЦЕВ
(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI в.)¹**

Актуальность изучения влияния иммиграционных процессов на состояние немецкой нации и формирования национальной идентичности немцев, обусловлена проблемами сохранения единства немецкой нации в условиях поликультурного общества и его устойчивого развития.

В российской науке уделяется большое внимание проблемам германского мультикультурализма, адаптации и интеграции в немецкое общество представителей иммигрантских сообществ (Н.Г. Беляева, И.В. Лебедева, С.В. Погорельская и др.), формирования идентичности современных немцев (Б.С. Орлов, О.М. Тюкаркина, А.С. Кириллина). Проблема влияния иммиграционного фактора на развитие концепта нации и трансформацию национальной идентичности немцев остается недостаточно изученной, что и предопределило ее выбор в качестве предмета исследования.

Трансформация национальной идентичности немцев под влиянием иммиграционного фактора представлена в статье как процесс движения от этнокультурной нации к нации гражданской. Хронология исследования охватывает период объединенной Германии (1990–2000-е гг.), что обусловлено интенсификацией в этот период иммиграционных потоков, отличающихся от более ранних количественными и качественными характеристиками.

Усиливающаяся за счет иммигрантов-мусульман разнородность немецкого общества в этническом, культурном и конфессиональном планах усугубила кризис немецкой национальной идентичности, вызванный проблемами консолидации немцев как этнокультурной нации (западные и восточные немцы, этнические немцы-переселенцы [1, 2]) и актуализировала проблему формирования общей гражданской идентичности (гражданский патриотизм Ю. Хабермаса). Среди факторов, оказывающих сдерживающее влияние на

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

процессы консолидации германского общества, отмечают как нежелание (или невозможность) иммигрантов интегрироваться в западное общество и их самоизоляция, так и гомогенность и устойчивые традиции самой немецкой культуры, не ориентированной на включение инокультурных анклавов [3. С. 98].

Продолжающиеся в Германии дискуссии о содержании понятия «немецкая нация», базирующиеся на различных подходах (концепция ведущей немецкой культуры, мультикультурная модель, концепция гражданской нации) позволяют сделать вывод об отсутствии единой стратегии в решении проблем консолидации немецкого поликультурного общества и солидарности его членов. В качестве акторов, принимающих активное участие в конструировании национальной идентичности населения Германии, можно назвать научную и творческую интеллигенцию, политическую элиту Германии (как из коренных немцев, так и из среды иммигрантов). Большое влияние на процессы формирования идентичности турков-мигрантов в Германии оказывают этнические диаспоры, исламские религиозные и политические организации, а также внешнеполитический контекст [4].

В целом можно отметить неоднозначный характер влияния иммиграционного фактора на формирование национальной идентичности немцев, незавершенный и противоречивый характер происходящих процессов.

Библиография

1. *Хайдеман Г.* Экономические, социальные и психологические аспекты объединения Германии спустя 20 лет: успехи и ошибки развития // Разрушение и возрождение в истории Германии и России: Сборник статей международной научной конференции (г. Томск, 23–25 сентября 2009 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. Вып. 7. С. 273–291.

2. *Суррун Н.И., Кулигина Т.И.* Следы советского прошлого в сознании и поведении российских немцев в Германии // Язык, культура и общество в современном мире: Материалы международной научной конференции «Язык, культура и общество в современном мире» (Нижегород, 28–30 мая 2012 г.). Нижегород, 2012. С. 73–75.

3. *Ежемещев С.С.* Внешние миграции и перспективы сохранения этносоциальной идентичности современных государств (на примере Израиля и Германии) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып.4: Востоковедение. С. 97–101.

4. *Разливаев А.А.* Мусульмане в Европе: препятствия на пути к цивилизационному компромиссу // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №2. С. 236–243.

Л.В. Дериглазова (Томск, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ¹

Сегодня Европейский союз представляет собой крупнейшее наднациональное объединение, в которое входят 28 стран. В деятельности союза сохраняются элементы межгосударственного сотрудничества и суверенитет стран-членов в определенных сферах. В то же время целый ряд совместных сфер взаимодействия стран ЕС все более усиливают наднациональное регулирование и компетенции институтов ЕС – Европейского парламента, Комиссии, Совета и Суда. Начиная с 1990-х гг. Европейский союз уделяет особое внимание созданию своего положительного образа и формированию европейской идентичности, которая все чаще выступает как синоним идентичности ЕС.

ЕС, становясь все более разнообразным, пытается создать единую политическую общность, которая была бы адекватна объективным условиям и приемлема для всех граждан ЕС. Учитывая разнообразие и пестроту внутреннего пространства (28 стран, 24 официальных языка, десятки народов и народностей, религиозное разнообразие, разный уровень экономического развития, политического устройства и т.д.), было очевидно, что ЕС должен делать упор на формирование гражданской нации как политической наднациональной общности.

Целью институтов ЕС является создание единой политической общности и усиление легитимности наднациональных элементов ЕС. Это также стремление получить одобрение жителей стран ЕС и решить проблему так называемого демократического дефицита, т.е. разрыва между институтами ЕС и простыми гражданами европейских стран.

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

В последние 20 лет развивается правовая база гражданства ЕС, которое введено Маастрихтским договором. В 2000 г. была принята Хартия основополагающих прав граждан ЕС, которая вошла в Лиссабонский договор 2007 г., придав конституционный характер этому, по сути, межправительственному соглашению. Попытки ЕС создать общую наднациональную правовую базу взаимоотношений между гражданами стран-членов ЕС и институтами ЕС можно интерпретировать как действия, направленные на формирование гражданской нации и соответствующей ей идентичности ЕС.

Можно утверждать, что в основе идентичности ЕС лежит идея «размытой государственности» с опорой на гражданство ЕС, а деятельность институтов ЕС направлена на сочетание элементов культурно-социальной и гражданской идентичности для расширения поля символического взаимодействия европейцев и институтов ЕС и повышения его «присутствия» в повседневной жизни европейцев. Можно констатировать, что в Европе идет формирование гражданской нации, которая должна обеспечить жизнеспособность многонационального и многоконфессионального сообщества. Существенным элементом устойчивости и легитимности такой формы власти является ее светский характер и равноудаленность от специфических социальных групп и закрытых форм идентичности.

Однако удаленность общеевропейских институтов от рядовых граждан по-прежнему сохраняет устойчивый образ ЕС как бюрократического образования, мало способного и незаинтересованного в решении повседневных проблем европейцев. Тем более интересным представляется задача рассмотрения действительного влияния интеграционных процессов на реализацию прав граждан ЕС и их знание о своих правах как граждан ЕС.

Л.О. Игумнова (Иркутск, Россия)

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ В КОНСТРУИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

За время существования ЕС были сформулированы различные теоретические подходы, определяющие сущность Евросоюза как международного актора. Концепция «модели ЕС» (“Model Power Europe”) стала частью широкой дискуссии о европейской идентич-

ности и международной роли ЕС. Она появилась в результате укоренившегося имиджа Евросоюза как мирового стандарта и примера для подражания. Так, известная и часто цитируемая фраза Иана Маннерса указывает на то, что самый важный фактор, формирующий внешнюю политику ЕС и его международный имидж, «состоит не в том, что он делает или говорит, а в том, чем он является» [1. Р. 252]. Иными словами, определяющей при формировании внешнеполитического курса Евросоюза является его внутренняя сущность. Из этого утверждения следует: ЕС не нужно что-либо делать или говорить, достаточно лишь быть моделью для других, примером, которому хотелось бы подражать.

Маннерс использует медицинскую метафору и предпочитает называть этот механизм «инфицированием» (“contagion” [1. Р. 244]), также имея в виду непреднамеренную передачу идей ЕС другим акторам, ведущую к копированию европейской модели. Передача норм и стандартов ЕС в данном случае не является результатом конкретных действий Брюсселя. Инфицирование происходит в силу внутренней убежденности реципиента в желательности усвоения новых норм.

Концепция моделирования близка такому известному эксперту внешней политики ЕС, как Ян Зеленка, который считает, что Европа должна быть именно моделью – империей-образцом, а не супердержавой. Империя, о которой пишет автор, не стремится к подчинению остальных или навязыванию своей экономической и политической модели, она экспортирует нормы силой примера и убеждения [2. Р. 472, 484].

Параллельно с теоретическими дискуссиями в кругу европейских исследователей, концепция «модели ЕС» обсуждается и на официальном уровне высокопоставленными политиками и чиновниками Евросоюза. Анализируя их выступления, можно сделать вывод о том, что данная концепция близка многим из них [3, 4].

Таким образом, с точки зрения ряда европейских экспертов, характерные черты и особенности Евросоюза позволяют рассматривать его в качестве примера организации общества. В соответствии с рассматриваемой концепцией европейская идентичность во многом основывается на представлениях о привлекательности и эффективности европейской модели, демонстрирующей остальному миру экономический и политический успех.

Концепция моделирования стала важнейшей составляющей процесса конструирования европейской идентичности. Она демонстри-

рует самовосприятие ЕС (как модели и образца для подражания), а также его видение стран окружающего мира (как реципиентов европейских ценностей). Европейская идентичность связывается со способностью ЕС создавать мировые стандарты. Как следствие, миссия Брюсселя состоит в необходимости становления ЕС в качестве эффективной ролевой модели, которая приковывает к себе пристальные взоры, служит источником вдохновения и силой своего примера заставляет другие страны играть по своим правилам.

Библиография

1. *Manners I.* Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40, № 2. P. 235–258.
2. *Zielonka J.* Europe as a Global Actor: Empire by Example? // *International Affairs*. 2008. Vol. 84:3. P. 471–484.
3. *Miliband D.* “Europe 2030: Model Power not Superpower”. Speech by MP Foreign Secretary to the College of Europe, Bruges, 15 November 2007.
4. *Solana J.* “Shaping an Effective EU Foreign Policy”. Speech by EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy, Brussels, Konrad Adenauer Foundation, 24 January 2005. P. 3.

Г.С. Климова (Москва, Россия)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Стремительные изменения окружающего мира ощущаются повсеместно. Нередко они воспринимаются как предвестники «тьмы, которая может опуститься, как только исчезнут границы земель, обозначающие объективные, постоянные, положительные пределы нашей совместной принадлежности некоему целому» [1. С. 345]. Действительно, самоидентификация человека сегодня похожа на пазл. Это ставит под сомнение будущее традиционных социальных общностей – от семьи и конфессии до этносов и наций. Проблема кризиса идентичности, столь обсуждаемая сегодня, приобретает особое звучание в контексте интеграционных процессов.

Европейская интеграция стала одним из знаковых явлений второй половины XX в. и, очевидно, состоявшимся историческим фактом к началу XXI в. Формирование ЕС наглядно подтверждает деформацию национальных государств и ставит вопрос о потенциале наднациональной идентичности. Идентичности, выходящей за пределы этничности.

Несмотря на глубокие исторические корни идеи «Объединенной Европы», примордиалистский подход и как научная парадигма, и как базис наднациональной самоидентификации представляется ограниченным. Представления об исконности наднациональной идентичности европейцев не имеют под собой достаточных оснований, как минимум, по причине несформированности данного явления.

Обращаясь к институционализму, мы можем сказать, что в контексте формирования европейской наднациональной идентичности этот подход очень легко проследить на уровне работы Брюсселя. Существует целый комплекс документов и программ, нацеленных на создание европейской общности. Одним из первых таких документов был «Об облике Европы», сформулировавший общеевропейские ценности еще в 1973 г. Вся структура ЕС, и прежде всего, институт общеевропейского гражданства могут быть рассмотрены как инструменты формирования наднациональной идентичности. Существуют программы, целью которых является появление Европейца. Одним из примеров является культурная политика ЕС. Первая официальная фаза культурных мероприятий Союза началась в 1994 г. В 1998 г. было решено заменить имеющиеся программы на единую программу «Культура 2000», цель которой – поддержание культурного разнообразия в странах Евросоюза и мобильность культуры в пределах ЕС. Программа «Культурная столица Европы» является удачным примером формирования условий для межкультурного диалога, равно как и серия конференций (например, «Душа Европы» 2004 г.). Однако несмотря на обширность институциональных действий, их эффективность и успех ограничены. По опросам Евробарометра, 85 % респондентов идентифицируют себя с национальным государством и лишь затем с ЕС [2].

В связи с этим можно утверждать, что наиболее перспективным подходом является конструктивизм. Интеракция и коммуникативный дискурс обладают высоким потенциалом с точки зрения формирования национальной идентичности, поскольку создают знаковое поле, культурные маркеры на уровне самого сообщества и индивидов, в него входящих. Во многом именно об этом пишет в своей последней книге Ю. Хабермас, отмечая, что преодоление кризиса интеграционного процесса невозможно без расширения вовлеченности граждан в процесс принятия решений [3]. А это осуществимо только, если граждане ЕС будут ощущать себя европейцами, по крайней мере не в меньшей степени, чем французами, итальянцами или немцами.

Библиография

1. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.
2. Eurobarometer 61. The future of Europe. February-March 2006. Publication May 2006.
3. Habermas J. The crisis of the European Union. A response. Polity. 2012.

Д.С. Коньков (Томск, Россия)

ИДЕНТИЧНОСТЬ СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ: ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА РОМАНСКОГО МИРА¹

В V в. Европа переживала один из глобальных кризисов в своей истории. Западная Римская империя вместе с античными традициями и идеологией уходила в прошлое, превращаясь в конгломерат варварских королевств. Насколько отражался этот кризисный процесс на трансформации идентичности отдельного человека, в масштабе социальных структур и практик, можно судить по текстам Сидония Аполлиинария, южно-галльского аристократа и поэта. Сидоний акцентирует свою идентичность как литературного деятеля, формируя в текстах соотношенный с собственной фигурой круг галло-римских интеллектуалов. Создание этой сети коммуникации представляется вероятным в свете исследования Р. Матисена, посвященного родственным и литературным связям галльской аристократии V в. [1]. Так, в речи, обращенной к своему ученику Феликсу, Сидоний перечисляет ряд значимых для него на тот момент представителей галльской литературной и аристократической среды и похвально отзывается о них [2].

Как подметил Р. Матисен, реверансы Сидония преследовали цель подчеркнуть избранность и относительное превосходство над большинством отдельных писателей, продолжающих классическую традицию золотого века Рима. Отсюда представление (перформативное) Сидонием романской культуры Галлии как в целом клонящейся к упадку, с деградирующей системой образования, но при этом имеющей отдельных хранителей и апологетов истинной гра-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

мотности. Сидоний формирует личностное социальное пространство и связи в нем с помощью социально значимого, но эзотерического знания, через похвалы и лестные характеристики и, прославляя других, увеличивает собственное социальное значение.

Сидоний сознательно вплетает в свой текст образы значимых для него людей. В структуре текста он соотносит эти образы с примером эпистолярного жанра того времени – перепиской Квинта Аврелия Симмаха. Это устойчивое запараллеливание неслучайно. Сидоний отражает в нем либо действительное сходство литературных кружков Рима конца IV в. и Галлии второй половины V в., либо желаемую лично для него ситуацию. Одно не исключает другое. Интеллектуальные связи, дополняемые, перекрываемые и расширяемые родственными отношениями, скрепляли сообщества и группировки внутри аристократии поздней империи. Значению и влиятельности этих сообществ способствовало то, что они интегрировали в свою деятельность политические, философские, религиозные, социальные идеи, имплицитно разделяемые всеми участниками и корреспондентами. Поэтому литературный кружок одновременно мог играть роль политической партии или группы влияния, фракции, секты, философской школы и т.д.

На основе связей, которые отмечает Сидоний – общего дара красноречия, ораторского и поэтического мастерства, образования и эрудиции, интереса к классическому языку, – было возможно создать подобную группировку, полезную для него в первую очередь как плацдарм для лоббирования личных карьерных и идеологических интересов. Вне зависимости от того, существовал ли на самом деле кружок поэтов и риториков в Южной Галлии, сама декларация его существования Сидонием устанавливала соответствующие связи и ассоциации и формировала специфическую идентичность уникальных хранителей римских традиций на фоне общего упадка и варваризации.

Библиография

1. *Mathisen R.W.* Epistolography, Literary Circles and Family Ties in Late Roman Gaul // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 95–109.
2. *Sidonius Apollinaris.* To Felix // Sidonius. Poems and Letters. Vol. I. Harvard: Harvard University Press, 1936. P. 172–197.

Е.А. Матвеева (Иркутск, Россия)

**«ИГРЫ С ИДЕНТИЧНОСТЯМИ»: КТО И КАКУЮ
ЕВРОПЕЙСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ КОНСТРУИРУЕТ
В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ
ИТАЛИИ?**

Кампания, предшествовавшая выборам в Европарламент в мае 2014 г. и изобиловавшая антиевропейской риторикой, так же как и представление в средствах массовой информации результатов голосования, строившееся на признании победы, хотя и весьма сомнительной, партий евроскептиков, или даже партий, выражающих еврофобские взгляды, казалось бы, могут считаться абсолютно ожидаемым и закономерным явлением. Долговой кризис, проявившийся в некоторых государствах еврозоны начиная с 2009 г., послужил в странах ЕС катализатором для появления и развития разного рода популистских движений и организаций, использовавших антиевропеизм в качестве основного орудия в конкуренции с умеренными политическими силами за голоса избирателей. Само собой разумеется, этот антиевропеизм должен был подкрепляться мобилизацией национальных идентичностей и, следовательно, представлять потенциальную угрозу для идентичности европейской, что бы под ней ни понималось. Однако пристальное рассмотрение конкретных примеров практически любой страны ЕС показывает, что картина отнюдь не является такой однородной. Случай Италии в этом смысле показателен. На протяжении всего кризисного для страны периода начиная с осени 2011 г. европеизм и «европейскость» так или иначе связывались в общественно-политическом дискурсе с правительством Марио Монти, правительством экспертов-технократов, созданным без привязки к процедуре парламентских выборов, а значит воспринимавшимся как недемократичное, навязанное Брюсселем и само навязывающее политику бюджетной экономии, а значит, и сворачивания социального государства и социальных гарантий для итальянских граждан. Многочисленные опросы общественного мнения в течение всех кризисных лет фиксировали падение доверия итальянцев по отношению к Евросоюзу, был очевиден рост количества политических сил, так или иначе использовавших критику в адрес ЕС, так же как и рост популярности партий и движений, прибегавших к риторике евроскептицизма (например, «Движения 5 звезд»), но, вме-

сте с тем не Лиги Севера). Но на фоне всего этого выборы в Европарламент 2014 г. для Италии закончились крупной победой правящей и европеистской в самом привычном понимании этого термина Демократической партии (40,8%), которую в итальянских СМИ назвали «победой Европы». Безусловно, этот успех можно было бы объяснить причинами исключительно внутривнутриполитического характера: высоким уровнем поддержки итальянцев нового председателя Совета министров, Маттео Ренци, однако те же опросы общественного мнения фиксируют и значительную поддержку в Италии федералистского проекта в рамках ЕС (50% против 33%) [1]. В связи с этим кризис традиционного докризисного итальянского европеизма и утрата итальянцами привязанности к европейской идее вовсе не кажутся очевидными.

В рамках этого исследования была поставлена цель проанализировать дискурсивные практики конструирования европейской идентичности на различных уровнях итальянской публичной сферы (средства массовой информации, политические и бизнес-элиты, экспертное сообщество) с ноября 2011 г. по май 2014 г. Необходимо было выяснить, не является ли то, что обычно называется антиевропейским дискурсом (в различных его вариациях), проявлением попыток выстроить другую европейскую идентичность (другие европейские идентичности), а не ее отрицанием. Для этого, в свою очередь, нужно было соотнести наличие признаков конструирования чувства принадлежности к единой Европе с присутствием в общественно-политическом дискурсе Италии других территориальных и социальных идентичностей, а также установить характер взаимосвязей между ними.

Библиография

1. *Standard Eurobarometer 80* [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb80/eb80_it_it_nat.pdf (accessed 09.06.2014).

Секция 9. СИБИРСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.А. Анисимова, О.Г. Ечевская (Новосибирск, Россия)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК НАРРАТИВНОЙ

Представлен разработанный авторами методологический подход к исследованию механизмов формирования сибирской региональной идентичности, комбинирующий деятельностную версию конструктивистского подхода и концепцию нарративной идентичности. На собранных авторами данных показаны возможности сочетания деятельностного подхода к анализу идентичности в переселенческих обществах (на примере сибирского) и анализа биографических интервью с использованием концепции нарративной идентичности.

Нарративная идентичность [1] в общем виде понимается как представление человека о себе, артикулированное в контексте истории своего прошлого и настоящего, рассказанной в определенный момент времени, в специфической ситуации интервью. С одной стороны, нарративная идентичность – конструкция, основанная на опыте человека или собранная из значимых его фрагментов; с другой стороны, нарратив – это рассказанная история, предполагающая выстраивание логической последовательности событий, и наличие сюжета, объясняющего логику этой последовательности. Именно в связке с логикой выстраивания сюжета события, отобранные для рассказа, становятся осмысленными в контексте целостной картины жизни информанта. Понимаемая таким образом нарративная идентичность позволяет исследовать то, каким образом события прошлого отбираются, оцениваются и используются для понимания и обоснования людьми настоящего, а также определяют восприятие возможных сценариев будущего.

В исследованиях нарративной идентичности выделяются три ключевых измерения [2, 3 и др.]:

– социальное, которое отражает позиции субъекта в социальном пространстве и согласовывает ролевые ожидания;

– темпоральное, связывающее события, опыт и смыслы с временным изменением;

– рефлексивное, касающееся «самообоснований», представлений о целостности жизни и связанности различных аспектов и фрагментов биографии.

Три измерения в совокупности позволяют понять и логику выстраивания нарративной идентичности, и событийное содержание биографического повествования, и обоснование значимости отобранных для рассказа событий.

Социальное измерение биографического нарратива включает ключевые события, которые отбираются информантом в качестве важных составляющих истории жизни, а также значимых других, во взаимодействии с которыми идентичность осознается, выстраивается и оформляется.

Рефлексивное измерение отсылает к обоснованию значимости описываемых событий: почему именно эти события важны для информанта, какие оценки даются событиям, каким образом обосновывается их ценность. Анализ рефлексивного измерения нарративной идентичности позволяет также выявить моральные основания, на которых выстраивается идентичность.

Темпоральная организация нарратива, с одной стороны, увязывает события и логику их выстраивания при помощи определенной хронологической последовательности; с другой стороны, анализ темпоральных аспектов повествования позволяет выявить разные способы «исторической периодизации» биографий.

С учетом опыта проведенных исследований можно говорить о значимости личной биографии и семейной истории (часто истории переселения предков информанта в Сибирь) для формирования идентичности сибиряка. Анализ сибирской идентичности в этом случае осуществляется на основе изучения биографических нарративов жителей Сибири и выявления в структуре нарративов конструкторов (процессов и элементов) самоописания, объясняющих формирование сибирской идентичности.

Полученные данные позволяют предположить, что механизмы смыслообразования во многом обусловлены не только характером деятельности индивида, но и историей его семьи. Последовательный анализ семейных и личных биографий сибиряков позволяет понять, каким образом определенные аспекты деятельности, отобранные информантом для рассказа, выстроенные в определенной последова-

тельности, специфическим образом обоснованные и организованные темпорально, становятся основой сибирской идентичности как нарративной – как рассказанной истории о себе.

Библиография

1. *Рикер П. Я – сам как другой* / Пер. с фр. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.
2. *Рождественская Е.Ю.* Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: 4М. 2010. №30. С. 5–26.
3. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. №3. С. 38–61.

М.А. Жигунова (Омск, Россия)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

В период кардинальных трансформаций одновременно с меняющимися объективными условиями происходят и значимые перемены в сознании людей, в их системе ценностей, в ориентациях на контакты с теми или иными группами, в видении своей роли и места в новой системе общественных связей и т.п. Все это актуализирует исследования различных типов идентичности.

Представители сибирского областничества (развивавшие концепцию Сибири как особой области с присущими ей географическими, этнокультурными, политическими особенностями, а также специфическим региональным самосознанием) выдвинули тезис о новой «сибирско-русской народности». С той поры прошло немало лет, но вопрос о самобытности сибиряков по-прежнему относится к дискуссионным и активно обсуждается учеными различных специальностей как в нашей стране, так и за рубежом. Актуальность исследований этой тематики особенно возросла в конце XIX – начале XXI в., о чем свидетельствуют целый ряд проведенных конференций и новых публикаций (Н.Н. Аблажей, А.А. Анисимова, А.Е. Андюсов, А.О. Бороньев, М.А. Жигунова, О.Г. Ечевская, А.В. Ремнев, Н.Н. Родигина, Н.В. Сверкунова, Н.Г. Суворова, В.И. Супрун, М.В. Шиловский и др.).

Основой национального единства Российской Федерации является общегражданская российская идентичность. Но отсутствие общей национальной идеи, наличие множества социальных страт, имеющих разные ценностные ориентации, существенно усложняют ее формирование. Значимую роль в этом процессе может сыграть устойчивая региональная идентичность: «сильные регионы – сильная Россия!». В настоящее время, по сравнению с национальной, конфессиональной или социальной, именно региональная сибирская идентичность осознается респондентами наиболее четкой и зачастую – более значимой. Известна существующая доверительность в отношениях людей, проживающих на одной территории, определенная преемственность в воспроизводстве их традиций и культурных ценностей.

Территория Сибири представляет особый интерес. Здесь издавна накоплен опыт мирного проживания представителей различных религий, народов, социальных слоев, отличающихся многообразием культурных традиций, языков, форм хозяйственной деятельности. Подавляющее большинство современных жителей сибирского региона это русские. В настоящее время не существует единого мнения по поводу самого понятия «сибиряки». Можно выделить 5 основных подходов (несущих различную смысловую нагрузку): топонимический, историко-хронологический, психологический, антропологический и этнокультурный. Летом 2012 г. в Президиуме СО РАН прошла презентация исследования «Сибиряк: составляющие образа/особенности идентичности», которое проводилось при поддержке фонда Фридриха Эберта (Германия). Его итоги подтвердили неоднозначность дефиниции «сибиряки» и существование знаменитого «сибирского характера».

Региональная сибирская идентичность начиная с 1990-х гг. характеризовалась позитивной динамикой, топоним «сибиряк» все чаще стал использоваться людьми самых разных национальностей в качестве этнонима. Зафиксированы были такие варианты национального определения и в материалах Всероссийской переписи населения 2010 г. Отношение в российском обществе к этому факту неоднозначно: от чувства гордости за сформировавшееся и официально зафиксированное региональное самосознание жителей сибирского региона до обвинения их в национализме и сепаратизме. Олимпийские игры в Сочи 2014 г. и последние события на Украине способствовали активизации общероссийской идентичности.

Среди гетеростереотипов сибиряков лидируют следующие характеристики: здоровые, крепкие, стойкие, закаленные, деловитые,

суровые, молчаливые, угрюмые, красивые, дружелюбные, гостеприимные, патриотичные, самобытные. За рубежом существует довольно устойчивый позитивный образ Сибири и сибиряков, по сравнению с Россией и русскими в целом. Это подтвердили и все иностранные участники секции по идентичности на X конгрессе этнографов и антропологов в Москве. Более того, многие склонны рассматривать территорию Западной Сибири как своеобразный сухопутный «Ноев ковчег» для спасения существующей мировой цивилизации от предсказанных климатических и иных катастроф.

Ф.С. Корандей (Тюмень, Россия)

КАРТА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК СИМВОЛ: АВТОПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕГИОНА И ТОПОСЫ ПОПУЛЯРНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Работа подготовлена в рамках проекта «Карта Тюменской области: история символа, смыслы и практики использования, место в ландшафте», осуществляемого в 2014 г. коллективом лаборатории исторической географии и регионалистики ТюмГУ. Чрезвычайно популярный региональный символ – стилизованное картографическое изображение Тюменской области – исследуется нами с точки зрения функций его использования в разнообразных символических контекстах (в том числе административная практика, реклама, масс-медиа, городской и сельский ландшафт) с момента возникновения этой символики до наших дней.

Тюменский феномен, безусловно, не уникален. С тех пор как в начале 1990-х гг. американский географ Р.Франкавиiglia написал книгу, посвященную феномену Тех-мар mapia, в которой эволюция стилизованной карты Техаса и практики использования этого символа рассматривалась как чрезвычайно эффективный и многофункциональный инструмент формирования индивидуальной, местной и национальной идентичности жителей штата, был опубликован ряд подобных исследований. В известных нам работах иконические карты исследовались с точки зрения истории и современной практики политической пропаганды, а также дизайна, на примере карт Турции, Финляндии, США, Австралии [1, 2, 3, 4, 5]. Вместе с тем российский вариант феномена, фактически наблюдаемый на уровне ка-

ждого (?) региона РФ, еще ни разу не становился предметом специального исследования.

Предметом этого доклада является интерпретация корпуса, включающего в себя более полутора сотен стилизованных изображений карты Тюменской области, использовавшихся в качестве рисованных лозунгов, логотипов и эмблем в период с 1940-х гг. по наше время. Логика производства и потребления подобных иконических карт описывается нами с помощью концепции популярно-географического топоса. В данном случае, топосы – это устойчивая разновидность географического образа (термин Д.Н. Замятина), постоянно используемая в сфере популярного знания (пропаганды, публицистики, рекламы и т.п.), для риторического утверждения тех или иных идей. Чаще всего популярно-географические топосы, устойчивые схемы, которым следуют изображения, входящие в исследуемый корпус, являются следствием низовой инициативы, порождением низких жанров (от художников-оформителей 1960–1970 гг. до малобюджетной рекламы наших дней), откликом непрофессиональной среды на актуальные проблемы регионального характера.

Таким образом, в собранном нами корпусе отражается история данных вызовов с точки зрения этих по большей части, остающихся анонимными авторов. Иконография первого периода (1944 – начало 1990-х гг.), демонстрирующая эволюцию пропаганды, сопровождавшей процессы модернизации нефтегазодобывающей провинции, исследуется на материале местной публицистики (газета «Тюменская правда»); эмблематика второго периода (вершина которого относится к периоду между 15 апреля 1996 и 24 октября 2008 г., когда абрис Тюменской области был частью официальной символики региона) – свидетельство активных процессов формирования вариантов идентичности разного масштаба, как официально-административной, так и неформальной; эмблематика настоящего периода рассматривается прежде всего с точки зрения форм этой низовой визуальности, как представляется, типичной для РФ (пример иконической карты Ставропольского края).

Библиография

1. *Francaviglia Richard V.* The Shape of Texas. Maps as Metaphors. Texas: A&M University Press, 1995.

2. *Kosonen Katariina.* Maps, Newspapers and Nationalism: The Finnish Historical Experience // *GeoJournal*. 1999. Vol. 48. P. 91–100.

3. *Edsall Robert M.* Iconic Maps in American Political Discourse // *Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization*. 2007. Vol. 42(4). P. 335–347.

4. *Batuman Bülent.* The Shape of the Nation: Visual Production of Nationalism through Maps in Turkey // *Political Geography*. 2010. Vol. 29. С. 220–234.

5. *Dilanchian Kathryn.* The Graphic Gift: a Study of the Map of Australia's Visual Qualities. Master of Design (Research). Sydney: University of Technology, 2011.

Е.В. Луков (Томск, Россия)

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СИБИРСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖРЕГИО- НАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ «СИБИРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ»)¹

Одним из важнейших процессов в ходе реформ 1990-х гг. стало структурирование социально-политического пространства: с одной стороны – вводились новые институты, практики, учреждения; с другой, изменялась система представлений и идентификаций. Последнее было связано, прежде всего, с деятельностью федеральных и региональных элит, которые формировали (преимущественно через СМИ) новую «картину мира», которая должна была обеспечить их политическое выживание. Ситуация 1990-х гг. интересна с точки зрения наличия высокой конкуренции «идеологических проектов», причем противостояние навязываемых обществу «картин мира» имело как горизонтальное, так и вертикальное измерение.

Регионы, в лице местных элит, стали активными участниками политического процесса, и без их поддержки Федеральный центр вряд ли мог рассчитывать на продолжение радикальных преобразований. В силу этого региональные лидеры пытались оказывать давление на Центр при помощи разнообразных ресурсов, важнейшим из которых стала территориальная (или национальная) идентификация.

Использование такого регионального самосознания в политической борьбе стало возможным в связи с кризисом советской идентичности и потерей мировоззренческих ориентиров, а также с насаждаемой Центром либеральной идеологией «невмешательства государства в экономику». В свете последнего региональные элиты ста-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

ли восприниматься местным населением как «своя власть», которая в отличие от «чужого» («далекого», «устранившегося», «не понимающего местных проблем») Центра «не бросит». Заявления региональных политиков об «особости» той или иной территории встречало широкую поддержку среди общественных движений и отдельных граждан на местах, что объективно способствовало усилению региональной идентичности.

В Сибири, наряду с актуализацией идентичности в рамках отдельных субъектов Федерации, шел процесс формирования идентичности сибирской, которую можно обозначить как «межрегиональную». Во многом это было связано с деятельностью Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС), созданной в условиях нарастающего кризиса в октябре 1990 г. Участники Ассоциации, определяя свои идейно-целевые установки и развивая особые практики взаимодействия как между собой, так и с Федеральным центром, способствовали формированию «особого места» Сибири в информационном пространстве и властном дискурсе.

В данном контексте важнейшей задачей является определение самоидентификации представителей региональной политической элиты – глав администраций и председателей представительных органов субъектов Федерации, объединившихся в ассоциацию территорий Сибири. Выявление того, насколько они сами стали носителями «сибирской идентичности», позволит определить: во-первых, до какой степени «сепаратизма» региональные лидеры готовы были зайти в противостоянии с центром в период политических обострений; во-вторых, рассматривали ли они региональную идентификацию как возможный инструмент давления на Центр и направляли ли усилия на конструирование «сибирской идентичности»; в-третьих, какие идейные конструкты (мифы) лежали в основе политического мировоззрения местной власти; в-четвертых, насколько провозглашенная идея сибирского единения воспринималась на уровне руководителей регионов, от чего зависели интеграционные процессы и эффективность деятельности самой Ассоциации.

Н.И. Наумова (Томск, Россия)

**ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СИБИРСКИХ НАРОДОВ
(БУРЯТОВ, ХАКАСОВ, ЯКУТОВ, АЛТАЙЦЕВ) В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹**

В первой четверти XX в. российский мир значительно реформировался. Это сказалось на судьбе коренных сибирских народов и их взаимодействии с властью. Модернизации конца XIX – начала XX в. привела к разрыву прежних социальных связей, существовавших в системе культуры, нарушению баланса между «своим» и «чужим».

За этот период произошли изменения в системе центральной власти, ее социально-политического облика (имперская, демократическая, советская), а также местной. В годы Гражданской войны здесь действовало Временное Сибирское правительство, Директория, Российское правительство, советская власть. Каждое из них определяло свои правила в отношении этносов, их самоорганизации – культурной, национально-территориальной, что вызывало поиск самоидентификации коренных народов – российской, региональной, этнической.

В начале XX в. свое национально-культурное возрождение эти народы осмысливали в контексте общероссийского существования и региональной жизни, но при сохранении своей культурной отличительности. Предполагалась интеграция в общероссийское общество через региональное, когда многие национальные группы поддерживали автономное устройство Сибири. В то же время в рамках этого процесса стал формироваться культурный этноцентризм. И региональная идентичность начинает отходить на второй план. Этничность становится ведущей в процессах идентификации.

В этот переходный период смены системы власти происходил передел собственности, менялась роль социальных групп, усиливалось взаимодействие между этническими и социальными сообществами. Политическая роль каждой из них влияла на целостность региона, единство государства. После Февральской рево-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

люции национальные идеологические течения оформились в организации, которые формулировали вопросы о праве народов на самоопределение и выборе своей национальной идентичности, одновременно выстраивая механизм самоидентификации. На национальных съездах бурят, якутов, алтайцев, хакасов были созданы свои организационные структуры – Бурятский национальный комитет (затем Бурятская народная дума), Алтайская горная дума (впоследствии – Главный национальный комитет алтайских туземных народностей), Хакасская степная управа, Якутский национальный комитет. Они стремились отражать общезнационные интересы и представлять их перед властью. Деятельность таких многофункциональных органов управления была нацелена на консолидацию народов, формирование этнической идентичности – в первую очередь моноэтнический тип на этноареальной основе (национальные земства, государственные образования). Таким образом, масштаб этничности менялся, приобретая черты этатизма: государство Ойрот у алтайцев, проект создания своего государства у хакасов. Буряты проявили стремление к интеграции в суперэтническую наднациональную общность, локальную цивилизацию на основе доктрины панмонголизма. Такое сообщество приобретало новый уровень – ирредентистский.

Подобные изменения идентичности от культурной к этатистской и даже суперэтнической необходимо более полно исследовать, объясняя роль политических и социально-экономических внутренних факторов, влияния геополитических изменений, внешних факторов, механизм конструирования идентичности, значение в этом национальных лидеров. Одновременно требуется объяснить причины переменчивости идентичности. Следует выявить роль исторической памяти, исторического прошлого и ее использования для консолидации этносов и формирования их идентичности в этот период. Не в полном объеме исследован вопрос о том, как в этот процесс было включено большинство представителей этносов, а не только их активная часть и лидеры.

Н.Н. Родигина (Новосибирск, Россия)

**КТО И КАК КОНСТРУИРОВАЛ ОБРАЗ СИБИРЯКА
В ЖУРНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX – НАЧАЛЕ XX в.***

Образ сибиряка в русской культуре XIX – начала XX в. достаточно давно привлекает внимание историков, филологов, социологов и этнографов. Сама история изучения этого образа, причин и контекстов его актуализации может быть предметом историографической рефлексии. Кратко остановлюсь лишь на тех работах, которые стали для меня отправными в выяснении вопроса о том, кто, когда и почему будировал тему о существовании особой социокультурной / антропологической / социально-психологической / этнографической общности русских сибиряков в русской периодической печати позднеимперского периода.

Отправными для меня стали наблюдения М.В. Шиловского об историческом и биографическом контекстах актуализации областной версии «особого типа русской народности в Сибири». Исследования А.В. Ремнева позволили уточнить эволюцию представлений о регионе и его населении в общественной мысли и дискурсивных практиках центральной и местной власти, определить факторы, предопределившие эту эволюцию. Символичность, подвижность представлений о «естественной» границе между «внутренней» Россией и Сибирью и, соответственно, между русскими из европейской и азиатской частей империи акцентирована М. Бассиным. Влияние процессов «обынородчивания» сибиряков на имперский миф о непобедимости русского национального духа и высоком цивилизаторском потенциале русских переселенцев проанализировано В. Сандерландом, работа которого заставила задуматься о критериях «русскости» сибиряков в публицистике времен заката империи. Труды В.И. Тюпы, К.В. Анисимова дали возможность судить о репрезентациях сибиряка в «сибирском тексте» русской литературы. Публикации Н.В. Сверкуновой, М.А. Жигуновой способствовали выявлению тех компонентов социокультурного мифа XIX столетия о сибиряках, которые оказались наиболее устойчивы во времени и

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00258а.

вливают на региональную идентификацию современных жителей Сибири.

Я стремлюсь понять, кто, когда, в связи с какими обстоятельствами, на страницах каких изданий конструировал образ сибиряка для русской читающей публики; какие цели при этом преследовались; интересы каких сообществ формулировали авторы; кто был адресатом текстов о сибиряках и какой отклик имели эти тексты. Объектом моего анализа стали публикации «толстых» журналов («Русский вестник», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство», «Мир божий»), рассчитанных преимущественно на русских интеллектуалов, и тексты еженедельных изданий «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», ориентированные на массового читателя. За пределами моего внимания остались тексты областников, опубликованные в журналах «Дело», «Русское слово», ввиду того, что они уже достаточно хорошо изучены специалистами.

Дискурс о социокультурном и этнографическом своеобразии русского населения Сибири в русской журнальной прессе актуализируется в 1880-е гг. в связи с общим интересом к региону, связанным с ростом переселенческого движения, проектами строительства сибирской железной дороги, переосмыслением на правительственном уровне основ региональной политики, интенсификацией интеллектуальных коммуникаций между столичной и провинциальной интеллигенцией, ростом регионального самосознания сибирской интеллигенции, популярностью этнографической науки.

На страницах преимущественно либеральных и народнических ежемесячников появляются публицистические и исследовательские статьи И.Г. Прыжова, А.Н. Пыпина, Н.М. Астырева, А.А. Исаева, Л.С. Личкова, Н.О. Осипова, С.Л. Чудновского, А.А. Кауфмана и др., посвященные истории формирования старожильского населения Сибири, его социокультурным и социально-психологическим характеристикам. Если для идейных ежемесячников повествование о сибиряках было частью тематических дискурсов о статусе Сибири в составе империи, о подвижнической роли интеллигенции в провинции, о задачах развития антропологии и этнографии на имперских окраинах и др., то для еженедельных изданий оно было периферийным сюжетом, упоминавшимся в текстах о сибирских городах и публикациях историко-этнографического характера.

Начиная с 1880-х гг. образ сибиряка конструировался главным образом не сибиряками и являл собой столичную версию репрезен-

таций «сибирскости». Содержание образа в «толстых» журналах зависело от предметной специализации его авторов, их мировоззренческой ориентации и доминировавшей идентичности, характера биографической связи с регионом (большая часть писавших о сибиряках познакомились с ними в ссылке или во время служебных командировок в регион). Авторы подавляющего числа публикаций о сибиряках в «тонких» журналах в Сибири никогда не были и черпали знания о местных русских из художественной и справочной литературы, периодических изданий. Предпринятый мною анализ свидетельствует, что образ сибиряка зависел больше от задач и контекста его актуализации, нежели от образа жизни, антропологических, социально-экономических, социокультурных особенностей русского населения Сибири изучаемой эпохи.

Н.Г. Суворова (Омск, Россия)

**СИБИРСКАЯ НАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ
XIX в., ИЛИ КАК ИЗ КРЕСТЬЯН ДЕЛАЛИ СИБИРЯКОВ
(ПО ИТОГАМ СОВМЕСТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
С А.В. РЕМНЕВЫМ)**

Значительная часть научного творчества А.В. Ремнева посвящена проблемам имперского строительства на азиатских окраинах. Предложенные им концепции имперской географии власти, ментального конструирования сибирского пространства, дискурсивных практик постколониальной теории динамично развиваются в современной гуманитаристике не только как самостоятельные направления сибиреведения, но и в целом новой имперской истории. Научные достижения ученого нашли отражение в многочисленных публикациях и получили высокую оценку маститых ученых. Задача настоящего исследования поделиться результатами нашего совместного многолетнего проекта «Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века», а также впечатлениями о научной мастерской Историка, представить решение некоторых поставленных им задач. Имеющиеся источники (опубликованные статьи и монографии, неопубликованные заметки, переписка с коллегами, интервью СМИ, рецензии и отзывы) позволяют вести продолжающийся диалог с Учителем.

Особой актуальностью и новизной постановки задач отличается исследование национальных сценариев колонизации Азиатской России [См.: 1, 2]. Эти работы отличаются не только новизной постановки проблем и скрупулезностью анализа обширного и разнопланового источникового материала, но и тем, что задают векторы дальнейших исследований. Преодолевая односторонность и абсолютизацию либо социального, либо национального, либо ориентального дискурса, А.В. Ремнев предлагал в своих работах исследование колонизационных процессов «на пересечениях». В контексте такого пересечения он предлагал по-новому посмотреть на крестьянина и «включить его в имперский дискурс, в концепцию «народного самодержавия» и своеобразного «народного империализма».

Ряд сюжетов, связанных с конструированием национальных и территориальных идентичностей на азиатских окраинах империи, были заявлены [3, 4] и требуют дальнейших изысканий.

В данном исследовании предполагается на основе уже проделанной работы охарактеризовать основные механизмы конструирования сибирской идентичности в крестьянской среде. Вопрос о «сибиряке» или «сибирстве» – вопрос дискурсивных практик общественно-политического и колонизационного контента второй половины XIX – начала XX в. В качестве субъекта конструирования выступают имперские эксперты и их оппоненты, создатели колонизационных проектов, их реализаторы и критики.

Представляется также значимым сопоставить полученные выводы о специфике имперской идеологии и колонизационных сценариев, используемых на азиатских окраинах Российской империи, с работами по схожей проблематике, сделанными на примере других регионов и империй, выявить историографический контекст формирования этих идей, их теоретико-методологические основания, содержание, а также их значения для смежных гуманитарных дисциплин.

Библиография

1. *Ремнев А.В.* Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX века // *Полития*. 2011. № 3(62). С. 109–128.
2. *Ремнев А.В.* «Сибирский народ»: колониальный и региональный контексты несостоявшегося интеллектуального проекта XIX века // *Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике*: Сб. научных статей. Иркутск: Отгиск, 2010. С. 46–54.

3. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. 2008. № 11(29). С. 132–179.

4. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные» культуртрегеры // Ab imperio. 2008. № 2. С. 157–222.

М.А. Фадеева (Екатеринбург, Россия)

РАЗВИТИЕ КОНГЛОМЕРАТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ¹

Проблема идентичности входит в «шорт лист» проблем современности. Множество исследований посвящено этнической, национальной (гражданской) идентичности. При этом исследования региональной идентичности находятся далеко не на первом месте. Однако именно регион представляет собой средоточие жизни. На долю властей региона выпадает задача управления живущим на территории региона полиэтничным населением, где этнический баланс постоянно меняется. Для этого могут быть избраны различные властные стратегии, одной из которых может стать конструирование конгломератной идентичности регионального сообщества.

Под идентичностью понимается принадлежность субъекта к различным социальным группам, выделенным по целому спектру оснований. В силу примордиалистских представлений об этничности этническая идентичность видится константной среди прочих меняющихся идентичностей. Ценностно-эмоциональное отношение и осознание принадлежности к месту жительства (региональная идентичность) в условиях географической мобильности не носят неизменного характера.

Среди множества идентичностей выделяется конгломератная (Д. Лейтин) или множественная (В. Тишков) этническая идентичность. Можно предположить, что конгломератной может быть не только этническая, но и региональная идентичность.

Можно выделить типы нейтральной, нормальной и утрированной региональной идентичности. Нейтральная региональная иден-

---

¹ Доклад подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН (научный проект № 12-И-6-2062 «Этнополитические процессы и межэтнические отношения в Урало-Поволжском регионе Российской Федерации»).

тичность как «нулевое» эмоционально-ценностное отношение имеет место тогда, когда субъект, находясь на определенной территории, не осознает своей принадлежности к ней, не связывает с ней свое будущее, относится как к месту временного пребывания. Утриванная региональная идентичность, как сверхпозитивное эмоционально-ценностное отношение, может фиксироваться тогда, когда субъект наделяет абсолютной, высшей ценностью регион и все, что к нему относится, от потребительских товаров и услуг до политических идеологий. При этом выбор регионального детерминирован самим региональным статусом, а все нерегиональное воспринимается как чужое и чуждое до враждебности. При распространенности такого типа идентичности в условиях моноэтничного региона такого рода отношения могут порождать сепаратистские и ирредентистские настроения. Нормальная региональная идентичность означает позитивное ценностно-эмоциональное отношение к месту жительства, с которым связывается благополучие, развитие, жизненные стратегии. Нормальная региональная идентичность может быть базовым элементом в стратегии управления регионом.

Идентичности, в том числе и региональные, имеют объективные основания, однако они могут конструироваться. В конструировании региональной идентичности можно выявить ряд стратегем, с помощью которых формируется положительное ценностно-эмоциональное отношение к принадлежности к территории и региональному сообществу. Во-первых, региональная идентичность не является противоположностью этничности, она не противоречит и не противопоставляется этнической идентичности. Так, например, исторически обусловленными, привычными и работающими концептами этнорегиональной идентичности стали такие концепты, как «уральские татары», «уральские немцы». Аналогичные концепты могут быть выстроены и отнесены к другим этносам и этническим группам как автохтонного населения, так и новых переселенцев. Во-вторых, региональная идентичность множественна в отношении размеров и статуса поселений в регионе. Можно выделить идентичность жителей мегаполиса, жителей города «среднего звена», жителей малого города, жителей села. Содержание понятий расширяется, когда региональная принадлежность находится на первом месте. Например, идентичность жителей мегаполиса – идентичность жителей уральского мегаполиса. В-третьих, привлекательность региона и, как следствие, положительное ценностно-эмоциональное отношение к

нему при возможности конструирования положительной региональной идентичности не может возникнуть «по приказу», за счет идеологического насилия и агрессии, оно формируется при наличии ряда благоприятных условий, делающих регион привлекательным для жителей.

Конструирование нормальной конгломератной региональной идентичности способно внести существенный вклад в динамичное развитие региона.

О.А. Харусь (Томск, Россия)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1916 гг.)¹

Основные тенденции, этапы и динамика процесса конструирования сибирской идентичности достаточно четко представлены в современной исследовательской литературе. Однако в отсутствие детализированного изучения конкретных форм воплощения этого процесса обнаруживается тенденция к чрезмерной социологизации исторической реконструкции.

Исследование социальных практик, связанных с попытками инициативного меньшинства организационно оформить групповое единство на основе территориального принципа в 1914–1916 гг., имеет своей целью выявление факторов актуализации процесса конструирования региональной идентичности в условиях военного времени, определение его особенностей и результатов. Многообразии привлеченных для решения поставленных проблем источников, представленных материалами периодической печати, неопубликованными документами местных органов самоуправления, губернских жандармских управлений, резолюциями областных съездов городов региона, обеспечивает необходимые условия для реализации исследовательского замысла.

Общий патриотический подъем начального периода войны в регионе сопровождался своеобразным всплеском «местного патрио-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

тизма», стремлением общественности Сибири подчеркнуть свою готовность принять активное участие в оказании помощи стране. Необходимостью учета специфики условий региона для полноценной реализации его потенциала было продиктовано инициированное либерально настроенными кругами создание особой сибирской организации «помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны» (Сибиртета) и формирование Западно-сибирской и Восточно-сибирской областных организаций Всероссийского союза городов (ВСГ). Важным стимулом к консолидации общественности в рамках новых структур стало также стремление продемонстрировать готовность населения к реформам, призванным обеспечить благоприятные условия для развития региона.

Избранные общественными и политическими акторами Сибири способы и формы репрезентации региональной идентичности не предполагали противопоставления центру. Создание областных организаций ВСГ на съездах представителей городов Западной (апрель 1915 г.) и Восточной Сибири (апрель 1916 г.) сопровождалось активным обсуждением вопросов, связанных с реформой городского самоуправления в стране, демократизацией процедуры выборов в земство, организацией противодействия попыткам разжигания национальной розни в России, введением ответственного министерства.

Вместе с тем постановка на областных съездах вопроса о необходимости реформ не только в локальном, но и в общероссийском масштабе свидетельствовала о тенденции к политизации форм и способов репрезентации региональной идентичности. По мере обострения общенационального кризиса в стране все более явственно обнаруживались наметившиеся особенности процесса конструирования региональной идентичности, связанные с расширением его рамок и выходом из сферы повседневности в пространство публичной политики.

Предпринимавшиеся инициативным меньшинством усилия по формированию региональной общности поверх сословных (социальных), партийно-политических, национальных и этнических границ позволили привлечь к деятельности отделов Сибиртета и ВСГ представителей различных групп и слоев, людей с различными политическими воззрениями и предпочтениями. Однако столь разнородный состав организаций стал источником постоянных внутренних конфликтов, обострившихся по мере углубления социального и политического раскола общества в условиях общенационального кризиса. Дополнительным

фактором, не позволившим реализовать намеченные планы, стало противодействие со стороны властей, обеспокоенных стремлением вновь созданных структур отстоять статус автономных общественных организаций, расширить сферу своей компетенции и продолжить деятельность в послевоенный период.

Инициированные либералами практики оказались неэффективными в условиях социальной и политической поляризации общества, делавшей невозможным выстраивание горизонтальных связей взаимодействия различных групп и слоев населения Сибири. Однако применение подобных технологий репрезентации региональной идентичности, предполагавших формирование и укрепление институтов местного самоуправления, развитие общественной инициативы и солидаризацию населения для решения специфических локальных проблем с учетом общегосударственных интересов, может оказаться перспективным в условиях социально-политической стабильности и придать процессу конструирования региональной идентичности позитивный характер, способный обеспечить повышение уровня как региональной, так и общенациональной конкурентоспособности.

Д.Н. Шевелев (Томск, Россия)

**СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В ОФИЦИАЛЬНОЙ
И ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
БЕЛОЙ СИБИРИ (ИЮНЬ 1918 – ДЕКАБРЬ 1919 г.)¹**

В рамках политической системы белой Сибири сложился свой осведомительный аппарат, понимаемый как совокупность информационных, пропагандистских, культурно-просветительных и цензурных учреждений и ведомств, как гражданских, так и военных, деятельность которых была направлена на информационное и пропагандистское обеспечение проводимого Омским правительством по-

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (исследовательский проект №14-01-00395 «Государственная идеология антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы революции и Гражданской войны: роль медийного дискурса в институционализации политической власти и формировании информационного пространства»).

литического курса, идейную мобилизацию населения востока России с целью достижения победы над большевиками. Особое место отводилось периодической печати как эффективному средству пропаганды, способному в короткий срок охватывать значительные пространства и быстро воздействовать на большие группы людей.

Важной составляющей легитимации власти новых политических режимов была конкурентная борьба за гегемонию в сфере символического производства и формирование информационного, политического, социального, экономического и культурного пространства, соответствующего новой государственной доктрине. Ключевым моментом этого процесса является идеологическое обоснование формирующегося порядка, его преимуществ относительно других потенциально возможных моделей общественного развития.

Кроме того, в ситуации разрушения прежнего (имперского) механизма общественной интеграции необходимы были новые формы организации политической общности «Мы» и противопоставления ее враждебной «Они». Основной задачей, решаемой пропагандистскими ведомствами Белого Востока, являлось формирование и консолидация «воображаемого сообщества», понимаемого как «русская национальная общность», подчинение его целям борьбы с большевизмом. Анализ периодической печати официального направления позволяет выделить несколько уровней формируемой национальной и наднациональной идентичности:

- принадлежность к русским людям («Мы – русские»);
- принадлежность к сообществу славянских народов («Мы – братья-славяне»);
- принадлежность к сообществу «культурных европейских народов» («Мы – европейцы»).

В Сибири базовые для начального этапа антибольшевистской государственности политические ценности и принципы, в основе которых лежала идея областной автономии, были сформулированы еще до начала Гражданской войны. Важную роль в этом сыграли прошедшая в августе 1917 г. сибирская конференция общественных организаций и Первый областной съезд. В ходе их работы «революционная демократия» определила основные ориентиры будущего общественно-политического устройства Сибири. Они же стали своего рода «узловыми точками» нарождавшегося сибирского политического дискурса: *областная автономия, демократические выборы, принцип разделения властей, Сибирская областная дума.*

В дальнейшем политический дискурс получает развитие в дискуссиях и решениях Чрезвычайного сибирского областного съезда, «узловыми точками» которого становятся *Учредительное собрание* (как источник легитимности) и *социалистическое правительство* (от народных социалистов до большевиков). Затем произошло размежевание «революционной демократии» с «цензовыми элементами», обозначились разногласия и в стане самих областников. Однако съезд официально так и не занял антибольшевистскую позицию. *Антибольшевистский* (но не антисоветский) характер краевой власти проявился позднее – в заявлениях Сибирской областной думы.

После переворота 18 ноября 1918 г. в политической пропаганде начинают утверждаться другие ценности: «государственно-национальное единство», «сильная правительственная власть, опирающаяся на доверие народа», «укрепление порядка и государственной дисциплины», «возрождение былого величия России». Основные программные установки и идеологические приоритеты новой власти А.В. Колчак обозначил уже в первом своем обращении, а затем в ходе встречи с представителями прессы: *политический центризм, бескомпромиссная борьба с большевиками, демократическое государственное устройство, порядок и законность*. Именно они и были положены в основу правительственной пропаганды на новом этапе белого движения.

Официальная и проправительственная периодическая печать белой Сибири интерпретировала вооруженное противостояние «белых» и «красных» в логике архетипичной культурно-психологической дихотомии «добро» – «зло» («свет» – «тьма»). Можно выделить несколько бинарных оппозиций, структурирующих политическое пространство:

- цивилизация, культура vs. варварства;
- прогресс, свобода, демократия vs. реакции и тирании;
- национальное государство vs. универсализма.

Правительственная пропаганда Белого Востока строилась на соединении традиционных устоев (сильное национальное государство, православие, армия) с опорой на культурную память о героическом прошлом русского народа с ценностями, привнесенными революцией (демократия, парламентаризм, политические права и свободы). В целом, дискурс политической пропаганды антибольшевистских правительств Сибири был организован вокруг нескольких ключевых бинарных оппозиций и концептов. Эти бинарные оппозиции играли

определяющую роль в процессе производства и воспроизводства политических мифов белого движения и, в конечном итоге, в структурировании политического пространства и формировании политической идентичности.

В.В. Шевцов (Томск, Россия)

СИБИРЬ И СИБИРЯКИ НА СТРАНИЦАХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ¹

Губернские ведомости, просуществовавшие восемьдесят лет в Европейской России и шесть десятилетий в Сибири, длительное время являлись единственными провинциальными печатными органами в Тобольске, Иркутске, Красноярске и Томске.

Обращение к содержанию губернских ведомостей вносит вклад в изучение развития общественного самосознания, формирования субкультуры сибирской интеллигенции, процессов хозяйственного и научного освоения края, особенностей и тематики «сибирского текста», что, в конечном итоге, способствует расширению и детализации картины истории и культуры Сибири.

На страницах неофициальных частей губернских ведомостей Сибири были осуществлены первые реконструкции историко-культурного пространства региона его жителями, попытки самоидентификации провинции (определение местных нужд и интересов), опыты печатной фиксации своего прошлого и настоящего. Эта самопрезентация носила ограниченный и избирательный характер (в зависимости от доступных источников, выходящих из общего ряда повседневности событий, личных впечатлений и убеждений автора), однако способствовала формированию представлений о Сибири, создавала некий коллективный образ современного и прошлого «сибиряка» – русского, инородца, крестьянина, горожанина, землепроходца, казака, ссыльнопоселенца.

История губернских ведомостей была тесно связана с процессом становления правительственной статистики в сибирских губерниях. Статистические комитеты под председательством губернаторов

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

должны были осуществлять систематическое изучение губернии в топографическом, историческом, промышленном, торговом, сельскохозяйственном и других отношениях. Площадкой для организации сбора этих сведений и их публикации стали неофициальные части губернских ведомостей.

Неофициальные части губернских ведомостей внесли свой организационный и исследовательский вклад в сибирскую науку, расширение направлений ее изысканий, формирование общественного интереса к прошлому и современному состоянию Азиатской России. Губернские ведомости содействовали работе Восточно-сибирского (основано в 1851 г.) и Западно-сибирского (1877) отделов Русского географического общества. С появлением научных и ведомственных журналов, развитием государственных учреждений и общественных организаций, имеющих собственные печатные органы, научная и просветительная функция губернских ведомостей приобрела спорадический характер.

В России традиционно был высок авторитет пишущего и печатающегося в газетах и журналах человека, а Сибирь оставалась *terra incognita* не только за ее пределами, но и для живущих в ней. Эта нераспаханная в исследовательском смысле целина делала ценным каждое слово, каждое наблюдение, каждый документ об ее истории, природе и населении. Над сибирским автором не довлели ни масштабное общероссийское прошлое (как это было в Киеве, Владимире, Рязани или Архангельске), ни уже сложившаяся исследовательская традиция с авторитетными мнениями и трудами. В научном открытии Сибири, в создании ее текстов, образов и мифологем возможно было самому стать таким первооткрывателем и авторитетом (какими в изучении Сибири стали Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Н.А. Костров, В.И. Вербицкий, Н.А. Абрамов).

В отличие от частных провинциальных газет, официальная газета имела широкий круг обязательных подписчиков, рассылалась по всем сибирским и российским губерниям, что давало возможность рассказать о своем крае, городе, о пережитом или обнаруженном в архиве в простых и доступных автору литературных формах, в малом объеме и с большей уверенностью в публикации, чем во взыскательной и прихотливой столичной прессе.

Этнографические и исторические очерки были своеобразным способом самоидентификации и проявления самосознания сибирской интеллигенции, для которой возможность писательской работы

и печатного изложения своих мыслей была жизненно необходимой. Пространные и неравнодушные рассуждения о жизни Томска учителя Д.Л. Кузнецова, наблюдения красноярского врача М.Ф. Кривошапкина об образе жизни остяков и критика им славянофильства, забытые в исследовательской литературе призывы об открытии сибирского университета на страницах «Иркутских» и «Тобольских губернских ведомостей» – эта самобытная и нестандартная речь сибирского Homo Scriptor, избравшего предметом своего внимания самые разнообразные темы, пишущего и для себя самого, и для читателя, и для потомков, представляет собой живой голос эпохи и российской провинции.

М.В. Шиловский (Новосибирск, Россия)

**КОНСТРУИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА СИБИРСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЛИЧНОСТИ
Г.Н. ПОТАНИНА (1835–1920)**

Проблема региональной и социокультурной идентичности сибиряков относится к дискуссионной и активно обсуждаемой в настоящее время. Я попытаюсь выявить типичные черты образа русского старожила Сибири на примере Г.Н. Потанина, много сделавшего для теоретической разработки и эмпирического изучения феномена региональной идентичности. Объект исследования является носителем наиболее важных характеристик региональной идентичности, включающей, по мнению М.А. Жигуновой, следующие параметры: трудолюбие, терпение, неторопливость и осмотрительность, дружелюбие и коллективизм, справедливость, смелость, оптимизм, активность, любознательность [1. С. 39].

Мой герой идеально подходит на роль респондента по анализируемому вопросу: коренной сибиряк, выходец из старинного казачьего рода. Среди «казачьих черт» психоментальности традиционно выделяют, в том числе, присущие Потанину свободолюбие, демократизм, смелость и бесшабашность. Поскольку Сибирь относится к зоне активных межэтнических контактов, типичными чертами характера местных старожилов являются: доброжелательность, толерантность и терпимость во взаимоотношениях с аборигенами. Потанин с детства впитал опыт общения с казаками, накопленный поко-

лениями своих предков. Он активно отстаивал интересы аборигенов Азиатской России, руководствуясь принципом: «Каждая национальность, как бы она незначительна ни была, имеет свою миссию, свое назначение» [2. С. 295].

Характерной чертой сибиряка, зафиксированной многими современниками исследователями, являлся религиозный абсентеизм. Как ученый Потанин разрабатывал концепцию единого источника эпического наследия восточных и западных народов, полагая, что даже корни евангелического сказания о Христе ведут в Центральную Азию. Его атеизм, как и других видных областников, проявлялся в негативном отношении к любым видам миссионерской деятельности как своеобразного насилия над мировоззрением аборигенов. Единственным средством борьбы с религиозной нетерпимостью Григорий Николаевич считал развитие светской культуры у коренных народов.

Современники отмечали и такие черты характера моего героя, как удивительная скромность и доброжелательность. В то же время его отличали трудолюбие и ответственность перед обществом, родной Сибирью в плане защиты ее интересов. «Я получаю пенсию из двух источников, – писал он в 1910 г., – но оба эти источника – из народных денег. Поэтому я считаю себя обязанным возратить народу эти деньги своим трудом; считаю долгом служить сибирскому народу, нужды которого я лучше чувствую» [3. С. 285].

При всех специфических сибирских проявлениях характера, порожденных суровыми природно-климатическими условиями, Потанина отличала глубокая лиричность и одухотворенное отношение к природе. Сравнения и сопоставления можно продолжить и дальше, но воспроизведенного здесь вполне достаточно для вывода о том, что основные черты характера Г.Н. Потанина представляют идеальный пример проявления сибирской идентичности в плане презентации образа региона и его жителей применительно ко второй половине XIX– началу XX в. Самую емкую и краткую характеристику выдающемуся сибиряку как ученому дал П.П. Семенов-Тянь-Шанский: «Г.Н. Потанин соединил в себе редкие для путешественника по внутренней Азии качества: закаленное трудами и лишениями здоровье, невероятную неприхотливость и выносливость, достаточное знакомство с местными языками и умение ладить с туземцами... но более всего любовь к делу и полнейшую самоотверженную преданность науке» [4. С. 282].

Библиография

1. *Жигунова М.А.* Образы Сибири и сибиряков по данным этносоциологических исследований конца XX – начала XXI в. // *Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в.* Новосибирск, 2006.
2. *Попов И.И.* Из воспоминаний // *Литературное наследство Сибири.* Т. 7. Новосибирск, 1986.
3. *Потанин Г.Н., Васильева М.Г.* «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: переписка. Томск, 2004.
4. *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества. СПб., 1896. Т. 1.

Секция 10. ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ЕВРАЗИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ?

Л.А. Андропова (Томск, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ¹

Республика Корея (РК) является не только одной из ведущих мировых экономик, но и служит примером развития демократических принципов в дальневосточном цивилизационном ареале. В государстве, которое на протяжении всей своей истории было моноэтничным, во второй половине XX в. возник и укоренился феномен, получивший впоследствии название «регионализм», ставший отличительной чертой «корейской демократии».

Существует несколько точек зрения на причины появления регионализма в Южной Корее. Согласно одной из них регионализм имеет глубокие корни и его признаки можно увидеть уже в периоде существования Трех государств [1. Р. 398]. Согласно другой – причины регионализма лежат в традиционной клановой системе, в сильных родственных связях как между родственниками, так и между жителями одной деревни, выпускниками одной школы [2. Р. 199].

Исторически регионализм являлся основным механизмом для развития социальных взаимоотношений в корейском обществе. Истоки данного явления лежат в конфуцианской этике семьи, особенно в важности кровных, родственных и географических уз. Человек идентифицирует себя, исходя из сложных и запутанных связей родственников, друзей, коллег по работе, односельчан. Эта система социальных взаимоотношений была перенесена на территорию Корейского полуострова из Китая, согласно которой семейные общины образовывали родовую деревню, чье географическое название идентифицировалось с социальным статусом семьи и входило в часть

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

имени семьи. То есть семья теперь соотносила себя с определенным географическим местом, и в зависимости от него определялся ее социальный статус.

В XX в. внутренняя структура государства также строилась на региональных, личных, школьных узах, что отражало исторически сложившиеся взаимосвязи семьи и места. Например, Пак Чонхи и Чон Духван создавали политическую базу для своего правления, назначая на стратегически важные посты людей с юго-востока, откуда сами были родом. Традиционная политическая культура только способствовала этому, так как опиралась на регион, а не на класс, и региональные узы оказывали значительное влияние на политическую организацию государства [3. С. 72]. Можно назвать данный процесс, происходивший в 1960–1980-е гг. в Корее, регионализацией государства: назначением на ключевые посты политиков с одного региона – юго-восточных провинций Кенсан. Политические коалиции стремились к тому, чтобы ассоциироваться со своим родным регионом. Регион становился не столько территориальным, сколько уже политическим образованием.

Социальные и политические связи между руководящими семьями чеболь и важными политиками обеспечивали консолидацию экономических привилегий на юго-востоке и стали важным фактором сохранения существующего неравенства. Союз чеболь и государства был взаимовыгодным: частные предприниматели получали финансовые и административные привилегии, а государство – поддержку этого региона на выборах.

Таким образом, государство основывалось на укоренившихся связях и социальных отношениях правящей элиты, происходивших из одного региона. Результатом данного политического процесса стало региональное государство. Региональные узы сформировали культурную и идеологическую основу властных институтов. Территория в Республике Корея стала основной величиной, определяющей властные отношения и структуру.

Библиография

1. *Steinberg David I.* Politics in developing countries: comparing experience with democracy / ed. by Larry Diamond, Juan J. Linz, Seymour Martin Lipset. 2nd ed. London: Lynne Rienner Publishers, 1995.
2. *Helgesen G.* Democracy and authority in Korea: the cultural dimension in Korean Politics. GB: Curzon, 1998.

3. Андропова Л.А. Партийная система Южной Кореи: традиции и современность // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. №1(27). С. 71–75.

Е.С. Анохина (Томск, Россия)

**ИММИГРАНТЫ, РЕЭМИГРАНТЫ И «АСТРОНАВТЫ»:
ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСТВО «НОВЫХ»
КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ**

В настоящее время Китай является наиболее динамично растущим участником международных миграционных процессов с огромным потенциалом. Зарубежная китайская диаспора является самой многочисленной в мире и составляет около 40 млн человек, из них около половины – это «новые» мигранты, покинувшие Китай после 1978 г. [1. Р. 11–12]. Изменения в политической и экономической конъюнктуре страны и развитие технологий средств связи и транспорта привели к изменениям в миграционных потоках Китая.

В начале XXI в. изменилось качество китайской миграции и появилось несколько новых тенденций, ключевая из которых – появление «астронавтов», т.е. глобально ориентированных китайских мигрантов, для которых характерна высокая степень мобильности и отсутствие привязки к определенному месту жительства. Жизнь и место пребывания «астронавтов» определяются экономическими и бытовыми соображениями (более высоко оплачиваемой работой, лучшими условиями проживания) и зачастую меняются в зависимости от текущей экономической конъюнктуры. Рядовым событием становится работа в одной стране, а проживание в другой или частая смена мест проживания.

К «астронавтам» часто применяют понятия «гибкого гражданства» и «инструментального гражданства», т.е. гражданства, являющегося инструментом достижения неких профессиональных и бизнес целей [2. Р. 6; 3. Р. 374]. Как правило, оно получается китайскими мигрантами в более развитых либо комфортных для проживания странах (Австралии, Новой Зеландии, Канаде и т.д.). Таким образом, теряется не только гражданская лояльность зарубежных китайцев к своей исторической родине, но и утрачивается интерес к культуре и историческому наследию. Формируется разрыв между идентичностью, определяемой национальной принадлежностью и происхожде-

нием, и персональной идентичностью, сформированной под влиянием политических или экономических факторов или в процессе миграции. Будучи китайцами по происхождению, они становятся скорее космополитами по мировоззрению.

С другой стороны, начинает расти численность реэмигрантов, возвращающихся на историческую родину. Однако, по мнению американского исследователя Ли Вэй, реэмиграция – это часть более широкого феномена транснационализма китайцев [4]. Полученные Ли Вэй данные свидетельствуют о том, что значительная часть китайских студентов готова вернуться на родину, завершив обучение в США, но китайское правительство парадоксальным образом в них не заинтересовано, поскольку рассчитывает на возвращение молодых, но уже профессионально состоявшихся реэмигрантов. Это стимулирует выпускников на миграцию в третьи страны в целях получения профессионального опыта. Однако после профессионального становления зарубежные китайцы уже не стремятся вернуться в Китай на постоянное место проживания, предпочитая быть «астронавтами», то есть жить и работать одновременно в нескольких странах.

Таким образом, исследователи задаются вопросом: «Кто они – новые китайские мигранты: иммигранты или «астронавты»; образец малой народности, стопроцентные американцы или вечные иностранцы?». Это люди, которые потеряли старые корни и не обрели новые, или люди, имеющие множество корней в разных странах мира?

Библиография

1. *Qiaowu tongji nian bao*. 2011. (Статистический ежегодник комиссии по делам зарубежных китайцев 2011). Taiwan, 2011.
2. *Ong A.* Flexible Citizenship: The Cultural Logics of Transnationality. London, Durham, 1999.
3. *Ip D., Inglis C., Wu C.T.* Concepts of Citizenship and Identity among Recent Asian Immigrants in Australia // *Asian and Pacific Migration Journal*. 1997. №3/4.
4. *Wei Li.* Returned Migration and Transnationalism. Presentation at ISSCO VIII. Kuala Lumpur, Malaysia. August 17th. 2013.

О.М. Ворожищева (Томск, Россия)

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В СТРАНАХ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА XIX–XXI вв.**

В настоящее время около 7 миллионов этнических корейцев проживает за пределами Корейского полуострова. Примерно половина из них – в странах Дальнего Востока: России, Китае и Японии. Представители корейской диаспоры прочно занимают свои ниши в социумах этих государств. Но корейцам пришлось пройти длинный путь социокультурной адаптации и интеграции в принимающие сообщества. Не всегда этот процесс был гладким, а в отдельные периоды сопровождался серьезными трансформациями их культуры и этнического сознания.

Во второй половине XIX в. началось формирование корейской диаспоры в разных регионах Дальнего Востока. Процесс этот был не случайным, а обусловленным рядом причин: непростыми социально-экономическими и политическими условиями, сложной внешне-политической ситуацией в регионе [1].

В зависимости от политики принимающих государств менялись модели адаптации этнических корейцев и, соответственно, шел процесс трансформации социокультурной идентичности внутри общины. Российские корейцы, реагируя на отношение местных властей, придерживались различных стратегий поведения, начиная от частичной интеграции в принимающее сообщество до вынужденной ассимиляции и последующим отождествления себя, прежде всего, с гражданством Российской Федерации и стран СНГ, а не со своей исторической родиной [2].

Корейская диаспора КНР в процессе адаптации прошла путь от частичной автаркии в довоенный период к интеграции в китайское общество и в отличие от России, и тем более Японии, в большей степени смогла сохранить основные элементы этнической культуры. Во многом это связано с лояльной политикой правительства КНР, которая поддерживает национальные меньшинства [2].

В Японии в силу дискриминационной политики государства корейцы вынуждены были сначала прибегнуть к пассивной автаркии, затем, пусть и принудительно, ассимилироваться с японцами. Корейцам в Японии так и не удалось до конца интегрироваться в при-

нимающее сообщество, что связано, прежде всего, с соответствующей позицией японского общества и власти. Таким образом, положение корейской диаспоры Японии по сравнению с другими странами Дальнего Востока очень неоднозначное [3].

В целом можно отметить, что адаптация корейцев в странах Дальнего Востока проходила по индивидуальному сценарию, разной была и степень социокультурной трансформации. В Китае к настоящему моменту корейская диаспора официально признана правительством как национальное меньшинство, она имеет свой автономный округ. Благодаря этому они в значительной степени смогли сохранить свою этническую культуру и традиции. С другой стороны, в России и странах СНГ в силу политических событий советского периода были утрачены многие традиции и обычаи. В настоящее время либеральная политика Правительства РФ способствует восстановлению многих корейских традиций внутри общины. Сложной остается ситуация корейской диаспоры в Японии потому, что по историческим причинам этнические корейцы в этой стране не только утратили свою культуру и практически полностью ассимилированы японцами, но и по-прежнему подвергаются определенной дискриминации со стороны японского общества, что осложняет процесс самоидентификации. В то же время корейская диаспора во всех вышеперечисленных странах прочно закрепилась в жизни общества, и вряд ли эта ситуация изменится кардинальным образом в обозримом будущем.

Библиография

1. *Ким Г.Н.* История иммиграции корейцев: в 2 кн. Книга вторая: 1945–2000 годы. Ч. I. Алматы: Дайк-пресс, 2006. 428 с.
2. *Ким Г.Н.* Корейцы за рубежом: прошлое, настоящее и будущее. Алматы: Гылым, 1995. 202 с.
3. *Ворожищева О.М.* Этнокультурная характеристика корейской диаспоры в Китае // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №6(26). С. 153–157.

Н.А. Лойко (Томск, Россия)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Человеческие коллективы – не просто набор жестких структурных образований с присущими им функциями, но динамичные сис-

темы со своими активными деятелями, от которых исходит импульс трансформации социальных отношений, институтов и структур общества. Обеспечение связи между современным социальным и политическим дискурсом и теми событиями, которые предположительно произошли в прошлом, в процессе чего происходит конструирование истории, определение значимости событий, конструирование идентичности, осуществляется с подачи тех самых активных деятелей (которые в большинстве случаев будут являться «национальной элитой»).

Для того чтобы понять смысл усилий, предпринимаемых тем или иным обществом для отделения себя от «прочих», подобно ему организованных групп людей, следовало проникнуть вглубь его истории, ментальности, экономических, культурных и политических отношений с другими группами.

Современная социологическая наука, думается, оперировала бы в отношении событий в Монголии 1989–1990 гг. понятием кризиса идентичности в условиях перехода от социалистической системы к другой картине мира. Сложившаяся ситуация способствовала продвижению (на эмоциональном уровне) идей легитимности новой картины мира. Советскому дискурсу, описывающему социалистическую реальность в категориях монгольской нации, составленной из национального пролетариата, трудового аратства и интеллигенции, а в отношении досоциалистической Монголии оперирующему термином «племя», противопоставили социальные структуры средневековой Монголии. Была создана концепция «монгольской кочевой цивилизации», наследницы более древних культур Евразии – гуннов (хунну), сяньби, жуань-жуань, орхонских тюрков.

«Крах ленинской идеи о праве наций на самоопределение становится все более очевидным во второй половине 1990-х гг. под давлением новых идентичностей. С этого времени монгольская нация периода социализма начала распадаться на племенные группы: халхасы, баяты, дюрбеты и т.д. В разделе «гражданство» теперь указывают Монголию, в разделе «этничность» – принадлежность к племенной группе, ястан (кость, род). На первый план выступила подавлявшаяся в период социалистического нацистроительства идеология трайбализма. В основу новой монгольской идентичности ложится принадлежность к группе халхасов, численно и политически доминирующей в современной Монголии. Считается, что именно халхасы лучше других сохранили монгольскую этничность, поскольку в меньшей степени подверглись

русификации и китаизации» [1. С. 141]. Эти новые явления свидетельствуют о происходящем в Монголии процессе конструирования современной монгольской нации.

Тоска по величию империи Чингисхана давно перекинулась из Монголии в приграничные регионы России – Туву, Бурятию, Забайкальский край и даже отчасти в отдаленную Якутию, включившиеся в борьбу за имперское наследие, за право считаться потомками Чингисхана – самыми «чистокровными и последовательными». Такая тенденция нашла отклик и в соседнем Китае, монголы которого считают себя прямыми наследниками Великого Хана.

Становится ясно, что не следует недооценивать значимость исследований этнической истории монголов. Работы, в которых анализируется современность Монголии, ясно дают понять, насколько часто обращаются сегодня к концепту Монгольской империи и, надо отметить, что в большинстве случаев обращение это происходит в рамках политического дискурса.

Библиография

1. *Михалев А.В.* Деконструкция «старшего брата»: опыт постсоветской трансформации в монгольском национализме // Палытычная сфера. 2010. № 14. С. 131–144.

С.В. Мажинский (Томск, Россия)

ВЛИЯНИЕ ХАНЬСКОЙ МИГРАЦИИ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОНГОЛОВ АВТОНОМНОГО РАЙОНА ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ В СЕРЕДИНЕ XX в.

Первый пятилетний план в КНР (1952–1957 гг.) положил начало формированию новой политической линии в отношении малых национальностей. В начале 1953 г. Центральным правительством были анонсированы переходный период работы малых народностей для усиления единого государства, сохранение равенства национальностей, усиление сплоченности национальностей, осуществление политики по отношению к малым народностям, необходимо было, в том числе, развить политику, экономику и культуру каждой национальности; избавиться от остатков межнациональной напряженности, оказать помощь в развитии каждой национальности [1].

Внутренняя Монголия была включена в первый пятилетний план как одна из приоритетных областей развития. Центральное правительство объясняло это тем, что на территории Внутренней Монголии уже был сформирован рабочий класс и функционировали партийные комитеты. Более того, Центральным правительством было заявлено, что монголы – одна из немногих национальных групп, которая стремится к развитию и модернизации [2. Р. 178].

В январе 1953 г. Пекином принимается решение о строительстве крупнейшего предприятия по производству железа и стали в западной части Суйюани в городе Баотоу. По замыслу КПК Баотоу должен был стать одним из промышленных центров нового Китая. Центральное правительство возлагало большие надежды на развитие Внутренней Монголии. Первый пятилетний план открыл новый приток ханьской миграции в данный регион [3. Р. 64].

Три основных типа миграции были сформированы и осуществлялись с конца 1952 по 1955 гг. Однако масштабы миграции в данный период были не значительными. За период с 1950 по 1954 г. включительно внутренняя миграция в Китае составила около 600000 человек, а доля мигрантов в АРВМ в этот период – около 4.1% от общего числа [4. Р.378].

С 1955 г. меняется характер миграции в отношении северо-восточного региона Китая и Внутренней Монголии. Эти изменения были вызваны резким ухудшением отношений между КНР и СССР. В 1955–1957 гг. миграция в провинцию Хэйлуцзян увеличилась с 9,54% до 17,27%, во Внутреннюю Монголию – с 4,10% до 6,75% от общего числа внутренней миграции [4. Р.378].

Миграция, с одной стороны, способствовала развитию и увеличению численности важных в стратегическом плане городов Внутренней Монголии. В период первого пятилетнего плана население Хух-Хото выросло со 148 тысяч до 320 тысяч человек, численность города Баотоу увеличилась со 149 тысяч до 500 тысяч человек [5. Р. 288]. С другой стороны, ханьская миграция спровоцировала межэтническую напряженность в регионе между монголами и ханьскими мигрантами, а также начала вытеснять традиционный монгольский образ жизни из социально-политической среды Внутренней Монголии. Вследствие этого, среди монгольского населения возрастало стремление сохранить традиционное скотоводство и связанную с ним культуру, что отражалось в усилении монгольской идентичности.

Библиография

1. *Xao Вэйминь*. Маньчжунго сибу дакайфа юй нэймэнгудэ фачжянь: цзяньпин шаошу цзуюнь «чу чжэнчжихуа» хэ миньцзу «гунчжи» (Дискуссия о развитии Западного Китая и Внутренней Монголии: обсуждение «политизации» малых национальных групп и национального «управления») // Мэнгу ши яньцзю. 2005. № 8. С. 408–420.
2. *Bulag U.E.* Collaborative nationalism the politics of friendship on China's Mongolian frontier. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Publishers, 2010.
3. *Schwarz H.G.* Chinese Migration to North-West China and Inner Mongolia, 1949–59 // *The China Quarterly*. 1963. Vol. 16.
4. *Liang Z., White M.J.* Internal migration in China, 1950–1988 // *Demography*. 1996. Vol. 33. № 3.
5. *Shabad T.* China's Changing Map: National and Regional Development, 1949–71. Praeger, 1972.

Н.Г. Носкова (Томск, Россия)

МИФ О ТАНГУНЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОРЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В эпоху глобализации, когда стираются национальные границы, когда культуры унифицируются, когда все способствует свободе передвижения капиталов, товаров, знаний, технологий и самих людей, проблема сохранения и поддержания этнической идентичности встает все более остро. Формирование корейской этнической идентичности, исследованию которой посвящена эта работа, происходило на протяжении всей истории Корейского полуострова, на каждом из ее этапов она не оставалась неизменной, ее развитие всегда шло через конфликт между традиционными ценностями прошлого и принятыми ценностями настоящего. Поэтому невозможно изучать корейскую идентичность вне ее связи с историческим и культурным контекстом. На сегодняшний день корейская идентичность определяется через спор между силами, которые стремятся сохранить традиционные ценности и идеи, и «глобальными» силами, которые появились в связи с новыми социальными изменениями, принесенными глобализацией [1].

Цель данного исследования – проанализировать роль мифа о Тангуне в формировании корейской идентичности.

Несмотря на то, что вопросы, связанные с содержанием таких понятий, как «этнос», «этничность», постоянно находятся в центре внимания ученых, а в последнее время и не только, так как эта проблематика стала особенно активно обсуждаться и в СМИ, единого их определения не выработано, и вряд ли это будет когда-либо возможно. Выделяют различные направления, среди которых можно отметить исторический, социологический, психологический. Мы будем придерживаться точки зрения, согласно которой этническая идентичность является в том числе и социальным, идеологическим конструктом, а следовательно, на ее формирование оказывали большое влияние как действия политических лидеров, интеллектуальной элиты, так и историческая и социальная ситуация в целом. Возможно ли выявление всех компонентов идентичности того или иного народа – этот вопрос остается спорным, особенно если учитывать, что «этнос есть нечто большее, чем совокупность признаков, которые могут существовать сами по себе» [2]. Мы делаем попытку понять роль только мифологических представлений, а именно одного мифа о Тангуне, в формировании корейской идентичности.

В рамках культуры мифы представляют самый ранний способ выражения образного мышления, они «колыбель» для любой национальной литературы. В рамках истории их можно рассматривать как отправную точку человеческой цивилизации. Еще Ю. В. Бромлей отмечал важность общности происхождения от одного предка (в том числе и мифологического) в самосознании. Но это не означает, что только на первом этапе становления этноса мифологические представления играют важную роль. И в современном мире они продолжают оказывать влияние на человеческую жизнь, хотя сейчас, конечно, их функция не так очевидна.

В корейской мифологии особую группу составляют мифы об основателях государств, миф о Тангуне является одним из них. Он представляет собой рассказ о появлении людей на Корейском полуострове, о «корнях» Кореи. В настоящее время каждый кореец знаком с этим мифом и, как отмечают многие исследователи, гордится тем, что является его потомком. В этом чувстве гордости за свое происхождение проявляется общенациональное самосознание.

Рассмотрев историю существования идеи «прародителя Тангуна», как она развивалась и что представляла собой в разные периоды истории Кореи, мы пришли к выводу, что эта идея постоянно претерпевала изменения, особенный интерес к ней проявлялся в крити-

ческих ситуациях (в условиях борьбы с иноземными захватчиками, периоды социально-экономической нестабильности), и со временем эта идея прочно укреплялась в сознании корейского народа. И если в самом начале с ней активно конкурировала идея о другом легендарном герое Киджа [3], то уже в начале XX в. идея «прародителя Тангуна» прочно заняла свою позицию в качестве неотъемлемого компонента корейской идентичности.

Библиография

1. *So Kyunghae, Kim Jungyun, Lee Sunyoung*. The formation of the South Korean identity through national curriculum in the South Korean historical context: Conflicts and challenges // *International Journal of Educational Development*. 2012. Vol. 32.
2. *Кузнецов В.О.* Роль категории идентичности в анализе этнического // *Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского* 2012. № 27.
3. *Sun Weiguo*. Legend, Identity, and History. The Historiographic Creation and Evolution of Tangun Choson and Kija Choson // *Chinese Studies in History*. 2011. Vol. 44. № 4.

Н.О. Ооржак (Томск, Россия)

ВОЗМОЖНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Со второй половины XX в. международное сообщество развивалось в русле регионального сотрудничества и интеграции, о чем свидетельствует европейский опыт. Одним из факторов эффективного функционирования Европейского союза считается формирование так называемой европейской идентичности.

По пути регионального сотрудничества и интеграции идет и Восточная Азия (в широком смысле – это страны ЮВА, в узком смысле – это Япония, Китай, Южная Корея и другие страны СВА). В 2005 г. на Первом Восточноазиатском саммите была поставлена цель создать Восточноазиатское сообщество на базе АСЕАН+3.

В целях создания Восточноазиатского сообщества необходимо формирование восточноазиатской идентичности. Возможность формирования региональной идентичности в Восточной Азии исследуется и широко обсуждается на разных уровнях. В силу вполне объективных причин, особый интерес к данной проблеме проявляет Япония. «Более

того, многочисленные опросы общественного мнения свидетельствуют, что восточноазиатская составляющая японской самоидентификации демонстрирует тенденцию к нарастанию» [1].

Уэнохара Хидэаки (Университет коммерции, г. Осака), основываясь на результатах социологического исследования, проведенного в Японии, Китае, Южной Корее, на Тайване JGSS центром (Японский центр социологических исследований при Министерстве науки, образования, культуры и спорта Японии) в 2008 г., приходит к выводу, что степень распространения восточноазиатской идентичности разная в странах региона, высокая степень национальной идентичности не является препятствием к формированию восточноазиатской идентичности. Ее формированию может способствовать изучение английского языка как единого языка общения в регионе, развитие туризма, культурный обмен, знакомство с поп-культурой соседних стран посредством масс-медиа [2. С. 102].

Из вышеперечисленных способов, как показывает практика, наиболее эффективным является распространение поп-культуры. Так, с конца 90-х гг. в КНР и Тайване отмечается всплеск популярности различных продуктов массовой культуры Южной Кореи. Большой интерес населения этих стран к поп-музыке, сериалам и фильмам Республики Корея вызвал «широкое распространение «корейской волны» и на другие страны региона» [3. С. 86].

Бум «корейской волны» в Японии приходится на 2003 г. и связан с трансляцией южнокорейского телевизионного сериала «Зимняя соната» [4. С. 35].

Абсолютным же лидером в регионе по распространению продуктов массовой культуры является Япония.

Следует отметить, что все еще существующие территориальные проблемы и «историческое прошлое» оказывают влияние на распространение японской массовой культуры в китайском медиапространстве, но, как отмечает Оно Сюн (профессор университета Кюсю, Центр сотрудничества стран Азии), в Китае японскую и корейскую культуру воспринимают как примерно одинаковую [5. С. 96].

В Южной Корее японская культура получила возможность свободно распространяться в 1998 г., что связано с улучшением японо-корейских отношений при администрации Ким Дэ Чжуна. Среди корейской молодежи популярны не только манга и анимэ, j-роп, японские фильмы и сериалы, но и литература. В 2006 г. доля японских произведений на рынке литературы превысила долю корейских

и составила 31 процент. Самые продаваемые авторы – это Мураками Харуки, Миябэ Миюки, Экуни Каори [5. С. 98].

Более того, в последнее время можно говорить о создании совместных корейско-японских продуктов массовой культуры, которые, в свою очередь, могут стать экспортным продуктом для рынков других стран Азии и способствовать формированию восточноазиатской идентичности.

«Эпоха, когда прогресс средств коммуникации укреплял национальную идентичность, стремительно подходит к концу. Музыка, фильмы, мгновенно проникающие сквозь государственные границы, при помощи спутникового телевидения и интернета вытесняют самосознание граждан из национальных рамок. Молодежь, погруженная в поток массовой культуры в повседневной жизни, наиболее подвержена данной тенденции» [5. С. 100].

Библиография

1. *Чугров С.В.* Японцы: гибридизация и гармонизация [Электронный ресурс]: Центр исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/japoncy_gibridizacija_i_garmonizacija_2014-05-30.htm.
2. *Уэнохара Хидэаки.* Хигаси Адзиа ни окэру торансунасенару айдэнтити (Транснациональная идентичность в Восточной Азии) // JGSS Research Series. №10. С. 93–103 [Электронный ресурс]. URL: http://jgss.daishodai.ac.jp/english/research/res_top.html.
3. *Sue Jin Lee.* The Korean Wave: The Seoul of Asia // The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications. 2011. Vol. 2. P. 85–93.
4. *Сакагами Ясуко.* Телевизионный сериал поднимает «корейскую волну» в Японии // Ниппония. 2004. №31. С. 35.
5. *Оно Сюн.* Экке суру попу карутя то хигаси адзиадин айдэнтити (Транснациональная поп-культура и восточноазиатская идентичность) // Bulletin of Kyushu University Asia Center. 2007. № 2. С. 93–101.

М.С. Рябова (Томск, Россия)

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В КИТАЕ

Число наших соотечественников, проживающих в Китае, день ото дня неуклонно растет. История русской диаспоры в Китае насчитывает около 700 лет, но сформировалась окончательно она

только с началом строительства на территории Поднебесной Китайской – Восточной железной дороги (КВЖД) в конце XIX в. [1, 2]. С этого времени можно говорить о появлении полноценной русской диаспоры. Однако в дальнейшем происходит разделение русских соотечественников в Китае: первая часть – современная диаспора, не смешавшиеся с местным населением, русские, которые на сегодняшний день являются основными трансляторами русской культуры внутри Китая. Примерная численность данной русской диаспоры в Китае на данный момент достигает 40 000 человек. Вторая часть русских соотечественников в КНР – нацменьшинство с китайским гражданством, которое признается официально национальным меньшинством, входит в число 56 народностей, и численность этнических русских в Китае в настоящее время составляет 15 609 человек. В действительности, сегодня это русские семьи, ассимилировавшиеся с местным населением, потомки от браков русских с китайцами. На протяжении нескольких лет они в Китае оставались без связи с исторической родиной в силу сложных политических отношений между СССР и КНР, тем самым еще больше отдалившись от своих исторических корней. В итоге, так называемая «историческая» русская диаспора не имеет сегодня достаточных сил для сохранения своей идентичности. Две основные проблемы для русского нацменьшинства в Китае сегодня – это сохранение языка и сохранение православной веры [3].

Сегодня во внешней политике России отношения с соотечественниками определены как одна из составляющей стратегии «мягкой силы» [4], и, безусловно, эта политика будет касаться и соотечественников в Китае. В настоящее время без поддержки из России, а также сформировавшийся в последние годы в крупных городах Китая русской общины, русское нацменьшинство в Китае может окончательно исчезнуть. В связи с этим встает вопрос, каким образом, той части русского народа, которая уже почти стала частью народа Китая, сохранить национальную идентичность? На мой взгляд, существует проблема поиска путей решения данной проблемы.

Библиография

1. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005. 430 с.

2. *Harbin and Manchuria place, space, and identity* // *The South Atlantic Quarterly*. 2000. Vol. 99. № 1.

3. *Кочубей О.И., Печерица В.Ф.* Из истории русской церковной эмиграции в Китае // *Дальний Восток и вопросы истории, культуры и экономики*. 1997. Вып. 2. С. 25–35.

4. *Тезисы о внешней политике (2012–2018 гг.)* [Электронный ресурс]: Официальный сайт Российского совета по международным делам. URL: [http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_foreign_policy\(1\).pdf](http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_foreign_policy(1).pdf).

Н.В. Турушева (Томск, Россия)

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ В КНР¹

На современном этапе под воздействием социальных и культурных трансформаций формируется новая глоболизирующаяся реальность, когда вследствие активного развития рыночных отношений усиливается мобильность населения, возрастает вовлеченность людей в культурные и социальные преобразования, идет поиск форм взаимодействия в условиях культурного многообразия. С одной стороны, происходит расширение культурных контактов и обменов, сближение народов, а с другой стороны, процессы глобализации могут явиться причиной потери народами своей культурной идентичности. Встает проблема сохранения национальной культуры.

В Китае проблема сохранения национальной идентичности в условиях модернизации является особо актуальной. Столкнувшись с вызовами глобализации, китайские интеллектуалы пытаются ответить на культурно-цивилизационный вызов Запада путем опоры на традиционные конфуцианские духовные ценности и защиты китайской духовной традиции в споре с материалистической западной культурой. Они возрождают национальную культуру в контексте современного мира. Подчеркивая современную значимость конфуцианской национальной традиции и гармонии, они стараются адаптировать национальную традицию к диалогу с другими культурами.

Для того чтобы донести до внешнего мира, что мощь Китая не нанесет вреда другим странам, и показать нацеленность его развития

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

на мирный путь, которое будет выгодно всему человечеству, руководство КПК провозгласило курс на «мирное возвышение» («*хэтин цзюэци*»). В основу данной стратегии был положен конфуцианский идеал «единения без унификации» (*хэ эр бу тун*), что подразумевает укрепление мира и сотрудничества Китая с западными странами (т.е. «*единение*»), но не предполагает позицию союзника Запада в принятии его ценностей (т.е. «*унификации*») [1]. Тем самым подчеркивалось, что Китай не будет использовать силу для навязывания своих ценностей в выстраивании своих отношений с другими государствами. Таким образом, Китай использовал идеи конфуцианской традиции, чтобы в выгодном свете представить свой внешнеполитический курс.

Одни аналитики считают, что ставка Китая на строительство, стабильность и гармонию имеет универсальную привлекательность, хотя и не заменит ценностей западной цивилизации [2]. Другие специалисты утверждают, что традиционные китайские ценности, такие как «братъ человека за основу» (*и жэнь вэй бэнь*), «гармония между человеком и природой» (*тянь жэнь хэ и*), «единения без унификации», адаптируются к современным реалиям, как и концепции «гармоничного общества» и «гармоничного мира», и могут быть альтернативой западным ценностям.

Поэтому можно говорить о том, что руководство страны осознает важность национальной китайской культуры в условиях глобализации и рассматривает ее как условие сохранения китайской идентичности. Ее преимуществами является то, что она может выступать и как орудие для внешней пропаганды, и как защита от усиливающейся экспансии западной культуры.

Культурной политике отводится важная роль в общей модернизации Китая, так как проводимые экономические и политические реформы в КНР обязательно включают культурную составляющую. Успешный опыт КНР по использованию культурного фактора, как основы идентичности в процессе модернизации представляет несомненный интерес для многих современных стран, в том числе и для России, которая также пытается определить значимость культуры в своем дальнейшем развитии и сформулировать основополагающие принципы культурной политики.

Библиография

1. Кузык Б.Н., Тутаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 423–424.
2. *Chinese Soft Power and Its Implications for the United States* [Электронный ресурс] URL: http://csis.org/files/media/isis/pubs/090403_mcgiffert_chinesesoftpower_web.pdf.

Е.В. Чигрина (Томск, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ ТОМСКИХ ТАТАР

В Томской области, по данным переписи населения 2010 г., проживает 17029 человек. Ислам – одна из главных характеристик современного татарского этноса в Томской области Российской Федерации.

Томские татары сохраняют исторически закрепившуюся за ними территорию проживания: в г. Томске и Томском районе Томской области: селениях Черная Речка, Тахтамышево, Эушта, Барабинка, Казанка, Кафтанчиково, Калтай, Курлек, Воронино, Алаево. Несколько деревень томских татар находится в Колывановском районе Новосибирской области Юрт-Оры и Юрт-Акбалык, в Кемеровской области Юргинском районе д. Зимник, Сар-Саз и Яшкинском районе д. Юрты-Константиновы.

Пришлое татарское население сосредоточено в селениях томских татар, а также в ряде других поселков области: Ново-Исламбуль, Жуково, Иштан Кривошеинского района; Батурино Кожевниковского района; Тукай Зырянского района; значительная часть татар, работающих на нефтепромыслах, проживает в г. Стрежевом.

Что касается татар, проживающих на территории Томской области, то на протяжении их этнического развития шла и трансформация их идентичности. Сначала они существовали как мелкие тюркские группы: эуштинцы, басандайцы, евагинцы. Затем на эту территорию подкочевали чаты и калмаки, они и объединились под общим названием «томские люди» (этим термином их называли русские), позднее томские татары.

К татарам Томского Приобья мусульманская религия пришла в XVII в. Ислам стал распространяться в Сибири проповедниками из Средней Азии и Казанского ханства. Шло стремительное умножение

мечетей в самых населенных центрах чатов, эуштинцев, телеутов (калмаков), это свидетельствовало об усиленной исламизации их всех к половине XIX в. Государственная внутренняя политика невольно ускорила исламизацию томско-татарского населения, облегчая консолидацию трех разнотипных основных групп томских тюрков (эуштинцев, чатов и калмаков) в единую этническую общность, куда неизбежно включались рассеянные по их юртам бухарцы и татары-переселенцы – сначала уголовные ссыльные, потом добровольно покинувшие Поволжье, Приуралье, вообще Европейскую Россию [1. С. 210, 211].

Ислам послужил фактором, объединившим эти мелкие тюркские разрозненные группы, но до конца консолидации не произошло. Томские татары знают, что есть группа калмаков, которая сегодня территориально расположена в соседней Кемеровской области.

И.Г. Комарова (Поправко): в рамках анализа влияния факторов духовной жизни на этническую идентичность татар Томской области выделила три основных аспекта: религиозный, моральный и культурно-коммуникативный.

Яркий показатель идентичности – это семейные обряды, приобретшие исламский облик. Согласимся с И.Г. Комаровой (Поправко), главным аспектом духовной жизни, повлиявшим и до сих пор влияющим на формирование, функционирование и трансляцию татарской этнической идентичности, является религия (для подавляющего большинства – ислам) [2. С. 98].

Когда в жизни человека наступают определенные события: свадьба, похороны или рождение, то происходит обращаются либо к знающим людям, чтобы совершить таинство обрядов, либо непосредственно в мечети.

Все обряды семейного цикла носят достаточно выраженный исламский характер, что не только сохраняет, но и воспроизводит мусульманско-татарскую идентичность всех групп татар, проживающих в Томской области, независимо от времени их появления и особенностей диалектов и сохраняющейся некоторой культурной специфики.

Библиография

1. *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 312 с.

2. *Комарова И.Г.* Социокультурные грани этнической идентичности татар томской области // Вестник Томского государственного университета. 2007. №302. С. 96–100.

М.Н. Шведов (Томск, Россия)

ДУЛУНЫ: НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О СОСТОЯНИИ ОБЩЕСТВА В МЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ¹

Не надо иметь специальной подготовки в какой-либо их гуманитарных наук, чтобы заметить, насколько быстро происходят перемены в Китае. Однако анализ модальности этих перемен, социальных и этнокультурных процессов, которые им сопутствуют, не терпит поверхностного взгляда. Исследователи с самой различной методологической подготовкой во всем мире изучали и продолжают изучать различные аспекты меняющегося Китая, что делает неоценимый вклад в формирование общей картины процессов, охвативших Китай с начала периода реформ и открытости (*гайгэ кайфан*). Однако вопрос, насколько мы понимаем то, что происходит в Китае с конца 70-х, а фактически, начала 80-х годов XX в., остается в известной степени открытым. В этой связи большой интерес приобретает изучение малочисленных народов Китая, населяющих самые отдаленные уголки этой страны. Одним из таких народов является народ дулун.

Дулун – китаизированная форма эндоэтнонима *tv rong* [1. С. 4], который заменил в начале 50-х гг. XX в. распространенные до этого экзоэтнонимы *Цюцзы*, *Цюйцзы*, *Цюжэнь* и т.д. Согласно переписи населения 2000 г., на территории Китая дулунами назвали себя 7 426 человек [1. Приложение 1]. Большинство дулунов проживает на северо-западе провинции Юньнань, на границе с Мьянмой в долине реки Дулунцзян (верхнее течение реки Иравади), которая административно принадлежит к Гуншань-Дулун-Нускому автономному уезду Нуцзян-Лисуского автономного округа. Язык дулунов относится к тибето-бирманской группе сино-тибетской языковой семьи.

Дулуны являются бесписьменным народом, и нам немного доподлинно известно из истории этого народа. И все же то, что мы знаем, говорит о том, что это была история сложных и не поддающихся однозначной оценке взаимоотношений с более развитыми соседями: в первую очередь с китайцами, тибетцами и наси (анализ характера этих отношений в связи с этничностью дулунов см.

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

S. Gros. Economic Marginalization and Social Identity Among the Drung People of Northwest Yunnan в 2. С. 28–49). В своем исследовании С. Гро показал, как дулуны, не имея этнического самосознания, сохраняли свою идентичность до образования КНР и какие изменения произошли в этом смысле после 1949 г.

В настоящее время мы можем наблюдать процесс социальной, экономической и этнокультурной трансформации долины реки Дулуунцзян в рамках проекта Великого открытия Запада (*сибу да кайфан*), который действует с начала 2000-х гг. Мы можем наблюдать процесс коммодизации культуры дулунов (о коммодизации культур других народов ср. Юньнань см. М.В. Swain. Commditized Ethnicity for Tourism Development in Yunnan в 2. С. 173–192), которая в известной степени связана с процессом, который Э. Хобсбаум называл изобретением традиций [См., напр.: 3].

Несмотря на то, что этнографами проведена большая работа по сбору данных о дулунах, этот народ до сих пор остается загадочным и малоизученным, что не может оставить равнодушными этнологов.

Библиография

1. Ян Цзянлин. Чжунго дулуунцзу (Китайские дулуны). Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2011.
2. Michaud J., Forsyth T. Moving mountains: ethnicity and livelihoods in highland China, Vietnam, and Laos. Vancouver: UBC Press, 2011.
3. Hobsbam E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge university press, 1983.

Л.И. Шерстова (Томск, Россия)

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕЛИГИОЗНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЙСКОГО НАГОРЬЯ¹

Идентичность любого этноса имеет достаточно сложную, многоуровневую структуру, что объясняется как сохранением этнокультурного наследия, в том числе и исторической памяти, так и необходимо-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

стью оптимальной адаптации к меняющемуся внешнему социальному и природному окружению. Учитывая, что для некоторых народов Саяно-Алтайского нагорья религия выступила важнейшим фактором этноформирования, она, став элементом этнического менталитета, является и важнейшим аспектом современных идентичностей.

Начиная с первой половины I тысячелетия нашей эры эта территория становится зоной распространения таких религий как буддизм, несторианство, манихейство. С приходом русских постепенно проникает православие. Особенностью всех этих религий был их эсхатологический характер – ожидание «конца света» и появления мессии. Эта новация безболезненно совместилась с архаическими представлениями предков современных тюркоязычных народов.

Следует иметь в виду особенности мировосприятия традиционных культур: в сознании их носителей Человек, Социум и Космос являются отражением друг друга, и изменения одного из них влекут за собой трансформации других. Поэтому социальные трансформации, политические реформы, экономические преобразования, этнические метаморфозы – словом, все, что меняет социальную «оболочку» этноса, неизбежно переносится на окружающий природный мир. Следствием этого является создание такой психоэмоциональной основы, которая направлена на внимательное отношение людей к возможным природным изменениям, на поиски различного рода предзнаменований, которые «угрожают» стабильности ландшафтов. Ожидание природных катастроф в виде наводнений, землетрясений, любых природных аномалий. Соответственно, изменение Космоса (Природы), обязательно влекут за собой социальные катастрофы – войны, болезни, общественную нестабильность.

Проникновение и укрепление в XVII–XVIII вв. буддизма в форме ламаизма на территорию современной Тувы и Горного Алтая, православия в Хакасию и на север Горного Алтая актуализировало архаичные и раннесредневековые эсхатологические сюжеты в сознании и мироощущении аборигенного населения. Идея конечности этого мира с последующим его возрождением через космическую катастрофу, присущая развитым религиям, нашла аналогии в религиозно-мифологических воззрениях тюрков Саяно-Алтая. Протекавшие, хотя и достаточно деформированные, этнические процессы уже в рамках Российского и Китайского государств способствовали формированию современных тюркоязычных этносов региона. Определенным барьером для снижения их аккультурационной направ-

ленности, стали архаические, но достаточно развитые местные религиозно-мифологические системы, которые еще более усложнились за счет наложения отдельных, в том числе эсхатологических сюжетов из христианства (православия) или буддизма (ламаизма).

В наиболее яркой форме это выразилось в принятии бурханизма населением бассейна верховий Чарыша и левобережья Катуня в Горном Алтае в начале XX в. В основе проповедей Чета Челпанова, первым провозгласившего заповеди «ак жан», лежало пророчество о наступлении тяжелых времен расплаты за старые и новые грехи, которые явятся причиной будущих землетрясений и наводнений. Однако грядущая катастрофа не воспринималась как конечная. Во-первых, согласно алтайским представлениям, одна Земля уже погибла во время потопа, теперь наступил период окончания существования и этой Земли. Во-вторых, «спасителем» выступит мифический герой, бывший правитель предков алтайцев – Ойрот-хан, который ушел, но обещал вернуться к своим потомкам. Чтобы ускорить его «приход», они должны сменить веру: отказаться от кровавых жертвоприношений и поверить в единого бога Бурхана, мессий которого он и выступал, и постоянно молиться. Таким образом, эсхатологический аспект с неизбежностью дополнялся мессианским, так как время в традиционном восприятии не может быть конечным – оно циклично.

Аналогичные представления о «конце мира» под влиянием ламаизма закрепились в мировоззрении тувинцев и, в какой-то степени, под воздействием православия – среди части хакасов. Из этого следует, что идентичности современных народов этого региона приобрели достаточно выраженные эсхатологические черты. По-прежнему социальные потрясения, экономическая или политическая нестабильность переживаются на эмоциональном уровне как преддверие грядущей природной катастрофы. И наоборот природные катаклизмы порождают неуверенность в социальном бытии. По-прежнему в народной среде большое значение придается различным пророчествам и предсказаниям. Землетрясение в 2004 г. и наводнение в 2014 г. в Горном Алтае частью населения воспринимается как наказание за отказ перезахоронения «Укокской принцессы». Ее дальнейшее нахождение в музее якобы приведет к новым катаклизмам. Ожидание окончания «света» по календарю мая в 2012 г. привело к тому, что значительная часть студентов из Тувы накануне покинула Томск и вернулась на родину.

Следовательно, эсхатологические сюжеты не только нашли свое место в традиционной картине мира, когда архаичное представление о тождестве Космоса, Социума и Человека постоянно актуализировалось мировыми религиями, но и стали частью мироощущения, важной составляющей идентичностей этих тюркоязычных народов, так как именно религиозный фактор стал одним из условий их формирования.

Секция 11. ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Ж.В. Волкова (Томск, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ»

Технология как наука появилась вместе с возникновением промышленности – в конце XVIII в. В экономике и управлении технология рассматривается как средство стандартизации деятельности, установления единых норм и требований к производству и управлению.

В *философской литературе* XX в. можно увидеть разные трактовки *техники и технологии*. К узким определениям техники как материального объекта можно отнести точку зрения К. Ясперса, понимающего технику как всякое оперирование материалами и силами природы для получения полезных вещей и эффектов [1]. Рассматривая технику в широком смысле, ее трактуют как совокупность предметных артефактов (искусственно связанных) для осуществления инженерной, преобразовательно-конструктивной деятельности. М. Хайдеггером было предпринято онтологическое обоснование сущности техники. Он разбирает два типа определения – инструментальный и антропологический. Первый определяет технику как орудие, второй – как деятельность человека, преследующего свои цели [2]. Такой *взгляд на технику* проявляет ее *антропологическую значимость*. *Социально-ориентированный характер* понятие «технология» впервые принимает в работах французского ученого Эдварда де Боно и можно фиксировать *социально-ориентированное рассмотрение технологий*, когда функции технологии заключаются в рационализации и повышении целенаправленности человеческой деятельности. Это созвучно представлениям о технологиях в педагогике и образовании.

Технологию обучения как совокупность средств, направленных на оптимизацию обучения, представляют В.С. Данюшенков, В. Оконь, А.Я. Савельев, Ф. Янушкевич.

Представители второго подхода (В.Ф. Башарин, М.В. Кларин, Д.В. Чернилевский) раскрывают технологию обучения как средство гарантированного достижения целей обучения.

Третьи, Г.И. Ибрагимов, В.П. Кузовлев, М. Марев, М.И. Махмутов, О.П. Околетов, понимают под технологией обучения целостную совокупность разнокачественных процедур, обусловленную соответствующими целями и содержанием обучения [3].

В работах Школы культурной политики (Г.П. Щедровицкий, П.Г. Щедровицкий и др.) вопросы технологии и технологизации связаны с решением задач развития образования [4].

В гуманитарном подходе к управлению инновациями с целью усиления эффективности управления инновациями, по мнению Г.Н. Прокументовой и Ж.В. Волковой, необходимо сосредоточить внимание на технологизации инновационной деятельности, делающей возможным изменение деятельности самим человеком и придание ей инновационного содержания [5. С. 43].

Библиография

1. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
2. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // *Вермя и бытие*. М.: Республика, 1993. 530 с.
3. *Берестовская Л.П., Берестовский А.М.* Современные личностно-ориентированные технологии. Омск, 2003.
4. *Щедровицкий П.Г.* Томские лекции об управлении. 1998–2000 гг. Томск: UFO-press, 2001. 112 с.
5. *Волкова Ж.В.* Использование технологизации инновационной деятельности участников образовательной программы для ее разработки и реализации: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Томск, 2010. 191 с.

М.В. Грибовский (Томск, Россия)

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.: ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Рассматривается университетское сообщество Российской Империи на рубеже XIX–XX вв. как особая социальная категория российского общества. Несмотря на относительную малочисленность,

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

эта группа уже с начала XIX в. играла заметную роль в жизни страны и часто выступала маркером социальных и политических процессов, происходивших в России. Университетское преподавательское сообщество можно рассматривать в качестве части российской интеллигенции, однако представляет интерес выявление основных проявлений корпоративной идентичности именно представителей университетской преподавательской корпорации. По мнению автора, в конце XIX – начале XX в. корпоративная идентичность представителей университетского сообщества проявлялась в активном участии профессоров и преподавателей в обсуждении «университетского вопроса»; попытках самоорганизации; наличии некоторых характерных элементов мировоззрения. В рассматриваемый период сотни профессоров и преподавателей принимали перманентное участие в публичном (посредством периодической печати) обсуждении актуальных проблем университетской жизни. Принадлежность к университету заставила их выступать по наиболее спорным вопросам своей профессиональной деятельности, предлагая «идеальный образ» университета. Политический катаклизм – Первая русская революция 1905–1907 гг. – выступил катализатором процесса самоорганизации университетских преподавателей. Разнообразные «союзы» и «общества», имевшие целью защиту интересов преподавателей, начали формироваться именно в революционный период. Анализ ценностных ориентиров университетской профессуры приводит к выводу о том, что, несмотря на очевидные индивидуальные различия представителей университетской общественности, имелся определенный «набор» корпоративных мировоззренческих черт, сосредоточенных вокруг понятий чести, долга, профессиональной миссии и пр. Все это, по мнению автора, позволяет говорить об университетских профессорах и преподавателях как об особой корпорации, изучение жизнедеятельности которой представляет значительный научный интерес в силу того влияния, которое университетское сообщество оказывало на общественно-политическое развитие России.

В.И. Зиновьева (Томск, Россия)

**ЦЕНТР СОПРОВОЖДЕНИЯ СТУДЕНТОВ
С ИНВАЛИДНОСТЬЮ (ЦЕССИ ТУСУР) КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ
В ВУЗОВСКОЙ СРЕДЕ**

Одним из острых вопросов современного общества является проблема инвалидности, в особенности включения молодых людей с ограниченными возможностями в образовательную деятельность, повышение ее самооценки и конкурентоспособности. Сейчас в нашей стране насчитывается более 13 млн инвалидов, 20% из них составляет молодежь, а число имеющих работу не превышает 17% [1].

Сегодня исследователи только приступают к написанию специальных работ, посвященных проблемам сопровождения студентов с инвалидностью в вузах. Основные публикации по данной теме представлены, главным образом, статьями, материалами конференций. В работе Е.А. Мартыновой «Социальные и педагогические основы построения и функционирования системы доступности высшего образования для лиц с ограниченными физическими возможностями» отдельная глава посвящена процессу и механизму социализации этих людей, здесь уделяется особое внимание факторам процесса формирования личности [2]. К. Бабаян в публикации «Лидерство и инвалидность: совместимая несовместимость» уделяет внимание обоснованию необходимости формирования у лиц с ограниченными возможностями здоровья качеств лидера для того, чтобы они могли занять более мобильную жизненную позицию [3].

Между тем дестигматизация, усвоение социальных норм, отождествление себя с остальными членами общества на принципах равенства способны изменить сознание и поведение этих людей в более активном направлении. Идентификация студентов с ограниченными возможностями в вузовской системе проходит быстро и безболезненно, если в вузе есть специальные службы сопровождения.

В ТУСУРе в течение ряда лет разрабатывался проект сопровождения студентов-инвалидов, в котором приняли участие три проектные группы студентов и преподаватели кафедры истории и социальной работы. В итоге в вузе была создана самостоятельная организация – Центр сопровождения студентов с инвалидностью (ЦеССИ). По своему назначению Центр аналогичен тем службам помощи студентам-инвалидам, которые существуют в западноевропейских вузах.

В рамках вуза Центр организует индивидуальное сопровождение студентов с инвалидностью, в том числе в системе «студент – студент», групповые формы работы (включая социокультурную деятельность), работу в микросоциальной среде по пропаганде идей инклюзивного образования. Апробированную самоподдерживающуюся систему сопровождения студентов-инвалидов в условиях технического вуза можно рекомендовать другим высшим и средним специальным учебным заведениям. В результате ее внедрения интеграция студентов-инвалидов в учебную среду улучшится, что приведет к снижению их отсева, повышению успеваемости и наиболее полному раскрытию их потенциала, что в интересах самих студентов, учебных заведений и общества в целом.

Библиография

1. *О реализации мер*, направленных на развитие трудовой занятости инвалидов. Информация на начало 2012 г. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты URL: <http://www.rosmintrud./ docs/mintrud/migration/12>.

2. *Мартынова Е.А.* Социальные и педагогические основы построения и функционирования системы доступности высшего образования для лиц с ограниченными физическими возможностями. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. 383 с.

3. *Бабаян К.* Лидерство и инвалидность: совместимая несовместимость // Образование как фактор социальной мобильности инвалидов. Сборник научных трудов / Под ред. д.с.н. профессора Д.В. Зайцева. Саратов: Научная книга, 2007. С. 178–183.

Е.А. Ким (Томск, Россия)

«СИБИРСКАЯ ОДИССЕЯ» Д.Г. МЕССЕРШМИДТА: УЧЕНЫЙ И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.¹

Взаимоотношения ученого с властью, структурами на разных уровнях (в центре и провинции), роль конфессиональных, социальных, политических, этических и других аспектов в их выстраива-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

нии – эти темы по-прежнему остаются актуальными. В России создание науки как социального института в петровскую эпоху сопровождалось активным привлечением на службу ученых-иностранцев. С самого начала наука была поставлена на службу государству и его интересам, поэтому именно оно выступало заказчиком научных исследований, организатором целого ряда экспедиций в сибирскую провинцию Российской империи.

В этом контексте личность немецкого ученого-энциклопедиста Д.Г. Мессершмидта представляет несомненный интерес. Его путешествие по Сибири пришлось на разные исторические эпохи – последнее семилетие правления царя реформатора и дворцовые перевороты. Во время почти восьмилетнего пребывания в Сибири ученому приходилось постоянно взаимодействовать с властью в центре и на местах. Он вел деловую переписку с воеводами и приказчиками, отправлял научные рапорты и собранные коллекции в столицу, отвечал на письма из Медицинской коллегии, напоминал власти о необходимости выплачивать жалованье по договору себе и служилым людям, входившим в экспедиционный отряд, и многое другое. Однако главным потрясением для него стали на обратном пути – досмотр и арест экспедиционных коллекций, приобретенных для Академии наук и для себя лично на собственные деньги, путевых дневников, научных записей. И хотя впоследствии коллекции им были переданы в Академию наук, сам ученый лишился права работать с ними и публиковать результаты своих исследований за границей.

Хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН путевые дневники и журналы, копии промеморий и «доношений» Д.Г. Мессершмидта дают возможность посмотреть на проблему ученый и власть изнутри, понять причины конфликта, рефлексии самого ученого, представления о своих правах и обязанностях, обусловленные его мировоззренческими позициями.

О.А. Оберемко, А.Г. Истомина (Москва, Россия)

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ САМООПИСАНИЯ КАК ИНДИКАТОР ПРОБЛЕМ С ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Профессии, требующие постоянной и интенсивной вовлеченности субъекта в деятельность, нуждаются в постоянном воспроизвод-

стве профессиональной идентичности. Высокая вовлеченность сопряжена с формированием профессионального этоса: «аффективно окрашенного комплекса ценностей и норм, считающегося обязательным» для представителя определенной профессиональной группы, нормы которой «выражаются в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений» и «легитимируются в терминах институциональных ценностей» [1. С. 769].

Ядро любой профессиональной идентичности составляет приверженность делу, по М. Веберу – *Veruf*, а в английском языке определяется словом «*commitment*». К. Дэй, Б. Элиот и А. Кингтон пишут, что приверженность делу (*commitment*) представляет собой «сложный (*nested*) феномен, в центре которого находится совокупность базовых, относительно постоянных ценностей, основанных на личных убеждениях, представлениях о своем я, социальной роли, идентичности, подвергающихся вызовам со стороны социально-политически сконструированных изменений». Под социально сконструированными изменениями авторы имеют в виду политические реформы, начавшиеся в конце XX века в странах Европы и Скандинавии, затронувшие, помимо прочих областей, сферу образования. Эти реформы в духе «нового менеджизма» изменили природу работы учителя; усилили ее ориентированность на внешние результаты и непосредственный контроль, расширили круг заинтересованных лиц, интенсифицировали труд (выросло количество часов, проводимых на рабочем месте, уменьшилось время на выполнение отдельных операций) [2. Р. 563]. Сходные по социальному смыслу реформы идут и в России.

На материале фокус-групп с учителями средних школ о критериях профессионализма показано, что видимые противоречия в нормативных самоописаниях учителей, как представителей профессии, требующей интенсивного личностного вовлечения, репрезентируют собой два различных дискурса: негативной и позитивной свободы [3]. Первый дискурс отражает стремление к освобождению от полагаемых гетерономными институциональными вторжениями; второй – стремление к автономии в конструировании профессиональной идентичности. Кейс репрезентирует ситуацию нарушенного баланса в (вос)производстве профессиональной идентичности между внешней и внутренней регуляцией профессиональной деятельности.

Библиография

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006.
2. Day C., Elliot B., Kington A. Reform, standards and teacher identity: Challenges of sustaining commitment // Teaching and Teacher Education. 2005. P. 563–577.
3. Берлин И. Два понимания свободы [Электронный ресурс]. URL: [<http://www.inliberty.ru/library/classic/573/>].

Е.А. Омельченко (Москва, Россия)

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАНТОВ В ШКОЛЕ: МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

В ходе многолетних исследований вопросов интеграции мигрантов средствами образования разработаны показатели, с помощью которых предлагается оценивать степень языковой, культурной, социальной и психологической адаптации детей из семей международных мигрантов [см., напр.: 1]. Выявлены некоторые особенности процесса адаптации и формирования новой идентичности учащихся в зависимости от их возраста, страны происхождения, этнокультурной и религиозной принадлежности, уровня владения русским языком. Описываются и анализируются итоги ряда социологических исследований, проведенных при участии автора в 2013–2014 гг. в образовательных организациях Москвы [2].

Российская Федерация – активный участник интенсивных миграционных потоков, характерных для современного глобализирующегося мира. Поскольку немалую долю составляет семейная миграция (или же мигранты обзаводятся семьями уже на нашей территории), в последние годы в детские сады и школы разных регионов России приходит все больше детей, слабо владеющих русским языком, не знакомых с российской культурой и образом жизни, имеющих сложную, «многослойную», но не полностью сформированную идентичность.

Дети мигрантов, как и в других подобных исследованиях [3], рассматриваются автором как особая социальная общность, находя-

щаяся во взаимодействии с родителями, родственниками, сверстниками (в основном русскоязычными) и учителями.

Ключевым фактором, влияющим на скорость адаптации детей из семей мигрантов, является, безусловно, их уровень владения русским языком – государственным языком страны пребывания. Однако даже при неплохом знании языка, серьезные проблемы как у педагогов, так и у самих обучающихся может вызывать процесс культурной адаптации: например, будучи незнакомыми с русскими сказками, дети начинают испытывать сложности с решением арифметических задач, героями которых являются привычные для всех россиян персонажи. Отдельная проблема – социальная адаптация иностранных учащихся, ведь они зачастую руководствуются совсем иными образцами поведения, выбирают привычный для себя способ общения и взаимодействия с учителем и сверстниками. Поэтому общей рекомендацией для всех учителей, работающих с детьми мигрантов, является повышенное внимание к взаимодействию с родителями, семьями этих детей. Именно родители способны как помогать, так и препятствовать быстрой социализации детей, их адаптации, формированию у них российской идентичности.

Проводимые автором исследования ставят своей целью подтвердить возможность использования разработанного теоретического инструментария для комплексной оценки уровня адаптации детей мигрантов в практической работе образовательных организаций. Основная задача исследований – сформулировать ряд методических рекомендаций для руководителей образовательных учреждений и педагогов по выбору моделей адаптации в обучении и воспитании.

Библиография

1. *Омельченко Е.А.* Адаптация детей иностранных мигрантов в российской школе: факторы успеха и основные риски // Феномен социализации в этнической культуре. Материалы Одиннадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2012.

2. В частности, исследования проводились в рамках выполнения научно-исследовательской работы на тему: «Интернационализация и развитие инклюзивного образования в городе Москве в контексте решения новых задач государственной миграционной и национальной политики», выполненной в 2013 г. специалистами кафедры ЮНЕСКО «Международное (поликультурное) образование и интеграция детей мигрантов в школе» Московского института открытого образования во взаимодействии с учеными РУДН, МГУ им. М.В. Ломоносова.

ва, Института народнохозяйственного прогнозирования и Института этнологии и антропологии РАН.

3. *Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 80–91.

Н.П. Погодаев (Томск, Россия)

СТРАТЕГИЯ «КЕЙС-СТАДИ» ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ ТОМСКА¹

Изучение процесса социально-культурной адаптации студентов из Таджикистана в университетской среде Томска, с учетом его многогранности, требует сбора информации из целого ряда источников. Основной формой получения информации является индивидуальное глубинное интервьюирование. Интервью студентов-таджиков позволяют выявить особенности их социального состава, восприятия культуры принимающего сообщества, социальных практик, актуализируют основные проблемы, с которыми они сталкиваются. Интервью с русскими студентами из Таджикистана дают информацию об основных трендах развития социокультурной дистанции между таджиками и русскими в Таджикистане как о важной составляющей социализации таджикских студентов в принимающем сообществе. В качестве методологической основы исследования используются теоретические подходы к анализу культурной дистанции между народами с разной степенью схожести культур, предложенные А. Фарнхемом и С. Бочнером [1].

Интервью с руководителями университетских структур, работающими с иностранными студентами, дают информацию об отношении вузовского истеблишмента к образовательной миграции из Таджикистана, степени развития связей того или иного университета с соответствующими структурами этой страны. А интервью с руководителями студенческих общественных организаций – о вовлеченности студентов-таджиков в различные организации социокультур-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

ной направленности. Интервью с этнофорами и представителями университетских структур позволяют получить информацию о проблемах освоения студентами из Таджикистана русского языка в соответствии со стандартами ТРКИ-1 и ТРКИ-2. Интервью с представителями департамента по высшему профессиональному образованию и департамента международных и региональных связей администрации Томской области позволяют получить информацию о стратегии образовательной политики региона, причинах активизации рекрутинга иностранных студентов, в том числе из Таджикистана.

Интервью с руководителями таджикской диаспоры позволяют понять механизмы поддержания национальной культуры, с одной стороны, и адаптации к культуре принимающего сообщества, с другой. Интервью с представителями городской комиссии по межнациональным отношениям, а также некоммерческого объединения «Ассамблея народов Сибири» позволяют судить о вовлеченности этих структур в процесс адаптации иностранных студентов, в том числе из Таджикистана.

Интервью с представителями образовательной сферы Таджикистана из числа как таджиков, так и русских дают информацию о социокультурной ситуации в этой стране, основных тенденциях образовательной политики и месте университетских центров России в подготовке специалистов для Таджикистана. Интервью с медицинскими работниками и статистическая информация из медицинских учреждений позволяют оценить востребованность медицинских услуг и механизмы их оплаты студентами из Таджикистана, не имеющими российского гражданства. С представителями страховых компаний – о проблемах, связанных с приобретением студентами полисов медицинского страхования. С риелторами – о наличии или отсутствии барьеров при аренде студентами из Таджикистана жилья. Эта позиция рассматривается как проекция отношения принимающего населения к ним.

Статистическая информация из ТГУ, ТПУ, ТУСУРа, СибГМУ, ТГАСУ, ТГПУ, а также из администрации Томской области позволяет проанализировать динамику количества студентов из Таджикистана и распределение их по направлениям обучения. Информация из УМВД по Томской области позволяет судить об уровне преступности среди студентов из Таджикистана как одном из маркеров их социальной адаптации. Из УФМС по Томской области – о практиках получения студентами из Таджикистана вида на жительство и рос-

сийского гражданства. С предпринимателями из сферы высоких технологий – о шансах таджиков, успешно окончивших томские университеты, найти работу на рынке труда в Томске и в России в целом.

Таким образом, метод кейс-стади позволяет проанализировать процесс социально-культурной адаптации студентов из Таджикистана в Томске во всем его многообразии, выявить проблемы, прогнозировать основные тренды образовательной миграции из Таджикистана в Томск.

Библиография

1. *Furnham A., Bochner S.* Social difficulty in a foreign culture: an empirical analysis of culture shock. Oxford, 1982.

Е.А. Ростовцев (С.-Петербург, Россия)

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ КОММЕМОРАЦИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В дореволюционной университетской культуре одной из важных практик корпоративной самоидентификации являлись университетские коммеморации (связанные с мобилизацией памяти о том или ином событии или человеке). Можно отметить несколько типов университетских коммемораций: корпоративные праздники (прежде всего так называемые «университетские годовщины»), юбилеи, похороны, общественные коммеморации. Каждый университет строил свою историю вокруг «университетских годовщин» – дат, которые связывались с основанием университета. Так с 1830-х в Петербургском установилась практика университетских коммемораций 8 февраля (датой, когда Александр I утвердил доклад министра духовных дел и народного просвещения об учреждении Петербургского университета на базе Главного педагогического института), которые со временем выработали строгий ритуал, следование которому стало общепринятым для преподавателей и студенчества. С рубежа XIX–XX вв. наблюдается становление традиции празднования юбилеев подразделений университета (факультетов, лабораторий, кружков и т.п.) Другим типом коммемораций стали университетские юбилеи, связанные с «круглыми датами» научно-педагогической деятельно-

сти университетских профессоров и преподавателей. Становление этой традиции связано с эпохой пореформенного университета и в равной степени характерно для всех российских университетов. Она включала в себя подготовку сборника статей в честь юбиляра, формальные и неформальные акты. Обязательной корпоративной коммеморацией были похороны члена университета: ритуал похорон, в общем, был одинаков – профессора провожала в последний путь корпорация во главе с профессорской элитой и ректором. Однако похороны университетских деятелей иногда превращались в явление общественное по своему существу. Например, среди похорон, превращавшихся в общегородские манифестации (и потому широко описанных в прессе), можно назвать похороны Д.И. Менделеева и М.М. Ковалевского. В этой связи надо отметить, что как ни парадоксально, основными внутриуниверситетскими коммеморациями, определявшими корпоративную культуру дореволюционного студенчества, начиная с 1860–70-х гг. становятся именно коммеморации, связанные с общественными событиями, формировавшие «освободительную версию» исторической памяти российского общества. Регулярными праздниками российского студенчества позднеимперского периода становятся знаковые исторические даты (прежде всего 19 февраля и 1 марта), однако особое значение имели танатологические мотивы – регулярное обращение на ежегодных сходках и панихидах к теме смерти борца за народное дело и памяти о нем (Добролюбова, Толстого, Шевченко, Богрова, Сазонова, севастопольских моряков, Ветровой, жертв Ленского расстрела, Карла Маркса и т. п.). Таким образом, коммеморации во многом предопределяли если не жизненный путь, то мировоззрение интеллигентской молодежи – оказавшись включенным в логику коммеморативной практики, элементами которой была корпоративная и игровая солидарность (в том числе готовность коллективного противостояния режиму), праздничная атмосфера, участие в совместных ритуалах (песнопениях, чаепитиях, сходках, демонстрациях), молодой человек все более усваивал «революционную маску», погружался в стихию протестного движения. Можно обоснованно предположить, что университетские коммеморации служили инструментом формирования особой культуры российских университетов, которые являлись не только корпорациями с собственным укладом и традициями, но и важными центрами общественной оппозиции политическому режиму старой России.

В.Ю. Соколов (Томск, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ШКОЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ¹

Формирование общероссийской идентичности учащихся в настоящее время является важнейшей стратегической линией в развитии отечественного школьного образования, ему отводится ключевая роль в духовной консолидации российского общества, его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов. Особое место в этой работе предназначено школьному историческому образованию, которое должно помочь учащимся на основе обращения к прошлому осознать свою принадлежность к великому наследию нашей страны.

Однако реализация этой актуальной задачи сталкивается с целым рядом трудностей и проблем. К их числу необходимо, в первую очередь, отнести отсутствие четких определений формируемой идентичности.

«Российская идентичность, – указывает М.В. Шакурова, – термин, часто встречающийся в научных трудах и публицистике. Несмотря на активное использование в социально-гуманитарных исследованиях, это понятие по-прежнему сохраняет преимущественно метафорический статус. Его сущность, содержание, критерии вычленения в ряду смежных понятий не получили исчерпывающего освещения, что затрудняет, в том числе, педагогические исследования процесса формирования российской идентичности личности» [1].

Очевидно, что «размытость» границ данного понятия, отсутствие четких, а главное, общепринятых трактовок «российской идентичности», с одной стороны, открывает широкое поле для творческой деятельности школьного учителя, но с другой, возлагает на него непосильные задачи, с которыми пока не справляется академическая наука.

Другой не менее серьезной проблемой является выбор объекта самоидентификации. Не секрет, что в 2010-е годы в нашей стране наметился принципиальный поворот общественного сознания от либеральных к державно-патриотическим ценностям. Перед учите-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

лем истории в этой связи возникает сложнейшая задача осмысления того, какие явления прошлого России, какие фигуры «вписываются» в новые реалии общественной жизни, какие черты обретет будущий «образ» гражданина нашей страны под их воздействием.

И, наконец, еще одна важнейшая проблема – вопрос об использовании «старых» и «новых» методик формирования российской идентичности. В настоящее время в российской школе работает много учителей истории, в свое время участвовавших в развитии советской системы патриотического воспитания, а в последнее десятилетие овладевших рядом современных образовательных технологий, пришедших из западной системы образования. Несмотря на то, что речь идет о техниках идентификации, нужно признать, что за ними стоят определенные ценности и модели поведения, на формирование которых они ориентированы. В этой связи назревает полемика о возможностях применения элементов советской системы воспитания в сегодняшней идентификационной практике и необходимости трансформации, адаптации западных образовательных технологий к школьной действительности.

Библиография

1. Шакурова М.В. К проблеме определения сущностных характеристик российской идентичности // Социальные и социально-педагогические проблемы: поиски и модели решения: межвузовский сборник научных трудов / Под науч. ред. М.В.Шакуровой. Воронеж, 2009. Вып. 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-241934.html>.

А.Н. Сорокин (Томск, Россия)

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА ФИЗИКОВ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX вв.¹

Статья посвящена истории научного сообщества физиков Сибири. На основании имеющейся научной литературы, документальных материалов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, и пе-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

риодической печати реконструируются основные этапы становления и развития научного сообщества физиков Сибири в конце XIX в. – первой половине XX в. Научное сообщество как социальная форма организации науки представляет значительный интерес с точки зрения изучения истории организации и развития науки и техники. При этом основными аспектами формирования и развития научного сообщества являются научные школы как эффективная форма функционирования научного сообщества; институционализация (формирование научных институтов) и взаимодействие физиков со смежными дисциплинами, прежде всего с философией (как идеологией) и оборонной техникой. В статье охарактеризованы основные факторы, влиявшие на развитие научного сообщества физиков Сибири. Проанализировано значение консолидации научно-педагогической корпорации физиков в деле развертывания фундаментальных и прикладных исследований, формирования крупных научных школ и направлений в перспективных областях физической науки. Автором охарактеризованы особенности взаимоотношений научного сообщества физиков и власти.

Зарождение научного сообщества физиков Сибири связано с открытием в 1888 г. первого в азиатской части страны Императорского Томского университета (ИТУ). Университет положил начало процессу становления и развития научных школ и направлений в различных областях знаний, в том числе в области физики. Начало развития физических исследований в Сибири относится к 1888 г. и связано с именем первого профессора-физика ИТУ Н.А. Гезехуса. Второй этап в развитии научного сообщества физиков Сибири связан с открытием в 1917 г. в Томском университете физико-математического факультета. В годы Гражданской войны на этом факультете в должности ассистента преподавал будущий лауреат Нобелевской премии, академик Н.Н. Семенов. Значительным фактором в развитии научно-образовательного комплекса Сибири и Дальнего Востока в целом и научного сообщества физиков в отдельности послужило открытие в 1918 г. Восточно-Сибирского университета (ныне – Иркутский государственный университет). В 1920–30-е гг. XX в. активно проводилась государственная политика мобилизации кадров высококвалифицированных специалистов, в которых в провинциальных регионах страны наблюдался острый дефицит, для решения задач форсированной индустриализации. Для решения данной задачи в 1928 г. был организован Сибирский физико-технический инсти-

тут (СФТИ), первый научно-исследовательский институт физического профиля за Уралом. С момента создания значение СФТИ заключалось в консолидации и подготовке высококвалифицированных кадров ученых-физиков Сибири. В СФТИ сложились первые в Сибири научные школы в области физики твердого тела и спектроскопии. Особый акцент сделан на значении консолидации ученых физиков в процессе модернизации промышленности Сибири в XX в. Автором анализируется проведенная в апреле 1934 г. по инициативе сотрудников Сибирского физико-технического института первая краевая конференция физиков Западной Сибири как форма проявления корпоративной идентичности физиков региона. Значение конференции заключалось в консолидации научной общественности и практиков производства. Автором проанализированы формы консолидации ученых-физиков и представителей промышленных предприятий. Конференция рассматривается с точки зрения проводимой государственной политики мобилизации кадров для решения задач форсированной индустриализации.

Особая роль СФТИ как центра консолидации ученых-физиков проявилось в годы Великой Отечественной войны. Война потребовала совершенно новых форм организации научных исследований, чтобы максимально сократить сроки выполнения и реализации на практике полученных результатов, а саму тематику нацелить на выполнение заказов в интересах обороны и народного хозяйства. В начале войны при активном участии директора СФТИ В.Д. Кузнецова создается Томский комитет ученых для помощи промышленности, сельскому хозяйству, транспорту в условиях войны – первая подобного рода общественная организация ученых в стране, а СФТИ стал его штабом.

Н.В. Ссорин-Чайков (Кембридж, Великобритания)

АНАРХИЗМ И ИДЕНТИЧНОСТЬ АНТРОПОЛОГИИ ПОСЛЕ КРИЗИСА 2008 г.¹

Доклад посвящен «анархическому повороту» в антропологии сегодня и его предыстории в рамках этой дисциплины. Рассматривая

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

этнографические работы и политические проекты Дэвида Грэбера, Джеймса Скотта и Пьера Кластра, доклад ставит проблему идентичности науки в меняющемся мире сегодня – в особенности в контексте анализа кризиса 2008 и его влияния на процессы, исследуемые антропологами. Будет затронут феномен популярности этих подходов, причем как в академической антропологии (британской и американской), так и среди читающей публики и в средствах массовой информации. Доклад является частью исследовательского проекта по истории антропологии и социализма. Его целью также является рассмотрение генеалогии данного «анархического поворота».

История антропологии, как правило, рассматривает эту дисциплину в контексте двух фундаментальных эпистем современности. Первую представляет эволюционная перспектива в ее различных вариантах от социального дарвинизма и социобиологии до марксизма. Вторая – романтический национализм, который сформировал органический и релятивистский подход к культуре, а также исконный, «примордиальный» взгляд на «естественные» единицы этнографического анализа (этноты и национальности). Эти два направления оказали влияние на формирование классических научных школ и теоретических подходов, таких как эволюционизм, структурный функционализм, культурный релятивизм, теория этноса и др. Они также определили угол зрения современных критических подходов в истории и антропологии. В частности, эти направления определяют то, как обычно понимается социальный контекст антропологической оптики. Это либо империя нового времени, построенная на идеологии эволюции и стадий развития, либо национализм и национальное государство, опирающееся на идеологию культурной уникальности его этнических единиц.

Цель данного доклада – при помощи современных примеров рассмотреть еще одну составляющую исторического и социального контекста антропологии: традицию немарксистской социалистической мысли и анархизма. В докладе ставится вопрос о соотношении философских и общепсихологических посылок этого дискурса и намеченных выше направлений. Является ли социальная и культурная критика, будучи своеобразной точкой отсчета современности в антропологии, “пост-классической” парадигмой, которая приходит на смену как традиционным научным школам, так и тем фундаментальным эпистемам современности, которые формировали классические направления? Какова преемственность этих новых подходов и

традиции критики, которая восходит к эпохе Просвещения? Каковы формы критической антропологии сегодня? Каков эпистемологический и этнографический спектр критических подходов? Какова оптика критического взора и каковы источники его этнографического авторитета?

Т.В. Трубникова, Н.С. Гулиус (Томск, Россия)

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС УНИВЕРСИТЕТА КАК ИНСТРУМЕНТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Восприятие этического кодекса Университета как инструмента самоидентификации вызывает к жизни ряд проблем юридического характера.

1. Такой этический кодекс должен разрабатываться при условии обеспечения максимально широкого участия коллектива Университета в этом процессе, а также учитывать общие интересы и коллективные воззрения вузовской корпорации. Последнее может быть обеспечено, например, путем утверждения вузовским сообществом Типового этического кодекса, положения которого носили бы для каждого конкретного вуза рекомендательный, но не обязательный характер.

Аналогичный подход сформулирован и в Указе Президента РФ «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» № 597 от 07.05.2012 г. В соответствии с п.1 подп. з) этого Указа Правительство РФ обязано «*в целях расширения участия работников в управлении организациями...* разработать комплекс мероприятий по развитию институтов самоуправления и принятию кодексов профессиональной этики».

2. Вопросы содержания предписаний, подлежащих включению в этический Кодекс университета, казалось бы, должны быть предметом ведения исключительно соответствующего профессионального сообщества. Тем не менее при определении перечня этических правил и запретов, включаемых/ не включаемых в этический Кодекс, а также при определении желательной степени их конкретизации необходимо, как представляется, учитывать некоторые правила юридической техники.

3. Еще одна юридическая проблема связана с применением норм кодекса этики в случае их предполагаемого нарушения. Возникает вопрос о том, кто сможет делать вывод о том, что сотрудник университета нарушил этическую норму, и кто сможет (и сможет ли вообще) применять к нему в этом случае меры дисциплинарного характера. Если такие функции будут переданы работодателю, этический кодекс фактически станет просто еще одним локальным нормативным актом, содержащим обязанности работника (дополнением к правилам внутреннего трудового распорядка). Поэтому нами предложена для этического Кодекса университета двухзвенная система рассмотрения вопросов о нарушении правил, предусмотренных Кодексом.

В ситуации преобразования корпоративной культуры в Национальном исследовательском Томском государственном университете, в ситуации становления университетской автономии ведущим трендом является работа с базовыми инструментами корпоративной культуры. В этом смысле кодекс, созданный университетским сообществом, – это инструмент самоидентификации университетского сообщества с точки зрения организационной культуры; по сути это ответ на вопрос о смысле и ценностях корпоративных преобразований, о направлении развития университета, об этических основах взаимоотношений сотрудников с руководством, друг с другом, со студентами и другими категориями персонала университета.

В теории организационной культуры этический кодекс связан и с глубинным уровнем осознания культуры университета [1].

Внешняя функция этического кодекса – предоставление субъектам внешней среды объективной информации о философии и предназначении организации, ресурсах, нормах нравственности. Внутренняя функция этического кодекса – способствовать единению и сплоченности внутри организации, сопряжению целей организации и целей работника, способствовать идентификации сотрудников с организацией, формированию благоприятного внутриорганизационного климата, расширению мотивации, обеспечению преемственности [2].

Работа над проектом этического кодекса с максимальным привлечением сотрудников Университета связана с планом мероприятий, утвержденных в Дорожной карте Национального исследовательского Томского государственного университета (2013) в части

реализации стратегической инициативы по созданию инновационно-активной среды.

В настоящее время рабочая группа осуществляет разработку актуального, «живого», внутреннего документа для университета, что предполагает дальнейшие вопросы по интеграции с рекомендованным Минобрнауки РФ документом; либо его автономное существование, согласно идущему еще со времен средневековой университетской традиции тезису об университетской автономии и академической свободе.

Библиография

1. *Шейн Э.Х.* Организационная культура и лидерство. СПб., 2012. 336 с.
2. *Соломанидина Т.О.* Организационная культура компании. М.: Инфра-М., 2010. 624 с.

Д.В. Хаминов (Томск, Россия)

«ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОРПОРАЦИИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ В 1930-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ)»

Историческое знание (образование, наука, культура, идеология) выступает специфической областью государственной политики и общественных отношений, благодаря которому осуществляется преемственность поколений, формируется сознание человеческой личности, ее гражданская и политическая идентичность, культура (в том числе и формирование гражданского общества), мировоззренческие установки, нравственные ценности и чувство патриотизма. Участниками этих процессов являются профессиональные историки, которые способны не только передавать и ретранслировать исторические знания, но и давать оценку историческому прошлому, выполнять воспитательную функцию.

Первое десятилетие советской власти в отношении исторического знания и корпорации историков характеризовалось довольно болезненными процессами в стране в целом и в Сибири в частности. В эти годы претерпевают кардинальные изменения многие институты исторического знания и образовательный процесс; организация, на-

правления и специфика научных исследований; идеологическая составляющая и проч.

Лишь в нач. 1930-х гг. в корне меняется отношение к историческому знанию. Возникает необходимость возвращения к национально-государственным традициям исторических исследований и подготовки кадров самих историков, изрядно поредевших в предыдущий период.

Сибирь в межвоенный период представляла собой важный в экономическом отношении регион для страны, однако дело как высшего, так и школьного образования в ней было плачевным. В этих сложных условиях и стала формироваться новая система школьного и высшего образования, простимулированная в том числе принятием ряда важнейших партийно-государственных документов [1, 2]. В течение 1930-х гг. на всей территории Сибири были открыты педагогические и учительские институты, в которых стали готовить историков для Сибирского и Дальневосточного регионов. Особенно этот процесс интенсифицировался после принятия знаменитого Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [3].

Особое место в политике советского государства в этом вопросе занимает подготовка в вузах кадров историков для национально-территориальных субъектов и формирования национальной исторической интеллигенции, а также развитие исторической науки на территории национальных субъектов. С образованием в составе РСФСР автономных республик возникла необходимость создания в них научно-исследовательских институтов языка, литературы и истории (НИИЯЛИ) как центров развития национальной науки и культуры. Национальные вузы и НИИЯЛИ были созданы сначала в таких регионах, как Якутия и Бурятия, а позднее в Хакасии, Тыве и Горном Алтае.

Исторические факультеты и отделения университетов и педагогических вузов, а также НИИЯЛИ стали центрами по формированию в Сибири региональной корпорации советских историков. В их недрах формировались и воспитывались новые специалисты, которые через свою педагогическую, научную и культурно-просветительную деятельность, должны были сыграть в довоенный и военный периоды истории нашей страны важную роль в вопросах патриотического, гражданского и идеологического воспитания населения.

Библиография

1. ЦК ВКП(б) в Постановлении от 25 июля 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 473–476.

2. *Постановление* ЦИК СССР №43, СНК СССР №308 от 14.08.1930 «О всеобщем обязательном начальном обучении» // Свод законов СССР. 1930. № 39. Ст. 420; Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1930. № 824.

3. *Постановление* СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 15.05.1934 «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Собрание законодательства. 1934. № 26. Ст.206; Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1934. №113.

Т.В. Щеклачева (Новосибирск, Россия)

РОЛЬ ШКОЛЫ В АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ

Образовательные учреждения на сегодняшний день являются одним из важнейших инструментов социализации и формирования единого российского общества. В сферу образования включены не только русскоязычные дети из принимающего общества, но и дети легальных мигрантов, которым школа, помимо образования, предоставляет возможности для освоения формализованных и неформализованных норм и правил, адаптации и интеграции с местным населением в целом.

Важным условием успешной адаптации является совпадение установок и социальных ожиданий представителей принимающего общества и родителей – иноэтнических мигрантов, как главных агентов социализации. Например, по таким вопросам, как необходимость и степень знания русского языка, уместность использования родного языка в общественных местах, рамок и степени проявления этнических и культурных особенностей в поведении, стиле одежды. Дети получают эти знания в той или иной форме еще и в школе – при непосредственном общении с учителями и другими учащимися. В случае, если они совпадают с позицией семьи, адаптационный процесс не нарушается, интеграция детей в принимающее общество проходит более органично и успешно.

Результаты опроса иноэтнических мигрантов (преимущественно выходцев из Средней Азии), проведенного нами весной 2013 г. в Новосибирске, и данные исследования 2014 г. – опрос представите-

лей принимающего общества (рук. Г.С. Солодова)¹ – позволяют сопоставить позиции приезжих и местного населения, в том числе в оценке роли средней школы в процессах адаптации и интеграции. Помимо этого, нами было проведено структурированное интервьюирование руководителей и учителей 11 школ г. Новосибирска, в которых обучается большое число детей иноэтничных мигрантов.

Предварительные итоги интервьюирования школьных директоров и учителей показали, что необходимой составляющей является осознание педагогами социокультурных различий между детьми мигрантов и детьми местного населения, однако без демонстративного акцентирования этих различий. Важным является объединение детей по доминирующему критерию «ученик школы» и «гражданин/житель страны». Эти критерии, в отличие от культурных и этнических маркеров, не могут использоваться ни детьми, ни взрослыми в качестве инструмента сепарации или сегрегации, поскольку характеризуют общность, а не отдельных ее представителей.

В идеале школа должна учить детей соотносить установки и социальные ожидания местного населения и мигрантов, вырабатывать эффективные практики взаимодействия, формировать навык осознания своей общности. Существенной проблемой при этом является адекватное определение сходства и различий в позиции мигрантов и местного населения по ключевым вопросам взаимодействия.

Предварительные результаты проведенных исследований указывают на определенное совпадение установок и социальных ожиданий мигрантов и принимающего общества по вопросам знания русского языка, этнической и культурной дистанции. Однако по ряду актуальных для местного населения вопросов взаимодействия позиции опрошенных местных и мигрантов значительно отличаются (как во всей выборке мигрантов, так и в подвыборке родителей). Вместе с тем существующие между мигрантами и принимающим обществом культурные различия и границы осознаются всеми опрошенными, но большинством из них не воспринимаются как препятствие к взаимодействию.

---

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 13-03-00351 «Принимающее общество и иноэтничные мигранты – стратегии и практики взаимодействия» и №14-03-18035 «Принимающее общество – отношение к иноэтничным мигрантам»

Секция 12. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.П. Бородовский (Новосибирск, Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ¹

Специфика современных политических процессов ставит перед археологами России задачу организации работы с общественностью на основе научно обоснованных принципов. Особую ответственность при этом должен ощущать каждый исследователь. Зачастую методологические разделы в трудах отечественных археологов носят формальный характер, или вовсе отсутствуют. В свою очередь это является хорошей предпосылкой для задействования научного материала в политических спекуляциях. Более того, порой ученые любят помогать журналистам формулировать заголовки публикаций особенно эффектно и «актуально», употребляя при этом аналогии, которые никогда не позволили бы себе в академических изданиях.

Современные тенденции требуют от археологов развития научной рефлексии в области политического, социального и экономического контекстов археологии [1]. Очевидно, конструктивной будет позиция, направленная на противостояние не национализму вообще, а его деструктивным формам, использующим археологические данные для дестабилизации общественно-политической ситуации или для дискредитации научного знания [2]. В то же время археология располагает материалами, которые позволяют популяризировать не только самобытность той или иной культурной общности, но и этническую и религиозную терпимость, плодотворное культурное взаимодействие, что может лечь в основу формирования позитивного образа поликультурного сообщества.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта Алтайского государственного университета «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии» (No 2013-220-04-129), поддержанного грантом Министерства образования и науки РФ (постановление No 220).

В условиях политического плюрализма археология неизбежно будет использоваться в политике самым непредсказуемым образом, это естественный процесс, но необходимо иметь обоснованные критерии для того, чтобы отличать научный дискурс от мемориального. Зачастую представители власти в своих действиях бывают ведомы элементарным незнанием, которое является хорошей почвой для развития деструктивных, спекулятивных элементов в политике и науке. Залогом позитивного взаимодействия всех заинтересованных сторон в отношениях археологии и национализма является продуманная организация работы ученых с государственными органами, в том числе просветительная работа с чиновниками.

Альтернативой национальному мифотворчеству может стать развитие научно-популярной литературы, что следует воспринимать не как «легкий жанр», а как стратегию противостояния агрессивному национализму.

Библиография

1. Михайлов Д.А. Алтайский национализм и археология // Этнографическое обозрение. 2013. №1. С. 37–51.
2. Михайлов Д.А., Бородовский А.П. Национальное самосознание и археология. Новосибирск, 2012. 156 с.

Е.А. Васильев (Томск, Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Идентичности разнообразны и многолики, но в современном мире в наибольшей степени актуализированы такие их формы как этническая (национальная) и территориальная, которая может быть реализована как государственная либо региональная. Эти идентичности редко проявляются в чистом виде, по-разному сочетаясь друг с другом, но могут и конкурировать между собой. Каждая из анализируемых идентичностей имеет в основе свои фундаментальные блоки, но некоторые блоки полисемантически и могут быть востребо-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

ваны как «националистами» так и сторонниками региональной идентичности. Один из таких блоков – «ПРОШЛОЕ» или «ИСТОРИЯ».

Но прошлое – это всегда реконструкции. И чем древнее реконструкция, тем большее значение приобретают археология и те объекты, которая она изучает, – археологическое наследие. Слово и понятие «наследие» исходит из предпочтительности кровных связей между предками и потомками. Но иногда генетические линии прерываются и не только между людьми, но и между народами. И тогда появляются самозванцы. Узурпация чужого прошлого, как правило, сопровождается символическим оформлением своей причастности к высоким образцам древних культур. Символические ценности (артефакты) этих культур становятся эффектными маркерами современной идентичности. В качестве примеров, демонстрирующих описанный алгоритм действий, можно привести два ярких общественно значимых феномена современной российской культуры.

Первый из них – гербы субъектов Российской Федерации. Они создавались в 1990-е гг. в условиях «парада суверенитетов» представителями местных элит, которые получили возможность позиционировать свой регион так, как они этого хотели.

Образы и символы, связанные с археологическим наследием присутствуют на 5 гербах из 83 (без учета Крыма): Республики Коми (золотая хищная птица, выполненная в традициях пермского звериного стиля), Республики Саха-Якутия (прямая контаминация наскального изображения VI–IX вв.), Республики Татарстан (крылатый барс из мифологии Волжских Булгар), Республики Алтай (грифон Кан-Кереде, чей образ восходит к пазырыкской археологической культуре эпохи «скифского барокко»), Республики Хакасия (крылатый барс, выполненный в традициях скифо-сибирского звериного стиля).

Нетрудно заметить, что археологические сюжеты присутствуют *только* в республиканских гербах, при этом в геральдическом творчестве оказались востребованными только те элементы археологического наследия, которые имеют отношение (реальное или мнимое) к этногенезу титульной нации.

Эта же тенденция отразилась в другом общественно значимом материале. В 1997–2011 гг. Почта России осуществила выпуск почтовых марок, посвященных российским регионам. Каждому субъекту Российской Федерации была представлена возможность выбрать те природные и культурные объекты, которые являются своеобраз-

ными маркерами региональной идентичности. Археологическое наследие оказалось востребованным только на пяти почтовых миниатюрах. На марке, посвященной республике Марий-Эл, присутствует шумящая коньковая подвеска X в., характерная для предполагаемых предков марийского этноса. Среди достопримечательностей Пермской области представлена раннесредневековая (VIII в.) бронзовая бляха с головой медведя в жертвенной позе, которая ассоциируется с пермским звериным стилем. Полое навершие в виде головы оленя, выполненное в том же стиле, украшает почтовую миниатюру, посвященную Республике Коми. И в том и в другом случае археологические артефакты имеют отношение к этногенезу коми. Две сибирские республики – Алтай и Тува – выбрали в качестве символов произведения скифо-сибирского звериного искусства эпохи ранних кочевников (ранний железный век): деревянного пазырыкского оленя и металлическую бляху в виде свернувшейся в клубок пантеры.

Предварительные выводы.

1. В российских областях, населенных преимущественно русскими, местные элиты не ощущают себя наследниками археологического прошлого и не видят в археологическом наследии фактора формирования региональной идентичности.

2. Запрос на археологическое наследие в гораздо большей степени актуализируется в республиках, где оно выполняет роль маркера не региональной, а этнической идентичности. Последняя тенденция оценивается нами как неблагоприятная, поскольку она стимулирует негативный для науки и общественного сознания процесс, определяемый нами как этническая приватизация археологического наследия.

Е.В. Водясов (Томск, Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ТОМСКА¹

В последнее время в российской и зарубежной науке активно обсуждаются вопросы, связанные с ролью археологического наследия в формировании национальных, региональных и культурных иден-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

тичностью. Изучаются механизмы реинтерпретации археологического наследия правящими элитами и другими социальными группами. Важным этапом в подобных исследованиях является проведение социологического опроса, посвященного восприятию археологического наследия в современном общественном сознании, поскольку невозможно изучать механизмы реинтерпретации и использования археологического наследия различными акторами без учета их собственных представлений об археологии.

В этой связи был начат социологический опрос в г. Томске. На данный момент обработано 170 анкет. Анкета включает 17 вопросов, 4 из которых демографического характера, 8 – закрытого и 5 – открытого типов. Привести всю статистику в тезисах невозможно, поэтому остановимся на нескольких ключевых вопросах.

Респондентов попросили оценить по десятибалльной шкале их личный интерес к археологии и важность археологии в современном мире. Средний показатель по первому вопросу составил – 5,5, по второму – 7,2. Эти показатели говорят о том, что общество вполне осознает важность археологии и заинтересовано в получении археологических знаний. Представления о том, чем занимаются археологи, и каков предмет археологи, также оказались вполне адекватными. Так, на вопрос *«О чем Вы думаете в первую очередь, когда слышите слово «археология»* ответы распределились следующим образом: древние культуры и цивилизации (38,2 %); история, культурное наследие (28,8 %); раскопки (10 %); мамонты (8,8 %); клады, золотые артефакты (7 %); динозавры (5,8 %); путешествие (4,7 %).

На вопрос *«Как Вы думаете, что изучают археологи?»* следующие ответы: прошлое человечества (70,5 %); древние цивилизации (44,7%); динозавры (7,6 %); скальные породы (7 %); аборигенные народы и общества (7 %); керамика (6,4 %); золото, клады (4,7 %); затонувшие корабли (2,9 %).

При высоком уровне личной заинтересованности в археологических знаниях, осознании ее общественной роли очень низкими оказались сами фактические знания респондентов в области археологии.

На вопрос открытого типа *«Перечислите, пожалуйста, самые яркие археологические открытия, о которых Вы знаете»:* не дали никакого ответа (44,7 %); египетские пирамиды (28,8 %); Троя (10 %); мамонты (5,3 %); цивилизация Майя (5,3 %); мумия с плато Уюк (2,9 %); инки, ацтеки (1,1 %); динозавры (1,1 %). На вопрос открытого типа *«Какие Вы знаете археологические комплексы в ок-*

рестностях Томска и в Томской области?»: не дали никакого ответа (69,4 %); Томская писаница (9,4 %); Тимирязевский археологический комплекс (5,8 %); Томский острог (4,7 %); Лагерный сад (4,1 %); мамонты (2,9 %); Тоянов городок (2,3 %); кулайская культура (2,3 %); Самусь (2,3 %); Басандайка (1,1 %). Отметим здесь, что Томская писаница находится в Кемеровской области, а самое популярное туристическое место в Томске – острог на Воскресенской горе – назвали всего 8 человек.

Такая картина может объясняться только тем, что сегодня практически полностью отсутствуют доступные для широкой общественности каналы передачи информации об археологическом знании. Такими каналами могут являться современные интерактивные музейные экспозиции, научно-популярные фильмы и передачи, открытые лекции и т.д. Ситуация, когда общество испытывает вполне осознанную необходимость в знаниях о далеком прошлом, а научное археологическое сообщество не способно этот интерес удовлетворить, не столь уж и безобидна и приводит к расцвету лженаучных теорий, мистицизма и т.д. Только наличие доступных и качественных информационных каналов, обеспечивающих связь между «археологом» и обществом, позволит преодолеть этот разрыв.

Е.М. Данченко, М.А. Грачев (Омск, Россия)

ПРОШЛОЕ В ПРЕЛОМЛЕНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Внутренне присущее человеку стремление упорядочить знания о явлениях окружающего мира предполагает их систематику и группировку по степени сходства или различия. Исторически это реализовывалось путем выработки моделей мироздания в виде мифологических, религиозных или научных концепций. Все они носят адаптивный характер, поскольку на свой лад выстраивают картину Вселенной и облегчают ориентацию в ней. Одной из составляющих ментальности является видение мира и себя в нем. Поскольку не бывает полностью гомогенных сообществ, при определении идентичности дихотомическое деление на «своих» и «чужих» может проходить по самым разным критериям, причем каждый случай можно считать частным проявлением универсальной потребности в систематизации.

Современное этнокультурное многообразие на планете – часть окружающей действительности, которая также нуждается в упорядочивании представлений о самобытности, происхождении и историческом прошлом народов. Поэтому этническое самосознание – одна из составляющих идентичности как таковой. В то же время специфика противопоставления «своих» и «чужих» по этническому признаку заключается в том, что сформировавшиеся обобщенно-стереотипные образы тех и других во многом обращены в прошлое, мифологизированы и субъективны. Групповая солидарность людей, относящих себя к одному этносу, помимо прочего, скрепляется представлениями об общности исторической судьбы, славном прошлом, героических предках, культ которых, вместе с почитанием исконной территории, является одним из универсальных проявлений архетипических структур. При этом для придания большей достоверности легендарным сюжетам обыденное сознание нередко допускает произвольную интерпретацию исторических фактов или вовсе обходится без них.

Наглядной иллюстрацией подобного мифотворчества в наши дни может служить интерпретация археологических объектов местным населением. Так, жители ряда татарских деревень севера Омской области полагают, что в окрестных курганах похоронены миссионеры, некогда прибывшие из Бухары для распространения ислама; места отдельных захоронений почитаются как святые – *Астана*. Известно, однако, что помимо устной традиции, позднее зафиксированной в текстах, события похода шейхов и религиозной войны в Западной Сибири практически не нашли отражения в других исторических источниках. В этой связи более вероятной представляется попытка местного татарского населения объяснить присутствие на занимаемой ими территории древних захоронений – неважно какого времени, – связав их с преданиями о подвигах «мучеников веры» [1].

Другим примером могут служить представления жителей русских деревень Омской области о том, что расположенные в округе археологические памятники (порой существовавшим задолго до покорения Сибири) являются остатками татарских землянок, обрушенных самими обитателями при приближении дружины Ермака. При этом результаты научных раскопок игнорируются местными сказителями или воспринимаются с откровенным недоверием.

Не менее показательной является сакрализация Татарского Увала с комплексом разновременных памятников в районе д. Окунево

Муромцевского района Омской области альтернативными религиозными общинами [2. С. 115–120]. Причем произвольная трактовка археологических древностей и включение их в создаваемые мифы свойственны не только представителям традиционных культур, но и жителям крупных мегаполисов, находящимся в современном информационном поле, что лишь подчеркивает универсальность механизма реинтерпретации историко-культурного наследия.

Библиография

1. Данченко Е.М., Галева Н.Ф. Памятники археологии севера Омской области в фольклоре (на примере курганного могильника Зимнее II) // Народная культура Сибири: Материалы XXII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. С. 131–135.

2. Яшин В.Б. Классик археологии и «неклассическая археология» // *Vita scientificus*, или археолог В. И. Матющенко. Омск: Полиграфический центр КАН, 2014. С. 108–131.

О.В. Зайцева (Томск, Россия)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И АКТУАЛИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Одной из характерных черт трансформации постсоветского общества стало формирование региональных идентичностей. При этом в России отсутствует характерный для большинства европейских стран феномен историко-культурных провинций, формировавшихся веками и имеющих свои границы, центры, символы и свое самосознание. Тем не менее в современной России фиксируется региональная идентичность самых различных типов (привязанная к крупным географическим общностям (Сибирь, Урал и т.д.) субъектам Федерации, субэтническим общностям и т.д.).

Региональная идентичность основана на общности территории, особенностях историко-культурного развития и экономики. Она все-

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

гда связана с определенным пространством, которое имеет свою мифологию, символы и бренды. Археологические памятники оказываются крайне привлекательными для конструирования региональных идентичностей в силу своей привязанности к конкретному пространству и своей очевидной древности. При этом если в случае с этнической идентичностью очень важна связь с конкретными «своими» предками, то в случае региональной важен сам факт нахождения человека на этой территории и материальные следы его деяний в глубокой древности. Наличие археологических памятников в большинстве регионов России, их значительный возраст и выраженность в ландшафте дают человеку необходимое ощущение «обжитости» и «освоенности» места и обеспечивают современному человеку необходимый психологический комфорт. Однако актуализация археологического наследия происходит сегодня во многом стихийно и не всегда имеет позитивные последствия для его сохранения и научного изучения. Именно кризис идентичности привел в 90-е гг. XX в. к взрыву общественного интереса к древнейшему прошлому и археологии во всех российских регионах. При этом профессиональное археологическое сообщество оказалось полностью не подготовленным к выполнению своей новой общественной функции. В советское время объекты археологического наследия находились в определенной изоляции от общества и были «монополизированы» научным сообществом для решения своих задач.

В современном мире археологическое наследие активно используется новыми религиозными течениями, движениями исторической реконструкции, современными художественными течениями типа «неоархаики» и т.д. Научное сообщество и государственные органы не смогли взять процесс стихийной «актуализации» археологического наследия под свой контроль. Самыми негативными последствиями стали факты массового уничтожения объектов археологического наследия и захлестнувший страну бум кладоискательства и «черной археологии».

Региональная идентичность, культурная «инаковость» в ситуации глобализации становятся важным ресурсом развития, а в случае дефицита этого ресурса – даже объектом борьбы. В ходе этой борьбы происходит отстаивание собственных локальных версий прошлого. Археологическое наследие территории в этом контексте оценивается как важнейший ресурс. Деятельное участие научного сообщества в выработке наиболее адекватных форм актуализации археоло-

гического наследия является сегодня самой актуальной задачей. Осознание археологического наследия как важного символического ресурса развития территорий должно привести к выработке региональных программ по его популяризации и актуализации.

А.Г. Селезнев (Омск, Россия)

**АНТРОПОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИИ: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ
МОТИВ «ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» И ЕГО РОЛЬ
В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ РОССИЙСКИХ САКРАЛЬНЫХ
ПРОСТРАНСТВ¹**

Поздне- и постсоветская эпоха характеризуется распространенным, но не вполне осмысленным социокультурным явлением – бурным ростом новых сакральных пространств и ритуальных практик: Аркаим на Южном Урале, Церковь Последнего Завета и Город Солнца в Красноярском крае, скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе, сейды Кольского полуострова и многие другие.

Характерная черта большей части новейших сакральных пространств – их ассоциированность со значимыми археологическими объектами. Такие объекты, связывающие в мифологическом сознании воедино пространство и время (вечность!), составляют естественную основу хронотопа культового комплекса. Самый известный в России случай – Аркаим. Типовой механизм формирования таких центров основан на идее реактуализации, пробуждения, активации сакрального потенциала археологических объектов, наделяемых сверхъестественными функциями. Эти представления зачастую подкреплены мифом, что именно данная территория была колыбелью древнейших суперцивилизаций и с нее начнется спасение всего человечества. Архетип «древних цивилизаций», включающий в себя архаичные мотивы эсхатологии, катастрофизма, превращения Хаоса в Космос, зачастую выступает как важный фактор этнокультурной идентичности (как это случилось, например, с мумией женщины, открытой на плоскогорье Укок).

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Жить в эпоху перемен»: динамика идентичностей населения юга Западной Сибири (1940-е – 2000-е годы), проект № 12-31-01043.

В докладе обсуждаются результаты полевого экспедиционного обследования сакрального центра, сформировавшегося в течение последних двух десятилетий в районе деревни Окунево Муромцевского района Омской области и обладающего значительной притягательной силой для самых разных религиозных объединений и групп людей. Оказалось, что становление окуневского феномена также в значительной степени стимулировалось своеобразным мифологическим осмыслением местного богатого археологического наследия. В этом плане Окунево занимает промежуточное положение между центрами, полностью ассоциированными с конкретными археологическими объектами (Аркаим, Укок, возможно, Долина царей) и локасами, никак внешне не связанными с археологическими памятниками (Город Солнца в красноярской тайге). Археологический контекст «окуневского феномена» расплывчатый и неконкретный.

Полученные материалы дают представление о некоторых особенностях массового мифологизированного сознания современной России как в отражении окружающей действительности в целом, так и, конкретно, применительно к области истории и археологии:

- запредельный, эзотерический, иррационально-мистический опыт как источник знаний о прошлом;

- «индианаджонсовская археология» – иллюзорные представления о простоте, романтике и доступности всем и каждому археологической работы: «урыл», копнул – и сразу сенсационное открытие;

- «задорновская» лингвистика – наивные этимологии, легко «доказывающие» идеологически заданные сценарии происхождения народов, языков, культур;

- архетип Великой Тайны за семью замками; заговор темных сил, скрывающих знания от широких масс;

- гипертрофированные представления о древности, свобода общения к великим эпохам, жонглирование тысячелетиями истории;

- неизжитый комплекс оруэлловского «старшего брата» – к примеру, в образе сотрудников ФСБ, внедренных в археологические отряды, и т.п.

И.А. Селезнева (Омск, Россия)

**НОВЫЕ САКРАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И СМИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ***

Новые сакральные пространства стали существенным фактором социальной и культурной реальности современной России. Этот фактор начинает осмысляться и оцениваться со стороны общества в лице государства, «традиционных» религий, средств массовой информации, официальной науки и т.д. В данной работе мы остановимся на роли СМИ в процессе актуализации иррациональных и мистических настроений части современного российского общества.

Объектом нашего исследования является новый сакральный центр, сформировавшийся за последние 20 лет в деревне Окунево Муромцевского района Омской области и привлекающий многочисленных российских и зарубежных паломников. Возросшая популярность Окунева как сакрального и энергетического центра земли стала активно эксплуатироваться СМИ. Сообщения об Окуневе с завидной регулярностью попадают в электронные и печатные информационные ресурсы. Очень широко эта тема освещается на телевидении, материалы о ней регулярно появляются как в новостных репортажах, так и в крупных телепроектах: «Тайны мира» с Анной Чапман на РЕН-ТВ, «Таинственная Россия» на НТВ, аналогичных по стилю и «достоверности» программах на других центральных и региональных российских телеканалах.

В итоге ореол таинственности и необъяснимости феномена Окунева не только не рассеялся, но стал еще более насыщенным. Смесь научных и околонаучных сюжетов, используемая терминология, упоминание имен известных ученых, передергивание фактов, мрачные краски, темные одежды репортеров, специфическое музыкальное сопровождение – вот характерные черты, усиливающие эффект таинственности неких странных с точки зрения современной науки явлений.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Новый сакральный центр России в социальном окружении: проблемы взаимодействия с государственными, религиозными, медийными институтами», проект №14-01-00431.

Такое внимание СМИ к феномену Окунева сделало его известным далеко за пределами Омской обл. и даже России. Это обеспечивает постоянный интерес к месту и приток новых паломников, в том числе медийных персон и представителей творческой элиты современной России. В конечном итоге формируется новая российская мифология, активно культивируемая и распространяемая посредством вышеперечисленных СМИ.

В.А. Шнирельман (Москва, Россия)

**«СТРАНА МОЯ АРИЙСКАЯ...» ИДЕНТИЧНОСТЬ
И НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ
ЭЗОТЕРИКИ)**

В июне 2009 г. я побывал на Аркаиме, где мне довелось присутствовать при проведении ритуала группой рериханцев. Там они прочли молитву во славу «страны моей арийской» и Матери-Земли, что было обращено ко всему человечеству, которое призывалось к единству. При этом «мы» отождествлялись с «арийцами», и ключевые для человеческой истории события происходили в России. Затем в ходе объяснений выяснялось, что именно России суждено стать «духовным водителем Земли», и это должно произойти очень скоро. Чем это вызвано? Оказывается, Россия является единственной страной, где имеется «седьмой луч души». Поэтому-то объединенному человечеству и предстоит собраться именно в России. Ведь только она способна «вместить все национальности».

Что стоит за такого рода представлением о мировой истории и о миссии России? Почему мыслящие космополитическими категориями эзотерики подчеркивают якобы ключевую роль России? Как идея единства человечества может сочетаться с акцентом на отдельной стране, и почему в качестве таковой выбирается именно Россия? Что именно выделяет ее на фоне других стран? И готовы ли с этим согласиться зарубежные эзотерики?

Парадокс эволюции мировых религий заключается в том, что, адаптируясь к местным условиям, они нередко утрачивают свое мировое значение и превращаются в национальные или региональные. Известными примерами служат русское православие в России или кельтское христианство в Ирландии.

Первую волну становления мировых религий, приходившуюся на эпоху «осевого времени», в XIX в. сменила вторая волна, представленная, прежде всего, эзотерикой. Теперь уже эзотерика призвала к окончанию былых религиозных распрей и к объединению религий, которые, по ее словам, несли одну и ту же истину, но открывавшуюся разным народам по-разному. Таково было послание теософии, бахаизма, неоиндуизма и ряда других эзотерических религий, обращавшихся ко всему человечеству. При этом большинство эзотериков порицают любое разобщение человечества, включая разделение на народы и нации.

В то же время, так как эзотерика возникла в век национализма, то в ней несложно выделить национальные версии, прежде всего французскую, англо-американскую, австро-германскую и русскую. Французская эзотерика, представленная работами А. Сент Ив д'Альвейдра и его учеников, сохраняла почтение к католицизму и флагманом человечества считала «кельтскую», или «арийскую», расу. Она грезилась об объединении всего человечества в наступающей Новой эре под эгидой Франции. Австро-германские ариософы начала XX в. связывали будущее с восстановлением социальной иерархии, на вершине которой должны были располагаться владыки мира, «чистокровные арийцы», но в этом случае «арийцы» отождествлялись с германцами, а их центр располагался в Вене. В свою очередь, в американской версии середины XX в. человечеству суждено было сплотиться воедино и построить справедливое мировое сообщество под водительством США. Иными словами, национализм отразился и на эзотерике, жестоко разрушив ее наивный миф о единстве человечества, якобы готового отказаться от своих национальных приоритетов и символов. Причем примером служили сами духовные учителя, предоставлявшие своей родине почетное место в величественном здании эзотерической мысли. В данной работе я рассмотрю русские версии эзотерики и проанализирую содержащийся в них русоцентризм.

**Секция 13. ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА:
ЭВОЛЮЦИОННЫЕ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ
АСПЕКТЫ**

Agnieszka Sorokowska (Дрезден, Германия)

**ASSESSING PEOPLE USING BODY ODOR: DOES
PERSONALITY SMELL?**

In our past, olfaction was crucial to find food, identify mates, and avoid various dangers [1]. Although the world around us keeps changing, smell has remained very important [2]. It enables us to e.g., interpret social signals and learn about identity of others. People are able to assess some personality traits of others based on videotaped behavior, short interaction or a photograph [3; 4]. In a series of studies, we investigated whether also smell can convey some information about personality. We tested the relationship between body odor and the Big Five personality traits and dominance (the correlations between scent ratings and the self-assessed personality dimensions). The main finding of the first Study was that in several personality traits, the correlation between self-assessed personality of odor donors and judgments based on their body odor (T-shirt samples) was above a chance level [5]. The correlations were strongest for extraversion (.36), neuroticism (.34) and dominance (.29). In the second study, naive observers assessed neuroticism and dominance at above-chance levels based on samples of body odor, and they assessed extraversion (and in some cases, neuroticism) at above-chance levels based on either facial images alone or body odor and facial images presented together [6]. In addition, facial and body odor attractiveness predicted the targets' personalities and the assessments of their personalities. The results of this study show that the accuracy of personality assessment changes when judges assess different types of stimuli. Interestingly, the assessments of extraversion based on axillary cotton pads were less accurate than the assessments based on T-shirts in Study I. The results of a third study [7] show that both children and adults assess neuroticism relatively accurately, whereas only adults congruently assess dominance based on body odor. In summary, the results of all presented studies sug-

gest that olfaction supplements visual and auditory cues throughout our whole lives, contributing to the formation of the first impression and accuracy of certain personality traits judgements.

Bibliography

1. *Stevenson R.J.* An initial evaluation of the functions of human olfaction // *Chemical senses*. 2010. Vol. 35. P. 3–20.
2. *Shepherd G.M.* The human sense of smell: are we better than we think? // *PLoS biology*. 2004. Vol. 2. P. 146.
3. *Borkenau P., Liebler A.* Trait inferences: Sources of validity at zero acquaintance // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol.62. P. 645–657.
4. *Carney D.R., Colvin C.R., Hall J.A.* A thin slice perspective on the accuracy of first impressions // *Journal of Research in Personality*. 2007. Vol. 41. P. 1054–1072.
5. *Sorokowska A., Sorokowski P., Szmajke A.* (). Does personality smell? Accuracy of personality assessments based on body odour // *European Journal of Personality*. 2012. Vol. 26. P. 496–503.
6. *Sorokowska A.* Seeing or smelling? Assessing personality on the basis of different stimuli // *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 55. P. 175–179.
7. *Sorokowska A.* Assessing Personality Using Body Odor: Differences Between Children and Adults // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2013. Vol. 37. P. 153–163.

Piotr Sorokowski (Вроцлав, Польша)

PHYSICAL ATTRACTIVENESS PREFERENCES IN TRADITIONAL POPULATIONS – BIOLOGICAL AND CULTURAL DETERMINANTS

Current knowledge regarding factors and consequences of physical attractiveness seems to be rather broad. Unfortunately this knowledge due to selection of participants, as Henrich [1] puts it, can only be applied to “weird” people (which is a play on words, from WEIRD: Western, Educated, Industrialized, Rich, Democratic), who constitute app. 12% of the world population. This is why it seems necessary to continue research based on traditional populations, which are separated from the western culture and globalization processes. This type of research provides a viable answer to the question “is perception of beauty universal?”. Therefore, our own researches were conducted in various regions of the world, which differ among each other both in terms of ecology and culture (i.e.: African Himba tribe, Papuan Yali tribe, African Datoga tribe, Amazonian Tsimane tribe [2, 3]).

In our last study we tested universality of face perception. A vast majority of studies demonstrated that human facial attractiveness is culturally universal [4]. As they were conducted among Western populations and populations strongly influenced by the Western culture it is not obvious if the preferences would also be the same in the populations isolated from this culture. For example, Jones and Hill [5] showed that there was a very low correlation (mean $r = 0,13$) between the assessment of facial attractiveness in Ache (Paraguay) and Hiwi (Venezuela) tribes as compared to the assessment of facial attractiveness by Americans, Russians and Brazilians. It was also unclear whether such pattern could be found for both attractive and unattractive faces. Our own research [6] was conducted among the Papuan Yali tribe, who were asked to choose what they considered to be the most attractive and the least attractive face of the opposite sex from a set of four stimuli (attractive, unattractive and two average Polish faces chosen during a pre-test). Results obtained during conducting this study showed intercultural differences in preferences towards faces of the opposite sex only in terms of attractive faces. It seems possible to assume (although very carefully) based on the obtained results that there is a universal model for what is considered unattractive, rather than attractive. Such hypothesis was discussed in the context of so called “bad genes” [7]. There are also other studies concerned with the social sciences, which show that negative stimuli have a much greater impact than positive ones [8].

Bibliography

1. *Henrich J., Heine S.J., Norenzayan A.* The weirdest people in the world // Behavioral and Brain Sciences. 2010. Vol. 33. P. 61–83.
2. *Sorokowski P., Sorokowska A., Fink B., Mberira M.* Variable preferences for sexual dimorphism in stature (SDS) might not be universal: Data from a semi nomad population (Himba) in Namibia // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2012. Vol. 43. P. 32–37.
3. *Sorokowski P., Butovskaya M.L.* Height preferences in humans are not universal. A study among Datoga (Tanzania) people // Body Image. 2012. Vol. 9. P. 510–516.
4. *Langlois J.H., Kalakanis L., Rubenstein A.J., Larson A., Haam M.* Maxims or myths of beauty // Psychological Bulletin. 2000. Vol.126. P. 390–423.
5. *Jones D., Hill K.* Criteria of facial attractiveness in five populations // Human Nature. 1993. Vol. 4. P. 271–296.

6. *Sorokowski P., Kościński K., Sorokowska A.* Is beauty in the eye of the beholder but unattractiveness culturally universal? Preferences for human faces in Poland and Papua // *Evolutionary Psychology*. 2013. Vol. 11. P. 907–925.

7. *Zebrowitz L.A., Rhodes G.* Sensitivity to «bad genes» and the anomalous face overgeneralization effect: cue validity, cue utilization, and accuracy in judging intelligence and health // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2004. Vol.28. P. 167–185.

8. *Baumeister R.F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K.D.* Bad is stronger than good // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5. P. 323–370.

М.Л. Бутовская (Москва, Россия)

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ОСНОВЫ АГРЕССИИ ЧЕЛОВЕКА¹

В данном докладе будут рассмотрены современные эволюционные подходы к изучению феномена агрессии у человека. Отдельно будут проанализированы механизмы внутри- и межгрупповой агрессии. В тесной взаимосвязи с агрессией будут проанализированы альтруизм и кооперации в человеческом обществе, имеющие отчетливые эволюционные корни. Агрессия и альтруизм часто рассматриваются как антиподы, но в контексте социального континуума, эти формы поведения часто сосуществуют и тесно переплетены между собой, а их проявление на внутригрупповом и межгрупповом уровне может носить альтернативный характер.

Мы сравним допустимые формы агрессии и постконфликтного поведения у приматов и человека. Покажем их сходство и различие. Особо обратим внимание на сходстве механизмов реализации агрессии и восстановления социального равновесия на внутригрупповом уровне у приматов и человека с учетом гормональной составляющей этих процессов. Проанализируем данные палеоантропологии и покажем вероятные тенденции преобразования социальных взаимоотношений в коллективах предков современного человека с учетом данных социо-экологии приматов, данных палеоантропологии и исследований среди современных охотников-собирателей. Будет сделан акцент на взаимосвязи между репродуктивным успехом в социумах представителей конкретного вида приматов и характером допустимой агрессии. Далее показаны возможные трансформации социальной организации у предков человека и сделаны предсказания

---

¹ Доклад подготовлен при поддержке фонда РФФИ, грант 13-06-00393.

о возможном уровне агрессии у этих видов гоминин. Наконец, на основе собственных данных и данных других авторов мы анализируем уровень агрессии бродячих охотников-собираателей (хадза Танзании) и проиллюстрируем роль экологических, экономических и культурных факторов, влияющих на изменчивость уровня агрессии и модели допустимой агрессии в коллективах самих охотников-собираателей.

Особое внимание будет уделено проблеме врожденной предрасположенности к агрессии. Будут представлены возможные генетические кандидаты и маркеры пренатальной андрогенизации. Возрастные и гендерные различия в уровне и формах агрессии будут интерпретированы с учетом эволюционной теории. Особое внимание будет уделено «синдрому молодых мужчин», его эволюционному смыслу, реализации в условиях традиционных бесклассовых обществ и проявлениям в современном мире. Представлены возможные пути его минимизации в индустриальных обществах с учетом политических и социоэкономических факторов.

О.А. Донских (Новосибирск, Россия)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА КАК СИСТЕМЫ В КЛЮЧЕ ЭТОЛОГИИ

Анализ проблемы происхождения языка требует системного подхода, причем системообразующий фактор необходимо искать не в языке как таковом (безусловно, являющемся системой), а в системе поведения.

Характер соотношения языка и речи имеет смысл рассматривать в рамках соотношения поведения и принципов, это поведение определяющих. Речь рассматривается как способ организации поведения, опосредуемого языком как системой знаков.

Если рассматривать человеческую речь в ключе поведения, то возникает возможность задать ее отличия от вокализаций животных, хотя и существуют большие трудности в связи с тем, что сложные поведенческие акты могут быть не связаны с наличием языка.

По-видимому, наиболее принципиальная проблема, связанная с происхождением языка состоит в том, что он не может формироваться поэтапно и пошагово, поскольку знаки являются таковы-

ми лишь в рамках системных отношений. Более того, эта системность задается наличием подсистем нескольких уровней (по-видимому, не менее трех, если считать такие уровни как семантический, фонетический и синтактико-морфологический). Поскольку они определяются друг другом, они не могут последовательно складываться из отдельных единиц.

Получается, что язык появляется сразу как некая целостность. И только тогда он может определять речевую деятельность. Любые теории, которые подразумевают плавное, а не дискретное складывание языка опираются на ложную ретроспекцию.

В свою очередь, речь складывается в качестве составляющей поведения независимо от языка и гораздо раньше, если понимать под речью коммуникацию, обеспечиваемую различными единицами.

Современные исследования в области археологии палеолита позволяют не только оценивать эволюцию интеллектуальных возможностей рода *homo*, но и эволюцию поведения.

Таким образом, искать ответ на те вопросы, которые задает проблемное поле происхождения сложного коммуникативно-знакового поведения, можно только в рамках антропологического подхода.

Е.В. Нам (Томск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ «ОРГАНИЗМ – СРЕДА» И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В ТРАДИЦИИ СИБИРСКОГО ШАМАНИЗМА¹

В системе адаптационных механизмов культуры в качестве одного из базовых параметров культурной идентичности можно выделить противопоставление «организм – среда». Подобное размежевание открывает двойную перспективу освоения пространства. С одной стороны, физическое тело человека и его отдельные части становятся «предпочтительной системой соотносительных понятий», к которой сводится членение пространства и всего того, что в нем содержится [1. С. 221]. Уподобление строения Вселенной строению

---

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

человеческого (животного) организма – один из наиболее ранних вариантов космологии. С другой стороны, противопоставление «организм – среда» требует идентификации с собственным организмом и рассмотрения его как естественной границы в культурном пространстве. Данные познавательные стратегии являются взаимозависимыми, в равной мере участвуют в формировании структуры традиционного мировоззрения и определяют правила перехода от микрокосма к макрокосму и от макрокосма к микрокосму.

В настоящее время имеется большое количество исследований, посвященных анатомическому конструированию природы, социума и мира вещей в традициях народов Сибири и других регионов. Однако символическое воплощение и культурное значение процесса идентификации человека с собственным организмом до сих пор остается недостаточно разработанной темой. В рамках доклада предполагается аккумулировать материал, разбросанный по различным этнографическим описаниям и фольклорным текстам, наметить основные направления развития традиционного мировоззрения в осмыслении данной тематики и показать особую значимость идентификационной стратегии «организм – среда» в шаманской традиции народов Сибири.

В изучении мифологического мировосприятия и тесно связанного с ним традиционного мировоззрения народов Сибири выработаны определенные методологические подходы. Во-первых, организм рассматривается как психосоматическое единство, не дифференцированное (или слабо дифференцированное) на телесные и душевные характеристики. Во-вторых, телесные характеристики основаны на органической взаимосвязи целого и его частей. Таким образом, имеет место иерархическая система построения всей органической вселенной, где часть всегда репрезентирует целое и обладает всей полнотой его свойств, будь то часть человеческого организма, природного ландшафта или социальной структуры. В-третьих, структура мироздания на всех ее уровнях (природном, социальном, вещном, телесном) характеризуется обязательным делением на сакральную и обыденную составляющие. Оно предполагает, с одной стороны, стремление от размытости и нерасчлененности пространственных представлений к четкой маркировке границ, с другой стороны, способствует выработке многообразных каналов культурной коммуникации.

Размежевание между организмом человека как некоего психосоматического единства и окружающей средой занимало важнейшее

место среди адаптационных механизмов культуры народов Сибири. Функциями носителей жизненного начала и каналами перемещения между мирами наделялись все части тела, среди которых позднее стали выделяться отдельные, наиболее значимые с точки зрения традиционного сознания органы. Среди частей тела, репрезентирующих всю полноту жизненных свойств человека, особое значение приобрели глаза, определяющие важнейшие характеристики бытия: видимость и невидимость, а также пограничные состояния в процессе жизненной активности человека: сон, болезнь, смерть и шаманский транс. Организм человека как особое жизненное начало был противопоставлен иным вариантам жизненности (животный и растительный мир, мир вещей, потусторонний мир), наполняющим культурное и природное пространство. Возможно, что данное противопоставление постепенно привело к осознанию полной несовместимости отдельных жизненных начал (и, соответственно, различных миров), поэтому только пересотворенный в процессе инициации организм шамана давал ему доступ в иные миры и стал универсальным каналом коммуникации и способом транспортировки жизненно важных ценностей между мирами. Рассмотрение традиционного мировоззрения народов Сибири и связанной с ним шаманской традиции через особенности противопоставления «организм – среда» открывает перспективы построения мировоззренческой модели, основанной на иерархии жизненных начал, в той или иной мере соотносенных с организмом человека.

Библиография

1. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.

А.А. Скоробогатая (Москва, Россия)

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В МЕНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ¹

Больше двадцати лет прошло со времени распада Советского союза и возникновения новых независимых государств, что наряду с быстро идущими социально-политическими и экономическими

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ проект №14-06-00836а.

трансформациями породило новую этнополитическую и социально-психологическую реальность. Ее характерными признаками явились: изменение этнополитических статусов этнических групп в республиках бывшего СССР; процесс поиска новой, адекватной реальности этнической, культурной и конфессиональной идентификации у представителей «титულных» этносов и этнических меньшинств; рост этнических миграций и осознание необходимости аккультурации в новых культурных и политических условиях; рост межэтнической напряженности, локальных этнических конфликтов, проявления межэтнической нетерпимости, ксенофобии; необходимость формирования общегражданской идентичности для сохранения этнического мира; процесс изменения ценностной структуры индивидуального и группового (этнического) сознания в направлении ценностей индивидуализма и личной ответственности.

Все вышеозначенные проблемы в той или иной степени привели к изменению этнической, культурной и гражданской идентичности населения бывшего СССР. Психологические аспекты этой проблемы интенсивно исследовались специалистами-психологами в новых независимых государствах – России (Лебедева Н.М., 1995, 1999; Солдатова Г.У., 1998; Стефаненко Т.Г., 1997), Украине (Павленко В.П., 1997, Шульга Н.А., 1996), Беларуси (Науменко Л.И., 1997), Казахстане (Мулдашева А.Б., 1997; Уталиева Ж.Б., 1997), Литве (Касаткина Н.В., 1997; Кузмицкайте Л., 1996), Эстонии (Кирх А., 1994), Узбекистане (Андрушак И.Б., 1998).

Процессы распада государственных образований в последнее десятилетие коснулись ряда стран СНГ (Приднестровье – в Молдавии, Абхазия и Южная Осетия – в Грузии, Нагорный Карабах – в Азербайджане). Последние события на Украине подтверждают незаконченность этих процессов. Ситуации в Боснии и Герцеговине, события вокруг Косово свидетельствуют, что подобные процессы перестают быть внутренним делом отдельных государств, и на какой-то стадии конфликт интернационализируется. На данном этапе мировое сообщество не может многие конфликты рассматривать в качестве «внутренних» и игнорировать их (Баранов, 2000).

Борьба этнополитических элит за свои интересы и осуществляемые этими элитами манипуляции общественным сознанием позволяют иногда вовлечь большие группы людей. Главный способ манипуляций – обращение к истории, этничности и религии, результат –

усиление до кризисного показателя чувства этнической депривации, а затем и переход к насилию (Савва, 2004).

Стремление к преодолению кризиса идентичности порождает ряд следствий, которые могут выступать предпосылками обострения межэтнических отношений, а именно: возрождается интерес людей к консолидации в первичных, естественных общностях (этнических и конфессиональных); усиливаются традиционалистские настроения и ксенофобия. Такого рода процессы консолидации способны порождать этническую напряженность, поскольку в их основе лежат механизмы противопоставления первичных групп по принципу «мы» – «они». К этому в переломные периоды обычно добавляется еще и отрицательная оценка чужаков («они» хуже «нас», «мы» – жертвы «их» происков), ибо поиск внешнего «врага», виновника «наших» бед, почти неизбежен в условиях дискомфорта, сопровождающего исторические перемены. Он проявляется в росте актуализации этнической идентичности на фоне глубоких интеграционных процессов во всех сферах жизни, а также в сохраняющейся наперекор этому убежденности многих ученых о неизбежности стирания этнических границ в современном мире (Паин, 2002).

Все эти процессы неизбежно отражаются в индивидуальном сознании, определяя адаптационный потенциал личности в переломные эпохи, который влияет на социальные и политические выборы людей. Важно выявить универсальные и специфические этнокультурные и социально-психологические факторы, установки межэтнического взаимодействия, связанные с **кризисом идентичности** у представителей разных культур, проживающих на постсоветском пространстве, подверженном геополитическим трансформациям, а также построить теоретические модели их зарождения и функционирования.

Ю.Н. Феденок, В.Н. Буркова, М.Л. Бутовская (Москва, Россия)

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЕГО СВЯЗЬ С ОСОБЕННОСТЯМИ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ У РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Пространственное поведение человека представляет собой один из краеугольных камней, на котором базируется социальное общение, как на индивидуальном, так на групповом и межгрупповом

уровнях [1]. Пространство вокруг человека представляет своеобразный пузырь, который расширяется и сужается в зависимости от ситуации и индивидуальных различий (культура, пол, возраст, личные особенности) [2, 3, 4]. Так, например, оно увеличивается под влиянием стресса или при обсуждении неприятной темы [5]. Интровертам необходимо больше персонального пространства, чем экстравертам [4, 6], это же относится и к более возбудимым людям [7], и к людям с низкой самооценкой [8]. А вот лица с высокой самооценкой обычно общаются на более близком расстоянии [9]. Известно, что пространственное поведение тесно связано с проявлением агрессии у человека [10].

Нами было проведено изучение пространственного поведения школьников в возрасте от 9 до 17 лет, проживающих в пяти населенных пунктах России, различных по этническому составу и социокультурной обстановке (город – поселок – село). Анализ полученных данных показал, что на пространственное поведение детей и подростков помимо факторов пола, возраста, этнической принадлежности партнеров и региона их проживания влияют также личностные черты. Так обнаружена связь между дистанцией общения и социальным статусом ребенка в группе (с более популярными сверстниками общаются на меньшем расстоянии) и степенью близости отношений (на близком расстоянии общаются друзья, а максимальная дистанция наблюдается при конфликтных отношениях). Помимо этого у мальчиков наблюдается четкая связь между дистанцией общения и доминированием – чем ближе расстояние общения, тем более выражено доминирование одного партнера над другим.

Библиография

1. Hall E.T. A system for the notation of proxemic behavior // American Anthropologist. 1963. Vol.65. P. 1003–1026.
2. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М., 2004. 440 с.
3. Феденок Ю.Н. Коммуникативное поведение русских школьников (сравнительный аспект) // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 119–138.
4. Aiello J.R. Human spatial behavior // Handbook of Environmental Psychology. In.D.Stokols & I.Altman (Eds.). Vol. P. 505–531.
5. Strayer J., Roberts W. Children's personal distance and their empathy: Indices of interpersonal closeness // International Journal of Behavioral Development. 1997. Vol. 20(3). P. 385–403.

6. *Sommer R.* Personal space: The Behavioral Basis of Desing. Englewood Cliffs. NY: Prentice-Hall, 1969.

7. *Patterson M.L.* Interpersonal distance, affiliate and equilibrium theory // *Journal of Social Psychology.* 1977. Vol. 101. P. 205–214.

8. *Bell P.A., Greene T.C., Fisher J.D., Baum A.* Environmental Psychology. Philadelphia: Harcourt College Publishers, 2001.

9. *Тлегенова Г.А.* Влияние агрессивности на проксемические характеристики невербального поведения // *Дипломная работа выпускницы кафедры социальной психологии факультета психологии.* СПб, 1990.

10. *Буркова В.Н., Бутовская М.Л.* Персональное пространство и агрессивное поведение у российских подростков: этологический анализ // *Развитие личности.* № 3. С. 119–135.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ КОНФЕРЕНЦИИ

По окончании Конференции планируется издать сборник статей. Электронные версии статей принимаются **до 15 ноября 2014 г.** по адресу: lsar@mail.tsu.ru. В названии файла необходимо использовать латинские символы (например: `Ivanov.doc`). Объем рукописи – до 20 тыс. печатных знаков (включая пробелы).

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указываются название рубрики (соответствующее одному из направлений в работе Конференции), номер по Универсальной десятичной классификации (**УДК**) и приводятся (каждый раз с новой строки)

Данные об авторе:

фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке);
ученая степень, ученое звание;
должность и место работы/учебы (просьба указать также официальное название организации на английском языке);
e-mail;
почтовый адрес;
телефон (рабочий и/ или сотовый).

Данные о статье:

название статьи на русском и в переводе на английский язык;
резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое);
список ключевых слов на русском и английском языке (не более 7).

Текст статьи начинается с новой страницы. **Нумерация страниц** текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру. Приводятся (каждый раз с новой строки):

– инициалы и фамилия автора (по центру, строчными буквами, например: И.И. Иванов);

– название статьи (по центру, строчными буквами, например: Основные тенденции конструирования сибирской региональной идентичности на рубеже XX – XXI вв.);

– аннотация (не менее 300 знаков, выделенная курсивом и отделенная от названия статьи пропуском строки);

– ключевые слова (не более 5, выделенные курсивом и отделенные от текста статьи пропуском строки).

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами, мы просим Вас делить Ваш текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Графики и рисунки должны быть представлены в формате JPG EPS с разрешением не менее 300 dpi (каждая иллюстрация – в виде отдельного файла).

Список литературы и источников формируется в алфавитном порядке

Образцы оформления:

Для монографий: Иванов И.И. Название. СПб.: Наука, 1994. 280 с.

Для статей: Васильева Т.В., Мичурина Т.В., Хрущов Н.Г. (если авторов больше трех, то после трех фамилий пишут “и др.”). Название статьи // Журнал (сокращенно, без кавычек). 1978. Т. 9, №3. С. 288–290.

Для диссертаций: Хлопова А.А. Название: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Н. Новгород, 1999. 109 с.

Для авторефератов диссертаций: Жидкова И.Л. Название: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2000. 24 с.

Для архивных источников (с указанием названия дела и года):
ГАТО. Ф.234. Оп.1. Д.135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

Для электронных ресурсов нужно указать практически те же данные, что и для публикаций в журналах: автор, название статьи, название сайта (или раздела сайта) и адрес URL. В записи обязательно должен присутствовать текст [Электронный ресурс] и указание на дату обращения.

Транслитерация списка литературы будет производиться Редакцией сборника.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений/аббревиатур необходимо приложить их список.

Ссылки на использованные источники и литературу

Фамилия автора и год публикации указываются в скобках без запятой, номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Сергеев 2011: 35); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы (Иванов, Петров, Сидоров 1980), в дальнейшем используется сокращение «и др.» (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используется «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

При ссылке на работы нескольких авторов, они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005). Если в список включены несколько работ одного автора, опубликованных в одном году, они должны иметь в списке литературы буквенные обозначения (напр.: 2009а, б и т.д.; для иностранных авторов – 2009а, b, c и т.д.), которые и используются при оформлении ссылок.

В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (первая четверть XX века)» будет выглядеть следующим образом: (Политическая культура ...2013).

В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (напр., 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок (напр.: ГАОО 1909а: 13–14).

В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (напр.: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

Редакция оставляет за собой право отклонять рукописи, оформление которых не соответствует данным требованиям.

Текст рукописи направляется на рецензию к специалисту в данной области исследований. После получения положительной рецензии редакция уведомляет авторов о том, что статья принята к опубликованию. В спорных случаях по усмотрению редколлегии статья направляется на дополнительную рецензию. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

1. Aleksandra Wiercinska, MA in ethnology and cultural anthropology (Ставангер, Норвегия) wiercinska.aleksandra@gmail.com.
2. Aude Merlin, PhD, Professor (Брюссель, Бельгия) Aude.Merlin@ulb.ac.be.
3. Cordula Gdaniec, PhD (Берлин, Германия) c.gdaniec@gmail.com.
4. D. Samson Normand de Chambourg, PhD, Associate professor (Париж, Франция) dsamsonnormanddechambourg@yahoo.fr.
5. Dobrochna Olszewska, PhD student (Торунь, Польша) dobruchal@gmail.com.
6. Hugh Beach, Chair, Professor of Cultural Anthropology (Упсала, Швеция) Hugh.beach@antro.uu.se.
7. Izabela Jamrozik, MA Medical Anthropology (Лондон, Великобритания) atigraha@gmail.com.
8. John Kennedy, MSc, MA, Doctoral Researcher (Бирмингем, Великобритания) jak945@bham.ac.uk.
9. Piotr Sorokowski, PhD, Head of Experimental Social Psychology Unit (Вроцлав, Польша) sorokowskipiotr@yahoo.co.uk.
10. Richard Sakwa, PhD, Professor, Head of School of Politics and International Relations (Кантербери, Великобритания) R.Sakwa@kent.ac.uk.
11. Sara Barbieri, Post-Doc Researcher (Болонья, Италия) barbieri.sara@gmail.com.
12. Sarah Busse Spencer, PhD Sociology, Docent (Москва, Россия) sspencer@hse.ru.
13. Vladislava Vladimirova, PhD, Senior Lecturer (Упсала, Швеция) Vladislava.vladimirova@ucrs.uu.se.
14. Wiesław Caban, PhD, professor (Кельце, Польша) caban@ujk.kielce.pl.

15. Wojciech Olszewski, Chair, Professor of Cultural Anthropology (Торунь, Польша) wojol@umk.pl.

16. Агеев Илья Александрович, канд. ист. наук, ст. преподаватель (Томск, Россия) agilalex@mail.ru.

17. Агеева Вера Валентиновна, канд. ист. наук, ст. преподаватель (Томск, Россия) iforya@tpu.ru.

18. Алексеенко Александр Николаевич, д-р ист. наук, проф. (Усть-Каменогорск, Казахстан) Aalaxeenko@mail.ru.

19. Алишина Галина Николаевна, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) galinaalishina@gmail.com.

20. Алтухова Светлана Алексеевна, аспирант (Томск, Россия) лана.asol@mail.ru.

21. Аманжолова Дина Ахметжановна, д-р ист. наук, проф. (Москва, Россия) amanzholova19@mail.ru.

22. Андропова Лариса Александровна, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) laruka@yandex.ru.

23. Анисимова Алла Александровна, МА, ст. преподаватель (Новосибирск, Россия) alla.anisimova@inbox.ru.

24. Анохина Елена Сергеевна, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) Anokhina.es@yandex.ru.

25. Богомаз Сергей Александрович, д-р психол. наук, проф., зав. каф. (Томск, Россия) bogomazsa@mail.ru.

26. Бородавский Андрей Павлович, д-р ист. наук, в.н.с. ИАЭТ СО РАН (Новосибирск, Россия) altaicenter2011@gmail.com.

27. Бочаров Алексей Владимирович, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) bav346@rambler.ru.

28. Бутовская Марина Львовна, д-р ист. наук, проф., зав. сектором кросс-культурной психологии и этнологии человека (Москва, Россия) Marina.butovskaya@gmail.com.

29. Васильев Евгений Алексеевич, канд. ист. наук, доцент, зав. каф. археологии, этнографии и исторического краеведения (Томск, Россия) eavasilev@mail.ru.

30. Васильева Валерия Владиславовна, студент (Санкт-Петербург, Россия) leravasilyeva11@gmail.com.

31. Верещака Елена Андреевна, аспирант (Санкт-Петербург, Россия) elenav0202@gmail.com.

32. Водясов Евгений Вячеславович, канд. ист. наук, с.н.с. ЛСАИ (Томск, Россия) vodiasov_ev@mail.ru.

33. Волкова Жанна Владимировна, канд. педагог. наук, н.с. (Томск, Россия) Volkovazhanna08@yandex.ru.

34. Ворожищева Ольга Михайловна, канд. ист. наук (Томск, Россия) olga_v86@sibmail.com.
35. Воскресенская Марина Аркадьевна, д-р ист. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия) marina3010@ngs.ru.
36. Гаврилова Ксения Андреевна, координатор научных проектов (Санкт-Петербург, Россия) kgawrilova@eu.spb.ru.
37. Гонина Наталья Владимировна, канд. ист. наук, доцент (Красноярск, Россия) nvg7@mail.ru.
38. Грачев Максим Александрович, директор музея археологии и этнографии (Омск, Россия) max803@yandex.ru.
39. Грибовский Михаил Викторович, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) mgrib@mail2000.ru.
40. Григоричев Константин Вадимович, канд. ист. наук, зав. лабораторией исторической и политической демографии (Иркутск, Россия) grigoritchev@yandex.ru.
41. Грошева Галина Васильевна, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) groshvagv@mail.ru.
42. Гулиус Наталья Сергеевна, канд. филол. наук, доцент (Томск, Россия) guliusn@yandex.ru.
43. Давыдов Владимир Николаевич, канд. социол. наук, с.н.с., и.о. зав. отделом этнографии Сибири (Санкт-Петербург, Россия) davydov@kunstkamera.ru.
44. Данченко Евгений Михайлович, канд. ист. наук, доцент (Омск, Россия) dantchen@rambler.ru.
45. Дементьева Светлана Валерьевна, канд. филос. наук, доцент (Томск, Россия) Demen-svetlana@yandex.ru.
46. Дериглазова Лариса Валериевна, д-р ист. наук, проф. (Томск, Россия) dlarisa@inbox.ru.
47. Донских Олег Альбертович, д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия) oleg.donskikh@gmail.com.
48. Дятлов Виктор Иннокентьевич, д-р ист. наук, проф. (Иркутск, Россия) vikdyatlov@yandex.ru.
49. Ерохина Елена Анатольевна, канд. филос. наук, с.н.с. Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия) leroh@mail.ru.
50. Ечевская Ольга Геннадьевна, канд. социол. наук (Новосибирск, Россия) echevskaya@gmail.com.
51. Жарчинская Ксения Александровна, аспирант (Томск, Россия) zharch@mail2000.ru.

52. Жигунова Марина Александровна, канд. ист. наук, с.н.с. Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (Омск, Россия) marizh.omsk@rambler.ru.

53. Зайцева Ольга Викторовна, канд. ист. наук, директор Центра коллективного пользования междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» (Томск, Россия) snori76@mail.ru.

54. Зимовина Елена Павловна, канд. ист. наук, с.н.с. (Калининград, Россия) zimelena@yandex.ru.

55. Зиновьев Василий Павлович, д-р ист. наук, проф., декан исторического факультета (Томск, Россия) vpz@tsu.ru.

56. Зиновьева Валентина Ивановна, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) vpz@tsu.ru.

57. Кашпур Виталий Викторович, канд. социол. наук, зав. каф. социологии (Томск, Россия) vitkashpur@mail.ru.

58. Ким Елена Алексеевна, канд. ист. наук, ст. преподаватель (Томск, Россия) kimea@mail.ru.

59. Кириллов Виктор Михайлович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Тагил, Россия) history_vmk@mail.ru.

60. Кириллова Антонина Игоревна, канд. социол. наук (Новосибирск, Россия) Antonia_K@mail.ru.

61. Кирсанова Екатерина Анатольевна, ст. преподаватель (Томск, Россия) ekirsanova@yandex.ru.

62. Климова Галина Сергеевна, канд. ист. наук, доцент (Москва, Россия) Galina1584@gmail.com.

63. Ковальская Светлана Ивановна, д-р ист. наук (Астана, Казахстан) skovalsk@mail.ru.

64. Колодиев Николай Николаевич, канд. социол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия) kolodiev@inbox.ru.

65. Коньков Дмитрий Сергеевич, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) dkonkov@mail.ru.

66. Корандей Федор Сергеевич, канд. ист. наук, с.н.с. лаборатории исторической географии и регионалистики (Тюмень, Россия) Brecht_1@mail.ru.

67. Крих Анна Алексеевна, канд. ист. наук, доцент (Омск, Россия) novoselovaa@rambler.ru.

68. Кудряшев Вячеслав Николаевич, д-р ист. наук, доцент (Томск, Россия) kvn62@sibmail.com.

69. Кутилова Лариса Александровна, канд. ист. наук, доцент (Красноярск, Россия) kutiloval@rambler.ru.

70. Лойко Наталья Александровна, магистрант (Томск, Россия) lojkonatasha@yandex.ru.
71. Луков Евгений Викторович, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) Lev74@mail2000.ru.
72. Лурье Михаил Лазаревич, канд. искусствоведения, доцент, декан фак-та антропологии (Санкт-Петербург, Россия) mlurie@inbox.ru.
73. Люля Наталья Викторовна, ведущий специалист по учебно-методической работе УНИЛ «Историческое краеведение» (Барнаул, Россия) natalyalyulya@mail.ru.
74. Лярская Елена Владимировна, канд. ист. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия) rica@eu.spb.ru.
75. Мажинский Станислав Витальевич, аспирант (Томск, Россия) mazhinsky@yandex.ru.
76. Малинова Ольга Юрьевна, д-р ист. наук, г.н.с. Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия) omalinova@mail.ru.
77. Малиновский Лев Викторович, д-р ист. наук, проф. (Барнаул, Россия) malgeorge@rambler.ru.
78. Матвеева Елизавета Аркадьевна, канд. ист. наук, доцент (Иркутск, Россия) elizmatv@yandex.ru.
79. Миськова Елена Вячеславовна, канд. ист. наук, доцент (Москва, Россия) milenk2@gmail.com.
80. Мулина Светлана Анатольевна, канд. ист. наук, доцент (Омск, Россия) wiewiorka@mail.ru.
81. Нам Елена Вадимовна, канд. ист. наук, с.н.с. ЛСАИ (Томск, Россия) n.elvad@yandex.ru.
82. Нам Ираида Владимировна, д-р ист. наук, проф., зав. ЛСАИ (Томск, Россия) namirina@bk.ru.
83. Намруева Людмила Васильевна, канд. социол. наук, доцент (Элиста, Россия) lnamrueva@yandex.ru.
84. Наумова Наталья Ивановна, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) TomNIN@yandex.ru.
85. Недзелюк Татьяна Геннадьевна, канд. ист. наук, доцент (Новосибирск, Россия) tatned@mail.ru.
86. Новикова Наталья Ивановна, д-р ист. наук, в.н.с. Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия) natinovikova@gmail.com.
87. Носкова Наталья Геннадьевна, аспирант (Томск, Россия) noskovanatalia@inbox.ru.

88. Оберемко Олег Алексеевич, канд. социол. наук, доцент (Москва, Россия) ooberemko@yandex.ru.

89. Олохова Ольга Павловна, аспирант (Нижний Тагил, Россия) polite87@yandex.ru.

90. Омельченко Елена Александровна, канд. ист. наук, в.н.с. кафедры ЮНЕСКО (Москва, Россия) aalenom@gmail.com.

91. Ооржак Наталья Олзей-ооловна, ст. преподаватель (Томск, Россия) oorzhakno@mail.ru.

92. Опарин Дмитрий Анатольевич, аспирант, ассистент (Москва, Россия) dimaoparin@hotmail.com.

93. Осипов Константин Иванович, н.с. лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики (Кемерово, Россия) constantine.osipov@gmail.com.

94. Панов Петр Вячеславович, д-р полит. наук, проф. (Пермь, Россия) panov.petr@gmail.com.

95. Пивнева Елена Анатольевна, канд. ист. наук, ученый секретарь ИЭА РАН (Москва, Россия) pivnel@mail.ru.

96. Пироговская Мария Михайловна, аспирант (Санкт-Петербург, Россия) mpirogovskaya@eu.spb.ru.

97. Погодаев Николай Петрович, канд. ист. наук, с.н.с. ЛСАИ (Томск, Россия) Nik-pogodaev@yandex.ru.

98. Подвинцев Олег Борисович, д-р полит. наук, проф., зав. отделом по исследованию политических институтов и процессов (Пермь, Россия) podvintsev2009@yandex.ru.

99. Поддубиков Владимир Валерьевич, канд. ист. наук, зав. лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики (Кемерово, Россия) poddub@gmail.com.

100. Полетаев Дмитрий Вячеславович, канд. эконом. наук, директор РОО «Центр миграционных исследований» (Москва, Россия) dmitrypoletaev@yandex.ru.

101. Поправко Ирина Геннадьевна, канд. ист. наук, в.н.с. ЛСАИ (Томск, Россия) popravkoirina@yandex.ru.

102. Рабинович Владимир Юльевич, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой (Иркутск, Россия) gabinovichv@mail.ru.

103. Реут Олег Чеславович, канд. техн. наук, доцент (Петрозаводск, Россия) olegreut@psu.karelia.ru.

104. Родигина Наталия Николаевна, д-р ист. наук, проф. (Новосибирск, Россия) natrodigina@list.ru.

105. Ростовцев Евгений Анатольевич, канд. ист. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия) rostovtsev@hotmail.ru.

106. Рябова Маргарита Сергеевна, соискатель (Томск, Россия) margarita_sr@mail.ru.
107. Селезнева Ирина Александровна, канд. ист. наук, доцент (Омск, Россия) ir_selez@mail.ru.
108. Семенов Андрей Владимирович, канд. полит. наук, доцент (Тюмень, Россия) andre.semenoff@gmail.com.
109. Скалабан Ирина Анатольевна, канд. ист. наук, доцент (Новосибирск, Россия) skalaban@ngs.ru.
110. Смирнов Сергей Алевтинович, д-р филос. наук, зав. лабораторией стратегических и форсайтных исследований (Новосибирск, Россия) Smirnoff1955@yandex.ru.
111. Смирнова Татьяна Борисовна, д-р ист. наук, проф. (Омск, Россия) smirnovatb@omsu.ru.
112. Соколов Виктор Юрьевич, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) sokvu@yandex.ru.
113. Солодова Галина Сергеевна, д-р социол. наук (Новосибирск, Россия) solodova@mail.nsk.ru.
114. Сорокин Александр Николаевич, канд. ист. наук, с.н.с. ЛСАИ (Томск, Россия) salexhist@mail2000.ru.
115. Сорокина Татьяна Николаевна, канд. ист. наук, доцент (Омск, Россия) sortn@rambler.ru.
116. Скорин-Чайков Николай Владимирович, д-р философии, преп., науч. сотрудник (Кембридж, Великобритания) ns267@cam.ac.uk.
117. Стракевич Анастасия Алексеевна, студентка (Томск, Россия) lowenzahnwein@rambler.ru.
118. Суворова Наталья Геннадьевна, канд. ист. наук, доцент (Омск, Россия) Sng19911@rambler.ru.
119. Сулима Игорь Иванович, д-р филос. наук, доцент (Нижний Новгород, Россия) sulima.i.i@mail.ru.
120. Суляк Сергей Георгиевич, канд. ист. наук, доцент (Кишинев, Республика Молдова) sergei_suleak@rambler.ru.
121. Суровцева Ирина Юрьевна, канд. ист. наук, доцент (Донецк, Украина) pro-uch@mail.ru.
122. Тетеревлева Татьяна Павловна, канд. ист. наук, доцент (Архангельск, Россия) tat_tet2010@gmail.com.
123. Трубина Елена Германовна, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия) elena.trubina@gmail.com.
124. Трубникова Татьяна Владимировна, канд. юр. наук, доцент (Томск, Россия) trubn@mail.ru.
125. Туренко Олег Станиславович, канд. филос. наук, ст. преподаватель (Донецк, Украина).

126. Турушева Наталья Владимировна, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) nv2rusheva@mail.ru.
127. Фадеичева Марианна Альфредовна, д-р полит. наук, доцент (Екатеринбург, Россия) fm366@uralmail.com.
128. Фархитдинова Ольга Михайловна, канд. филос. наук, доцент (Екатеринбург, Россия) ofarhetdin@mail.ru.
129. Феденок Юлия Николаевна, канд. ист. наук, н.с. ИЭА РАН (Москва, Россия) fedenok.julia@gmail.com.
130. Федосов Егор Андреевич, магистрант (Томск, Россия) karamba243@yandex.ru.
131. Филиппов Василий Рудольфович, д-р ист. наук, в.н.с. Института Африки РАН (Москва, Россия) fvrdr@rambler.ru.
132. Филиппова Елена Ивановна, д-р ист. наук, в.н.с. ИЭА РАН (Москва, Россия) elena_filippova89@yahoo.fr.
133. Фирер Наталья Демьяновна, канд. филос. наук, доцент (Лесосибирск, Россия) ntlfrt@gmail.com.
134. Фоменков Артём Александрович, д-р ист. наук (Нижний Новгород, Россия) artjom2310@inbox.ru.
135. Хаминов Дмитрий Викторович, канд. ист. наук, с.н.с. лаборатории «Наука и образование в жизни общества: традиции и инновации» (Томск, Россия) Khaminov@mail.ru.
136. Харитоновна Вероника Дмитриевна, аспирант (Томск, Россия) onernika@gmail.com.
137. Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. (Томск, Россия) Kharus-olga@sibmail.com.
138. Хахалкина Елена Владимировна, канд. ист. наук, доцент (Томск, Россия) kev394@rambler.ru.
139. Черказьянова Ирина Васильевна, д-р ист. наук, редактор Научно-информационного бюллетеня «Российские немцы» (Санкт-Петербурга, Россия) cherk@inbox.ru.
140. Чигрина Елена Владимировна, аспирант (Томск, Россия) Lena4igrina@mail.ru.
141. Шведов Максим Николаевич, канд. ист. наук, м.н.с. ЛСАИ (Томск, Россия) shvedovmax@gmail.com.
142. Шевелев Дмитрий Николаевич, д-р ист. наук, доцент, зав. каф. (Томск, Россия) shev-dn@yandex.ru.
143. Шевцов Вячеслав Вениаминович, д-р ист. наук, доцент (Томск, Россия) totleben@yandex.ru.
144. Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, проф., зав. каф. востоковедения (Томск, Россия) sherstova58@mail.ru.

145. Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф., зав. сектором Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия) istorik.novosib@gmail.com.

146. Шнирельман Виктор Александрович, д-р ист. наук, г.н.с. ИЭА РАН (Москва, Россия) shnirv@mail.ru.

147. Щеклачева Татьяна Владимировна, ст. преподаватель (Новосибирск, Россия) hamster.84@mail.ru.

148. Ярков Александр Павлович, д-р ист. наук, проф. (Тюмень, Россия) ayarkov@rambler.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Программа Международной научной конференции. Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования	3
--	---

ТЕЗИСЫ

Секция 1. **СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ОБРАЗ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ШИРОТ**

Hugh S.B. Ancestry.com and the Ever-Expanding Tree of Ethnic Choice	19
Vladimirova V. Transnational Indigenous Formations, Liberal Multiculturalism and Narratives about Indigenous Separatism.....	20
Васильева В.В. «У нас тут свой мир»: пространство Таймырского полуострова в ментальных картах его жителей.....	20
Верещака Е.А. Изобретение Тыневиля: история возникновения и функционирования письменности у чукчей в первой половине XX в.	22
Гаврилова К.А. Рыба, краб и ягода в неформальной экономике жителей северного поселка: способ заработка или источник опасности?	24
Давыдов В.Н. Архитектура доместикации: отношения человека, животных и ландшафта в Забайкалье	26
Лярская Е.В. «Надо, надо умываться по утрам и вечерам!» Гигиенические нормы и практики коренных жителей Ямала и европейские представления о чистоте	27
Мамонтова Н.А. «Ничего нового, только традиции». Репрезентация эвенкийской культурной аутентичности ВКонтакте	28
Нам Е.В. Традиционный шаманизм народов Сибири: от первых опытов культурной идентификации к сложной системе адаптационных механизмов культуры.....	30
Опарин Д.А. Вариативность современного ритуального пространства Нового Чаплино и Сиреников, Чукотка	32
Пивнева Е.А. «Статусная» идентичность как форма социальной адаптации коренных малочисленных народов Севера	33
Д. Самсон Норман де Шамбур. Реабилитация Бога, распятые души. Вера и идентичность в Арктической Сибири.....	35
Функ Д.А. «Кэ-мэ-нэ-эсники, ойраты, метисы». Новые идентичности аборигенов Севера и Сибири	36

Секция 2. МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ПРАВО НА ОТЛИЧИЕ ИЛИ АБСОЛЮТИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ?

Barbieri S. National-cultural autonomy in the Russian Federation: insights from the Tomsk Oblast.....	38
Jamrozik I. Formation and shades of Sikh identities in modern England	39
Wiercinska A. The ambivalence of „the Stranger”. Russian minority in Norway as an example of complex situation of building own identity in the multicultural society.....	40
Аманжолова Д.А. Этничность и формирование советского народа.....	41
Малахов В.С. Слова и вещи: символическая и инструментальная политика в отношении регуляции культурного разнообразия в странах условного Севера.....	44
Малиновский Л.В. Понятия диаспоры и меньшинств в теории и на практике	45
Нам И.В. НКА как институт интеграции мигрантов в принимающее общество (на примере Томска).....	46
Рабинович В.Ю. «Контактное поле» как площадка межэтнического взаимодействия.....	48
Солодова Г.С. Национально-государственная идентичность в условиях глобализации.....	50
Сулима И.И. Проблема идентичности как проблема границы.....	52
Суровцева И.Ю., Туренко О.С. Устойчивость национальных пространств в условиях цивилизационной динамики.....	54
Филиппова Е.И. Мультикультурализм мертв? Дискурс и практики мультикультурализма в России и за рубежом	56

Секция 3. МИГРАНТЫ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ ИНТЕГРАЦИИ

Алишина Г.Н. Дискуссия об идентичности меннонитов России в годы Первой мировой войны.....	58
Крих А.А. Социальные репрезентации сибирских переселенцев в поздней имперский период.....	60
Кутилова Л.А. Проблема разрушения / сохранения этнической границы в переселенческой среде в Сибири в конце XIX – начале XX в. (на примере украинского сообщества): теоретические конструкции, историографическая традиция и опыт исследования.....	62
Люля Н.В. Традиционные элементы в свадебной обрядности украинских переселенцев Алтая 1910–1960-х гг. как этнический маркер	64
Мулина С.А. Чужой среди своих: польские колонии в Сибири в конце XIX – начале XX вв.	65
Недзельюк Т.Г. Эволюция религиозности: бытование католических общин в Сибирском регионе (XIX – начало XXI в.)	67
Сорокина Т.Н. Российские чиновники о китайской и корейской идентичности в Приамурском крае в начале XX в.: к постановке проблемы.....	69
Суворова Н.Г. Общественная помощь переселенцам в поздней имперской России: институты, механизмы и мотивация	71
Черказянова И.В. Формирование общероссийской идентичности петербургских колонистов в XIX – начале XX в.	72

Секция 4. ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО И МИГРАНТЫ

Olszewska D. The meaning of local deities and traditions in development of the regional identity of Chinese community in Bali. Introduction to the problem.....	75
Caress Schenk. The Politics of Immigration Control in Russia.....	76
Алексеев А.Н. Казахстан в поисках суверенной идентичности.....	77
Грунт Е.В., Киммель Н.В. Типологический анализ культурной идентичности русскоязычных эмигрантов в Турции.....	79
Дементьева С.В. Право как механизм интеграции мигрантов в принимающее сообщество.....	81
Дятлов В.И. Мигранты: проблемы безопасности и развития для России (многообразия и конфликт групп интересов в принимающем обществе).....	83
Зимовина Е.П. Российская часть Юго-Восточной Балтики: миграции и формирование полиэтничного общества.....	85
Кашпур В.В., Нам И.В., Поправко И.Г. Структура и содержание отношение населения г. Томска к трудовым мигрантам.....	86
Кириллова А.И. Согласие на межэтнический брак как фактор интеграции мигрантов.....	88
Мкртчян Н.В. Миграция в постсоветский период как фактор динамики идентичности населения России.....	90
Намуева Л.В., Чурюмова Д.М. Трансформация этнической идентичности калмыцкой молодежи: влияние миграционных процессов.....	92
Полетаев Д.В. Адаптация домашних работников-мигрантов в России.....	95
Поправко И.Г. Истинная «казахскость» как ресурс нацистроительства в современном Казахстане в контексте политики репатриации.....	97
Прокофьева Ю.С. Социально-экономические аспекты адаптации мигрантов из Средней Азии в Беларуси на современном этапе.....	98
Тетеревлева Т.П., Реут О.Ч. «Граждане несуществующей державы»: гражданская идентичность, подданство, суверенитет в общественно-политическом дискурсе русского зарубежья 1920–1930-х гг.....	100
Филлипов В.Р. Культурно-языковые идентичности африканцев и особенности миграционных процессов в Африке.....	102
Халалкина Е.В. Реакция общественных и политических кругов на фильм «Улица, живущая на пособия» 2014 г. в контексте миграционных проблем Британии.....	104

Секция 5. ГОРОД: ПРАКТИКИ, СВЯЗИ, ЭМОЦИИ

Часть 1. Городская локальность в текстах и дискурсах

Агеев И.А. Локальный и национальный брендинг территории как средство укрепления региональной идентичности: исторический опыт сибирских городов.....	107
Бочаров А.В. Дискурсивный анализ тематики переноса столицы России в Сибирь в интернет-СМИ.....	110
Гонина Н.В. «Планета Норильск» и «материк»: особенности городской идентичности (на материалах интервью и опубликованных воспоминаний).....	112
Ковальская С.И. Визуальное пространство Астаны и формирование новой идентичности.....	114
Колоднєв Н.Н. Границы среднего класса в представлении российских СМИ.....	115
Лурье М.Л. Игра масштабами: к вопросу о моделях конструирования локальной специфичности в городских текстах.....	117
Скалабан И.А. «Чувство места» как фактор участия.....	118

Трубина Е.Г. Город между географией и антропологией: масштабы, места и практики	120
--	-----

Часть 2. Разнообразие городского опыта

Cordula Gdaniec. Imagining the East: Labour Migration to Tomsk from a Historical perspective	121
Sarah Busse Spencer. From Social Control to Social Stability: The Persistence of the Kollektiv in Russia	122
Богомаз С.А. Личностно-обусловленная оценка городской среды вузовской молодежью Сибири	123
Григоричев К.В. Между городом и селом: пригород как исследовательское поле	125
Кириллов В.М., Олохова О.П. Социальная идентичность жителя социалистического города на Урале 1930-х гг.	127
Кирсанова Е.А. «Прирученный стрит-арт»: проблемы легитимизации уличного искусства	127
Пироговская М.М. Публичное пространство и ольфакторный нейтралитет: воспитание чувств в русской городской культуре второй половины XIX в.	129
Фархитдинова О.М. Культура религиозных групп в городском пространстве	131
Чайка Ю.А. Практики конструирования идентичности в условиях культуры демонстративного потребления	133
Шефер А.Ю., Беляев Я.А. Молодые активисты г. Томска: русский национализм «с человеческим лицом»	135

Секция 6. ПРИКЛАДНЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Aude Merlin. Rethinking the role and place of war veterans in Caucasus	139
Kennedy John. Actually Existing Fieldwork: A Normative Imperative in the Ethnography of Contemporary Russia	140
Ерохина Е.А. Общество, знание, власть: кому нужна этнологическая и этносоциологическая экспертиза?	142
Миськова Е.В. Антропологическая практика в России. Опыт путешествия из академии «туда и обратно»	144
Неваева Д.А. Социальная адаптация пожилых людей в современном мире (по результатам социологического исследования и международной стажировки)	146
Новикова Н.И. Как язык этнографического поля перевести в юридическую норму	148
Ольшевский В. Формы и динамика культурной идентичности в польской антропологической мысли до 1939 г.	149
Осипов К.И. Территориальные конфликты в местах традиционного проживания коренных малочисленных этносов Республики Алтай: причины, факторы модели урегулирования	151
Поддубников В.В. Шорцы: поземельные и этносоциальные конфликты на территориях традиционного природопользования (по данным прикладных этнологических исследований 2011–2013 гг.)	153
Смирнов С.А. Новые идентичности человека и антропологические тренды. Форсайт проект	155
Смирнова Т.Б. Этническая идентичность в контексте проблемы реабилитации репрессированных народов	158
Стракевич А.А. К вопросу о положении турецкой общины в Германии	160
Фирер Н.Д. Особенности социальной адаптации пожилых людей в Красноярском крае	162

Секция 7. РУССКИЙ, СОВЕТСКИЙ, РОССИЯНИН: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Агеева В.В. Исследование российской национальной идентичности в американском россиеведении 1990–2000-х гг.	165
Воскресенская М.А. Идентичность культурной элиты Серебряного века как исследовательская проблема	167
Дериглазова Л.В. «Что значит быть русским?» в ответах студентов, изучающих международные отношения в ТГУ, 2005 и 2014 гг.	169
Жарчинская К.А. Конструирование идентичности в социальных сетях на примере сообществ славянских националистов	170
Зиновьев В.П. Советская составляющая российской идентичности	173
Кудряшев В.Н. Русская общественная мысль в поисках национальной идентичности: зарождение русского национализма (вторая половина XIX в.)	174
Малинова О.Ю. Политическое использование символа Великой Отечественной войны и конструирование российской идентичности	176
Панов П.В. Этничность и распределение властных позиций в российских национальных республиках	178
Подвицнев О.Б. Представления о макрорегиональной структуре современной России как элемент и характеристика идентификационных схем	180
Семенов А.В. В поисках европейской части России: массовые ценности россиян и европейский выбор	182
Суляк С.Г. Национальности и родные языки Молдавии: официальная и декларируемая информация	184
Федосов Е.А. Советский человек: пропагандистский образ или реальная жизнь?	185
Фоменков А.А. Две России: к вопросу «воображении» новой нации	188
Харитонов В.Д. Опыт формирования религиозной идентичности в современной России (на примере зороастризма)	189
Ярков А.П. Об идентичности «мусульманин» в Западной Сибири в последние десятилетия советской власти	191

Секция 8. ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ИНСТИТУТЫ, ГРУППЫ, ЛЮДИ

Richard Sakwa. Eurasian integration: a question of identity?	193
Алтухова С.А. Проблема британской идентичности в российской историографии	194
Грошева Г.В. Иммиграционный фактор и проблема формирования немецкой нации и национальной идентичности немцев (конец XX – начало XXI в.)	196
Дериглазова Л.В. Формирование гражданской идентичности в Европейском союзе	198
Игумнова Л.О. Роль концепции моделирования в конструировании европейской идентичности	199
Климова Г.С. Европейский союз и проблема формирования наднациональной идентичности	201
Коньков Д.С. Идентичность Сидония Аполлинария: человек в условиях кризиса романского мира	203
Матвеева Е.А. «Игры с идентичностями»: кто и какую европейскую идентичность конструирует в публичном пространстве современной Италии?	205

Секция 9. **СИБИРСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Методологические основания исследования сибирской идентичности как нарративной	207
Жигунова М.А. Региональная сибирская идентичность в конце XX – начале XXI в.	209
Корандей Ф.С. Карта Тюменской области как символ: автопрезентация региона и топосы популярного географического воображения	211
Луков Е.В. Идентификация сибирской политической элиты (на примере деятельности Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение»).....	213
Наумова Н.И. Проблемы идентификации сибирских народов (бурятов, хакасов, якутов, алтайцев) в годы Гражданской войны	215
Родигина Н.Н. Кто и как конструировал образ сибиряка в журнальной прессе второй половины XIX – начале XX в.	217
Суворова Н.Г. Сибирская нация в исторических конструкциях XIX в. или Как из крестьян делали сибиряков (по итогам совместного исследования с А.В. Ремневым)	219
Фаденчева М.А. Развитие конгломератной идентичности современных региональных сообществ.....	221
Харусь О.А. Социальные практики конструирования сибирской идентичности в условиях Первой мировой войны (1914–1916 гг.).....	223
Шевелев Д.Н. Структурирование политического пространства и формирование национальной идентичности в официальной и проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.).....	225
Шевцов В.В. Сибирь и сибиряки на страницах губернских ведомостей	228
Шиловский М.В. Конструирование концепта сибирской идентичности на примере личности Г.Н. Потанина (1835–1920).....	230

Секция 10. **ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ:
ЕВРАЗИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ?**

Андропова Л.А. Формирование и эволюция региональной идентичности в Республике Корея	233
Анохина Е.С. Иммигранты, реэмигранты и «астронавты»: идентичность и гражданство «новых» китайских мигрантов.....	235
Ворожищева О.М. Трансформация социокультурной идентичности корейской диаспоры в странах Дальнего Востока XIX–XXI вв.	237
Лойко Н.А. Конструирование идентичностей в современном монгольском обществе	238
Мажинский С.В. Влияние ханьской миграции на национальную идентичность монголов Автономного района Внутренняя Монголия в середине XX в.	240
Носкова Н.Г. Миф о Тангуне как фактор формирования корейской идентичности	242
Ооржак Н.О. Возможность формирования региональной идентичности в Восточной Азии	244
Рябова М.С. Проблема сохранения идентичности русского национального меньшинства в Китае	246
Турушева Н.В. Проблема сохранения национальной идентичности в условиях модернизации в КНР	248
Чигрина Е.В. Отражение идентичности в семейной обрядности томских татар.....	250

Шведов М.Н. Дулуны: некоторые сведения о состоянии общества в меняющихся условиях.....	252
Шерстова Л.И. Эсхатологический аспект религиозных идентичностей тюркоязычных народов Саяно-Алтайского нагорья.....	253

Секция 11. ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Волкова Ж.В. Содержание понятия «образовательная технология».....	257
Грибовский М.В. Университетское преподавательское сообщество России конца XIX – начала XX века формы проявления корпоративной идентичности.....	258
Зиновьева В.И. Центр сопровождения студентов с инвалидностью (ЦеССИ ТУСУР) как фактор формирования идентичности студентов с ограниченными возможностями в вузовской среде.....	260
Ким Е.А. «Сибирская одиссея» Д.Г. Мессершмидта: ученый и власть в Российской империи в первой трети XVIII в.....	261
Оберемко О.А., Истомина А.Г. Противоречивость самоописания как индикатор проблем с идентичностью.....	262
Омельченко Е.А. Социально-культурная адаптация детей из семей международных мигрантов в школе: методика исследования и пути решения проблемы.....	264
Погодаев Н.П. Стратегия «Кейс-стади» при изучении проблем социально-культурной адаптации студентов из Таджикистана в университетской среде Томска.....	266
Ростовцев Е.А. Университетские коммеморации в дореволюционной России.....	268
Соколов В.Ю. Проблемы формирования российской идентичности в отечественном школьном историческом образовании.....	270
Сорокин А.Н. Формы проявления корпоративной идентичности научного сообщества физиков Сибири в конце XIX – первой половине XX вв.....	271
Скорин-Чайков Н.В. Анархизм и идентичность антропологии после кризиса 2008 г.....	273
Трубникова Т.В., Гулиус Н.С. Этический кодекс Университета как инструмент самоидентификации.....	275
Хаминов Д.В. Формирование региональной корпорации советских историков в 1930-х гг. (на материалах Сибири).....	277
Щеклачева Т.В. Роль школы в адаптации детей иноэтничных мигрантов.....	279

Секция 12. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Бородовский А.П. Археологическое наследие и национализм в современных условиях.....	281
Васильев Е.А. Археологическое наследие в контексте региональной и этнической идентичности.....	282
Водясов Е.В. Археологическое наследие в современном общественном сознании жителей Томска.....	284
Данченко Е.М., Грачев М.А. Прошлое в преломлении идентичности.....	286
Зайцева О.В. Региональная идентичность и актуализация археологического наследия в современной России.....	288

Селезнев А.Г. Антропология археологии: мифологический мотив «древних цивилизаций» и его роль в формировании новых российских сакральных пространств	290
Селезнева И.А. Новые сакральные пространства и СМИ: современные технологии формирования идентичностей	292
Шнирельман В.А. «Страна моя арийская...» Идентичность и национализация религии (на примере русской эзотерики)	293

Секция 13. ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ЭВОЛЮЦИОННЫЕ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Agnieszka Sorokowska. Assessing people using body odor: does personality smell?	295
Piotr Sorokowski. Physical attractiveness preferences in traditional populations – biological and cultural determinants	296
Бутовская М.Л. Эволюционные основы агрессии человека	298
Донских О.А. Происхождение языка как системы в ключе этологии	299
Нам Е.В. Особенности культурной идентификации через противопоставление «организм – среда» и их воплощение в традиции сибирского шаманизма	300
Скоробогатая А.А. Этническая идентичность в меняющейся реальности: кросс-культурный анализ	302
Феденок Ю.Н., Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Пространственное поведение и его связь с особенностями черт личности у российских детей и подростков	304
Правила оформления статей для сборника материалов конференции	307
Участники конференции	311

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

*Человек в меняющемся мире.
Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории
и современности:
методология, методика и практики исследования
14–15 октября 2014 г.*

Редактор *Е.В. Лукина, В.С. Сумарокова*
Оригинал-макет *Г.П. Орлова*

Подписано в печать 03.10.2014 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 20,5; усл. печ. л. 19,1; уч.-изд. л. 19,6.
Тираж 100 экз. Заказ 572

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru